

М. И. ЛАЗАРЕВ

ДВОРЦОВЫЕ

ПЕРЕВРОТЫ

**В СТРАНАХ
ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ**

М. И. ЛАЗАРЕВ

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

**(международноправовое признание
новых правительств)**

Издательство «Юридическая литература»

Москва — 1967

ОТ АВТОРА

Книга «Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки (международноправовое признание новых правительств)» ставит своей целью показать, как американские монополии организуют и проводят дворцовые перевороты в странах Латинской Америки, нарушая их суверенитет. Дипломатия США при помощи экономических, политических, правовых и военных средств давления «формирует» угодные себе латиноамериканские правительства, обосновывая признание или непризнание тех или иных латиноамериканских правительств идеологическими средствами (доктрина Джефферсона, Хейя Тобара, Вильсона, Стимсона, Ларетты, Манна, Джонсона). Осуждая вмешательство американского империализма во внутренние дела стран Латинской Америки, организуемые ими заговоры и перевороты, XXIII съезд КПСС отметил, что эти методы США применяют в странах Африки и Азии, и в частности во Вьетнаме. В настоящей книге сделана также попытка, опираясь на официальные материалы и документы, выяснить приемы оформления государственным департаментом признания новых латиноамериканских правительств и политические и юридические последствия признания или непризнания латиноамериканских правительств со стороны США.

Автор считает своим долгом припести благодарность видным советским ученым — Б. И. Гвоздареву, Л. М. Леонидову и Д. И. Фельдману за помощь материалами и советами в создании настоящей книги.

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ — ИНСТРУМЕНТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА США ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

§ 1. Так делаются дворцовые перевороты

Джавахарлал Неру утверждал, что существует «невидимая империя Соединенных Штатов Америки»¹.

Прошло более трех десятилетий, однако, к несчастью для народов, эта американская невидимая империя существует и до сих пор. Одним из инструментов управления ею являются организация и проведение американскими монополистами дворцовых переворотов в странах Латинской Америки.

Каких только нет переворотов в Латинской Америке — кровавых и бескровных, с сотнями жертв и без единого выстрела, с пальбой на улицах и в тиши президентских кабинетов.

Как правило, вдохновителем и прямым соучастником дворцовых переворотов в странах Латинской Америки является империализм США, широко использующий в этих целях своих официальных представителей и многочисленную агентуру.

Любопытна арифметика дворцовых переворотов в Латинской Америке: за 20 лет — с 1943 по 1963 год — в 17 странах Латинской Америки было совершено 68

¹ Р. Арисменди, Латиноамериканская революция, М., 1964, стр. 58.

дворцовых переворотов, к большинству из которых причастны Соединенные Штаты Америки¹.

В Парагвае, например, с 1870 по 1954 год пост президента занимало почти четыре десятка человек. Большинство из них было заключено в тюрьмы, выслано или убито до истечения их президентского срока. Средний срок нахождения в должности президента этой страны составляет 22 месяца².

В Колумбии было 27 гражданских войн, одна из которых стоила 80 тыс., другая 100 тыс. жизней.

К 1898 году в Боливии состоялось более 60 путчей и восстаний, в результате которых было убито 6 президентов; к 1920 году в стране сменилось 74 правительства, а к 1952 году в ней произошло уже 179 путчей.

В Гондурасе в течение 125 лет, считая до 1950 года, правление переходило из рук в руки 115 раз.

В Венесуэле произошло 50 путчей в течение 100 лет, считая с момента завоевания ею независимости и до 1903 года³.

Устоявшаяся схема дворцовых переворотов в латиноамериканской стране такова. Американские монополии и их агентура, заинтересованные в устранении неугодных им правительств, передают деньги и оружие латиноамериканским деятелям, чаще всего из числа лиц, окончивших военные учебные заведения США или служивших на их военных базах.

Избранный США полковник окружает ночью или утром дворец президента танками, захватывает радиостанцию и заявляет, что он делает это для предотвра-

¹ «За рубежом» 1964 г. № 17, стр. 11.

² «Latin American History», Washington, 1962, vol. 11, p. 55

³ J. Johnson, The Military and Society in Latin America, Stanford, 1964, p. 5.

щения «заговора коммунистов». Затем отменяется конституция и конституционные гарантии, распускаются все политические партии, а через год или два проводятся «выборы» уже сидящего в президентском кресле диктатора на пост президента.

На протяжении всего этого времени, если только народ не разгромит очередную военную хунту, в стране действует «закон-намордник» о жесткой цензуре, полностью уничтожающий свободу печати и изолирующий страну от внешнего мира.

Говоря словами латиноамериканских журналистов, в эту континентальную орбиту «горилл» (так в Латинской Америке именуют реакционную армию — *М. Л.*) включены многие латиноамериканские страны, где в результате дворцовых переворотов были свергнуты конституционные правительства и установлена диктатура военных кругов и местной реакции.

В качестве примера можно привести также Эквадор. В ноябре 1961 года империализм США пытался осуществить государственный переворот в Эквадоре и не допустить законного вступления на пост президента К. Х. Аросемена. Однако тогда народ Эквадора дал отпор этому заговору внутренней и внешней реакции¹.

Выступая в Кито 10 ноября 1961 г., президент Аросемена рассказал о том, как США противились его поездке в социалистические страны и установлению дипломатических контактов Эквадора с СССР. «Мне заявили буквально за 48 часов до отъезда, что я был простым лакеем, но я должен был совершить эту поездку и таким образом показать, что Эквадор является свободной и суверенной страной»².

¹ С. А. Гонимонский, Очерки новейшей истории стран Латинской Америки, М., 1964, стр. 378.

² «Правда» 12 ноября 1961 г.

В дальнейшем, однако, империализм США, используя эквадорские военные круги, организовал 11 июля 1963 г. очередное «пронунсиаменто» в Эквадоре¹. Советский историк С. А. Гонимонский констатирует: «...неопровержимо доказано, что посол Америки в Эквадоре Морис Бернбаум усиленно добивался отстранения Аросемены и установления военной диктатуры»².

Захватившая власть военная хунта полковников для успокоения общественного мнения страны объявила, что их правление будет «временным», в течение лишь двух лет, но в дальнейшем продлила свои полномочия до 1967 года. Военная хунта хотела путем выборов узаконить неограниченное господство реакции. Однако 29 марта 1966 г. трехлетняя героическая борьба народа против хунты закончилась ее поражением.

Другой пример. Американские монополии в 1961 году вдохновили бразильскую внутреннюю реакцию на организацию в стране антиправительственной кампании, добиваясь от президента Жанио Куадроса изменения неугодного им внешнеполитического курса его правительства. В июле этого года американский посол Джон Кебот выступил с критикой внешней политики Бразилии, заявив, что она «удручает Соединенные Штаты». Более того, в целях выявления патриотически настроенных бразильцев Кебот предложил 1 млн. долларов губернатору бразильского штата Риу-Гранди ду-Сул Леопелиу Бриззоле за передачу ему всех досье полиции штата. После огласки этой истории Кебот вынужден был покинуть Бразилию. Известно, что Куадрос добивался ослабления экономической зависимости Бразилии

¹ Пронунсиаменто — государственный дворцовый переворот (исп.).

² С. А. Гонимонский, Очерки новейшей истории стран Латинской Америки, М., 1964, стр. 382—383.

от США и стремился расширить ее внешние экономические и политические связи с другими странами.

Вместо того, чтобы разорвать дипломатические отношения с Кубой, как того требовали США, Куадрос пригласил в Бразилию бывшего в то время министром республики Кубы Гевара и наградил его высшим бразильским орденом¹. Это вызвало негодование империалистических кругов США, которые в союзе с местной бразильской реакцией добились ухода Куадроса в отставку.

В нарушение конституции Бразилии реакция пыталась помешать вице-президенту Жоао Гуларту занять пост президента. Хотя Гуларт при поддержке народных масс и вступил на пост президента, реакционные круги Бразилии все же добились изменения конституции, значительно ограничив власть президента введением поста премьер-министра с широкими полномочиями.

23 ноября 1961 г. президент Гуларт восстановил дипломатические отношения с СССР. Он увеличил торговый оборот с социалистическими странами, отказался продлить соглашение о предоставлении США военной базы на острове Фернанду-ди Норонья, выступил за создание безъядерной зоны в Латинской Америке, национализировал нефтеперегонные заводы, установил контроль над долларовыми прибылями.

Однако 1 апреля 1964 г. бразильская военщина при поддержке американских монополий совершила очередной дворцовый переворот, причем американское правительство, по сообщениям латиноамериканской прессы, так торопилось, что заявило о признании нового правительства... еще до того, как оно было сформировано.

В стране начался террор и антикоммунистическая истерия. Путчисты, именовавшие себя высшим «револю-

¹ С. А. Гонимский, Очерки новейшей истории стран Латинской Америки, стр. 100.

ционным» командованием, исключили из конгресса 44 депутата, лишив их на 10 лет права голоса и права избрания на официальные должности. Положение не изменилось и в последующие годы. Даже в 1966 году бразильские военные трибуналы продолжали репрессии против кадровых офицеров с левыми взглядами¹. Аналогичные чистки были проведены в законодательных органах штатов и в муниципалитетах. В одном только штате Риу-Гранди ду-Сул по политическим мотивам было арестовано 5 тыс. человек и проведены жестокие репрессии.

Путчисты лишили гражданских прав президента Гуларта, бывшего президента Куадроса, крестьянского лидера Франсиско Хулиана, руководителя Бразильской коммунистической партии Луиса Карлоса Престеса, маршала Освино Ферейру Алвеса и многих других политических деятелей.

Был даже издан указ, подписанный тремя военными министрами (министром армии, морским министром и министром авиации), «предоставляющий» этим лицам неограниченные полномочия аннулировать парламентские мандаты и лишать людей политических прав. Никакое обращение к суду по поводу этих решений не допускается. В преамбуле этого указа отмечалось, что «конституционные методы не оказались действенными для того, чтобы избавиться от правительства, которое умышленно готовилось большевизировать страну»².

Западногерманский корреспондент, бравший интервью у президента Гуларта в Уругвае после дворцового переворота, пишет, что на его вопрос, что означает утверждение насчет того, что Гуларт — коммунист (или поддается влиянию коммунистов), Гуларт не задумы-

¹ «Новое время» 1966 г. № 46, стр. 14.

² «За рубежом» 1964 г. № 16, стр. 14.

ваясь ответил: «Коммунистическую опасность изобрели, чтобы помешать реформам»¹.

Касаясь перспектив дальнейшего развития событий политической жизни в Бразилии, депутат Бриззола подчеркнул, что «империалисты, крупный международный капитал, промышленные бароны и латифундисты не будут иметь отдыха. Они думают, что победили, и жестоко ошибаются. Будущее с нами, с народом. Оно недалеко. Совершенные ошибки послужат приобретению опыта»².

Возьмем еще одну латиноамериканскую страну — Гондурас. Когда в Гондурасе 13 октября 1963 г. должны были состояться выборы нового президента, кандидатура которого, как отмечалось в печати, явно не устраивала США, американский посол в Гондурасе повел переговоры с местной реакцией о дворцовом перевороте в стране. Один из главарей переворота обратился за финансовой помощью к «Юнайтед фрут компании»³. За десять дней до выборов, 3 октября 1963 г., полковник Освальдо Лопес Арельяно и другие офицеры свергли либерального президента Моралеса, распустили все политические партии, арестовали их руководителей и провели ряд репрессий против организаций трудящихся. Немудрено, что «выборы» не принесли неожиданных для главарей переворота.

Говоря о дворцовом перевороте в Гондурасе, сенатор Морзе, выступая в конгрессе США, отметил, что военные деятели, захватившие власть, «знают, что они могут продолжать совершать свои государственные перевороты и что после нескольких дней они получают при-

¹ «За рубежом» 1964 г. № 16, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

³ С. А. Гонимонский, Очерки новейшей истории стран Латинской Америки, стр. 166.

знание и, вероятно, встретят также взаимность посредством миллионов долларов и поэтому смогут стабилизировать свое правительство, пришедшее к власти в результате насильственного дворцового переворота»¹.

Официально же государственный департамент сделал следующее заявление: «Мы созерцаем недавние военные перевороты в Доминиканской Республике и Гондурасе с серьезным сожалением» и выразил уверенность, «что экономическая и военная помощь Гондурасу и Доминиканской Республике будет приостановлена»².

Однако на деле США вскоре установили официальные отношения с армейскими хунтами и оказали им как материальную, так и моральную поддержку.

Менее чем через месяц после первого заявления государственный департамент выступил с новым заявлением о признании новых правительств, ссылаясь на то, что они обещали провести «демократические» выборы через два года. В заявлении говорилось следующее: «Соединенные Штаты 14 декабря признали правительства и Доминиканской Республики и Гондураса после консультации с другими правительствами западного полушария.

Правительства и гондурасского и доминиканского режима издали декреты, устанавливающие расписание выборов для возврата к представительным и конституционным правительствам. Оба режима дали публичные заверения, что они будут уважать гражданские свободы, свободу действий политических партий и что они будут выполнять свои международные обязательства»³.

Свергнув законное правительство Доминиканской Республики, возглавляемое Хуаном Бошем, империалисты

¹ «Congressional Record», October I, 1963, p. 17543.

² «The Department of State Bulletin», October 21, 1963, p. 624.

³ «DSB», December 30, 1963, p. 997.

США вмешались вооруженной силой для утверждения власти сброшенной в апреле 1965 года доминиканским народом военной хунты, состоящей из проамериканских элементов. На выборах 1 июля им удалось путем обмана и террора утвердить у власти своего ставленника генерала Х. Баллагера.

Поддержка США реакционных военных хунт в таких латиноамериканских странах, как Доминиканская Республика, Гондурас, Бразилия, Эквадор, и других странах еще раз продемонстрировала подлинное отношение США к принципу самоопределения латиноамериканских народов и невмешательству в их внутренние дела.

В апреле 1961 года США организовали военную интервенцию против народа Кубы, правительства Кастро, как со своей территории, так и с военных баз, созданных США в Гватемале и других латиноамериканских странах. В течение многих месяцев офицеры вооруженных сил США обучали интервентов на своей территории, снабжали их американским оружием, в том числе самолетами, судами и другими транспортными средствами.

Правящие круги США полагали, что контрреволюционеры создадут плацдарм на Кубе, на котором обоснуется «правительство» Кордоны и попросит признания и военной помощи США. Позднее американский сенатор Гордон Амот предложил даже создать кубинское эмигрантское правительство прямо на военно-морской базе Гуантанамо.

В эти трудные для кубинского народа дни Советское правительство со всей решимостью осудило интервентов и их хозяев, заявив о своей полной поддержке независимости Кубы. СССР обратился ко всем государствам — членам ООН с призывом к решительным действиям в защиту суверенитета Кубы и всеобщего мира.

Иногда дворцовые перевороты в латиноамериканских странах происходили «мирно». При этом заговорщики делают все необходимое для создания видимости соблюдения «легальной», «конституционной» формы изменения правительства.

Этим преследовались две цели: во-первых, создать видимость законности образования нового правительства внутри страны; во-вторых, обеспечить получение признания дворцового переворота и нового правительства со стороны иностранных государств.

Приведем три примера из прошлого. В апреле 1941 года противники президента Аргентины Ортиса пытались не допустить его к власти после выздоровления. Специальная комиссия, назначенная сенатом, «исследовала» здоровье президента и пришла к выводу, что «зрительные органы президента находятся в таком состоянии, что препятствуют чтению и, следовательно, личному ознакомлению с документами до подписи»¹. После этого Ортис был «законно» отстранен от власти.

25 февраля 1944 года президент Аргентины генерал Рамирес «делегировал» свои полномочия в качестве президента генералу Фаррело, а спустя несколько дней подал в отставку². Фактически же это был типичный государственный переворот, произведенный под нажимом более сильной политической фракции аргентинской армии.

Примером дворцового переворота, оформленного «легальными» средствами, является переворот генерала Уэрты в 1913 году в Мексике. Будучи командующим

¹ А. Волков, Латинская Америка в борьбе против гитлеризма, М., 1942, стр. 24.

² «Documents on American Foreign Relations July 1944—June 1945», vol. VII, edited by Leland M. Goodrich and Marie J. Carroll, Copyright 1947, Norwood. Mass, p. 779.

гарнизона столицы, в обязанность которого входила защита правительства президента Мадеро от повстанческой деятельности генералов Райеса и Диаса, Уэрта 18 февраля 1913 г. перешел на сторону повстанцев и провозгласил себя временным президентом.

Заклучив в тюрьму президента Мадеро и вице-президента Пино Суареса, Уэрта 19 февраля 1913 г. (около 8 часов утра) заставил их выйти в отставку. Затем в 10 часов утра он принудил временно исполняющего обязанности президента Ласкурена назначить его министром и немедленно после этого, в 11 часов утра, заставил его уйти в отставку. Такие произвольные действия были подтверждены в 11 часов 20 минут конгрессом, не имевшим кворума¹.

Недаром американо-мексиканская международная комиссия претензий записала, что «рассматривая характер и статус режима Уэрты, настоящий международный трибунал будет смотреть на существо, нежели на его форму, существо, которое нетрудно обнаружить, несмотря на тонкий конституционный наряд, под которым он маскировался»².

Организуя и поддерживая дворцовые перевороты в странах Латинской Америки, США вместе с тем, не раздумывая, порывают с теми из своих ставленников, которые становятся бесполезными для американских монополий. Вашингтон выдал новому венесуэльскому правительству бывшего диктатора Венесуэлы Хименеса, ранее получившего убежище в США. И в Доминиканской Республике, не без ведома и участия американской разведки, был убит Трухильо, долгие годы верой и правдой служивший Соединенным Штатам.

¹ M. Hudson, Cases on International Law, St. Paul. Minn, 1936, p. 171—172.

² M. Hudson, op cit., p. 171.

Постоянное вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела латиноамериканских республик накаляет политическую атмосферу и вызывает усиление недовольства их народов. В этих условиях, стремясь не допустить ослабления своих позиций, империалистические круги США упорно навязывают латиноамериканским народам своих ставленников. Они стараются менять их время от времени, пытаясь тем самым обмануть народы и создать видимость перемен.

И только в одном случае, на Кубе, 8 лет тому назад это однообразие было нарушено твердой рукой Его Величества народа, впервые в истории Латинской Америки пришедшего к власти.

§ 2. Калейдоскоп государственных переворотов в Латинской Америке и их причины

Латиноамериканские государства возникли в результате борьбы колоний Испании в Америке за свою независимость. С начала этой борьбы (1810 год) и по настоящее время Латинская Америка дает необычайное множество примеров правительств, пришедших к власти в результате дворцовых переворотов.

Буржуазные исследователи часто именуют эти перевороты революциями. Однако смешение революции с путчем, дворцовым переворотом, сменой кабинета и т. п. абсолютно ненаучно.

В то время, как, говоря словами Маркса, «революции — локомотивы истории»¹, в то время, как революция — это «отчаянная борьба классов, дошедшая до наибольшего ожесточения»², дворцовые перевороты

¹ К. Маркс, Избранные произведения, т. II, М., 1940, стр. 267.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 366.

являются лишь некоторым движением внутри господствующего класса, перестановкой его сил.

Интересно отметить, что даже центральноамериканские договоры 1907 и 1923 годов о порядке международного признания новых правительств различают, с одной стороны, государственный переворот и, с другой — революцию.

Причины переворотов объясняются как внутренними, так и внешними противоречиями, заложенными прежде всего в латиноамериканской экономике, зависимой от иностранного капитала.

Неустойчивость латиноамериканских правительств определяется, в частности, зависимостью экономики латиноамериканских стран¹. Хищническая эксплуатация ресурсов и населения Латинской Америки иностранным капиталом вызывает кризисы и, как их следствие, сильные революционные движения, а также государственные перевороты².

Капиталистическая система с ее периодическими кризисами и войнами, неизбежным национально-освободительным движением в развивающихся странах вызывает нестабильность правительств буржуазного мира. Особенно это стало характерным в современную нам эпоху вообще и в странах Латинской Америки в особенности.

Постоянные государственные перевороты в Латинской Америке — это результат брожения, связанного со

¹ Только в 1964 году Латинская Америка выплатила в качестве прибылей, долгов, процентов и амортизации иностранным вкладчикам капитала и кредиторам 2600 млн. долларов. Ее внешние долги возросли до 11 млрд. долларов в 1965 году. По сравнению с 1955 годом выплата Латинской Америки по долгам возросла в четыре раза! («Правда» 27 мая 1966 г.).

² «Кризис в странах Латинской Америки», М., 1932, стр. 291—292.

сложной социальной структурой и революционным процессом, давно назревшим на этом континенте, но амортизируемым соседством с США.

Именно в этом смысле и высказывается известный мексиканский политический деятель и дипломат Хорхе Кастаньеда, когда он отмечает, что «истина, которая в Латинской Америке повторяется как аксиома, состоит в том, что одной из наиболее мощных причин является моральная и материальная поддержка, которую этим диктаторам постоянно оказывали Соединенные Штаты Америки»¹.

Крайняя подвижность государственной жизни латиноамериканских стран знает некоторые исключения. В латиноамериканских странах бывали и периоды затиший, когда отдельные лица при помощи силы управляли страной два-три десятка лет подряд². Но это отдельные эпизоды.

Некоторая стабильность правительств Латинской Америки имела место только в короткий период второй мировой войны до явного перелома в войне летом 1943 года в пользу антигитлеровской коалиции³, но затем снова последовал ряд дворцовых переворотов в Аргентине, Боливии, Эквадоре, Гватемале, Кубе, Венесуэле и Перу.

¹ I. Castaneda, Mexico yel Orden International, Mexico, 1956, pp. 193—194.

² Например, в Гватемале 22 года правил Эстрада Кабрера, в Парагвае 26 лет — Хосе Франсиа, в Мексике 30 лет — Порфирио Диас, в Гаити 25 лет — Буайер, в Аргентине с 1890 до 1930 года не было переворотов; свыше 30 лет душил свободу в Доминиканской Республике ставленник Вашингтона — диктатор Трухильо и т. д.

³ В. Л. Исраэлян, Антигитлеровская коалиция 1941—1945 гг., изд-во «Международные отношения», 1964, стр. 189—356.

В дворцовых переворотах в странах Латинской Америки повинна и политика, основанная на доктрине Монро, так как она содействовала изоляции стран Латинской Америки от остального мира и ставила эти страны и их правительства в зависимость от воли США.

Доктрина Монро всегда использовалась США в интересах вмешательства во внутренние дела стран Латинской Америки¹.

Одной из причин государственных переворотов являлись противоречия между различными группами господствующего класса того или иного латиноамериканского государства. Помещики выступали против буржуазии, армия — против флота, окраины — против центров, клерикалы — против светской власти, гражданская власть — против военной. При помощи переворотов достигались узкокастовые интересы этих групп.

Государственные перевороты вызывались также противоречиями между Соединенными Штатами и Англией, а также Германией, Италией, Японией, Испанией, стремившимися поставить у власти лиц с необходимой им политической ориентацией.

После второй мировой войны государственные перевороты широко используются как средство предотвращения надвигающейся революции угнетенных масс. К этому испытанному приему латиноамериканские господствующие классы прибегали всякий раз, когда надо было успокоить трудящихся и усилить свою диктатуру.

Оценка В. И. Лениным одного из замышлявшихся государственных переворотов в России полностью применима в настоящее время к государственным перево-

¹ Доктрина Монро — заявление президента США 2 декабря 1823 г., смысл которого сводился к формуле «Америка для американцев», означавшей на деле требование «Америка для США»

ротам в странах Латинской Америки. В. И. Ленин писал: «Подготовленный в тиши и в тайне *coup d'état* (государственный переворот) понравился «сферам». Они находятся под сильнейшим впечатлением того, что им кажется удачным и смелым натиском на революцию. Они не могут не помышлять теперь о повторении такого же натиска *заранее*, в виде предупреждения «нового обострения революционного кризиса». Царские придворные — люди военные. Перейти в наступление, взять в свои руки инициативу военных действий,— преимущество такой тактики они превосходно понимают»¹.

По мнению ряда американских ученых, источником переворотов является «каудилизм» (вождизм), характерный для народов латиноамериканских стран, привыкших-де уважать сильных, жестоких, энергичных руководителей.

Американский ученый Дж. Джонсон утверждает, что одной из причин государственных переворотов в Латинской Америке является-де «особая любовь» латиноамериканских народов к лицам военной профессии.

Однако далее он приходит и к другому выводу о том, что «Испанская Америка являлась единственной частью современного мира, в котором диктатура стала нормальным явлением, где стало обычным опекать демократов при помощи пистолетов, где военные пронунсиаменто восхвалялись по традиции и где военные академии могут быть с полным основанием окрещены как школы, готовые президентов»².

Джонсон приводит следующие данные о роли военных кругов в политической жизни Латинской Америки:

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 18.

² J. Johnson, *The Military and Society in Latin America*, Stanford, 1964, pp. 3—4.

так, в 1954 году из 20 республик 13 контролировались военными кругами. С 1954 по 1960 год военные диктаторы были убиты в Панаме (1955 г.), в Никарагуа (1956 г.), в Гватемале (1957 г.); военные диктаторы были изгнаны из Аргентины (1955 г.), из Колумбии (1957 г.), из Венесуэлы (1958 г.) и других стран.

В 1962 году военные круги сместили избранного конституционным путем президента в Аргентине и объявили недействительными выборы в Перу. В 1963 году они установили прямой контроль в Гватемале. В июле 1963 года офицеры Эквадора также установили правительство военной хунты.

В сентябре 1963 года вооруженные силы свергли президента Доминиканской Республики Хуана Боша, а несколько дней спустя — президента Рамона Моралеса в Гондурасе. В ноябре 1964 года в Боливии совершил военный переворот и пришел к власти генерал Ортуньо, а в июне 1966 года в Аргентине сверг правительство и пришел к власти генерал Онгания.

Роль латиноамериканской военщины в различных странах неодинакова. Американский ученый Льюен делит все латиноамериканские страны на три группы.

1. Страны, где вооруженные силы господствуют в политике. Доминиканская Республика, Никарагуа, Парагвай, Сальвадор, Гаити, Гондурас, Панама. Эти страны занимают 4% территории Латинской Америки, где проживает 8% ее населения.

2. Страны, где вооруженные силы постепенно отходят от активного участия в политической жизни — Гватемала, Венесуэла, Перу, Эквадор, Аргентина, Бразилия, занимающие 70% территории и имеющие 60% населения Латинской Америки.

3. Страны, где вооруженные силы не участвуют в политике: Колумбия, Чили, Мексика, Боливия, Уругвай, Коста-Рика. Такие страны занимают 25% территории и

имеют 33% населения Латинской Америки¹. В этой группе стран, пишет Льюен, «военные, обжегши свои пальцы в попытках выполнять невоенные функции, скоро отошли от политики и возобновили свою профессиональную традиционную деятельность».

Такого рода объяснение умеренной роли военных кругов в определенных странах Латинской Америки не вскрывает глубинных причин. Роль военных обратно пропорциональна силе и организованности демократических сил, способных сохранить определенный минимум и максимум демократии в данной стране.

Военные круги играют большую роль в государственной жизни Латинской Америки в целом, так как они выражают интересы соответствующих господствующих классов и их классовых группировок.

Как правило, офицерский корпус формируется в этих странах из представителей классов помещиков и капиталистов. Он активно участвует в политической жизни и выражает классовые, а также классово-групповые интересы пославших их в центральные или местные органы власти кругов.

Большое влияние военных клик в Бразилии, Аргентине, Венесуэле и других странах на внутреннюю и внешнюю политику определяется тем, что они держат в своих руках многочисленные экономические предприятия, земельные угодья.

Показательно, также что в течение 1954—1959 гг. в Бразилии расходовалось на содержание вооруженных сил больше, чем на все общественные работы и программу развития страны вместе взятые.

Кубинская революция, борьба народов Гватемалы, Венесуэлы, Колумбии, Доминиканской Республики и

¹ E. Lieuwen, *Arms and Politics in Latin America*, N. J., 1960, pp. 158, 163, 168

других стран против американского империализма и латиноамериканской олигархии приводит к тому, что политическая организация господствующих классов не выдерживает здесь новых испытаний и во многих случаях дает осечку.

Традиционные буржуазно-помещичьи партии стран Латинской Америки все чаще заходят в тупик. И когда на выборах народные массы пытаются использовать буржуазную демократию, то, ломая конституционный порядок и законы, военная хунта захватывает власть, начинает репрессии и дает возможность господствующим классам перегруппироваться, опереться на американские монополии и сохранить свое господство.

Именно так было дело в Доминиканской Республике, где местная реакция при поддержке американских монополий свергла 25 сентября 1963 г. избранное населением этой страны либеральное буржуазно-демократическое правительство во главе с писателем и философом Хуаном Бошем, а когда народ восстал в апреле 1965 года против очередной американской марионетки, то США бросили свои войска на его подавление.

Господствующие классы и связанные с ними военные клики прибегают (а американские империалисты это поощряют) к свержению буржуазно-демократических правительств под предлогом борьбы с «коммунистической угрозой», защиты страны от коммунизма.

Даже бывший президент Колумбии Сантос должен был констатировать, что «злейшие враги свободы поднимают флаг антикоммунизма и прячутся за ним», в то время, как буржуазные демократы и враги коммунизма обвиняются в принадлежности к нему, когда это выгодно диктатору¹.

¹ «Latin American History», Washington, 1962, vol 1, p. 12.

Льюен подчеркивает, что «противников режима обычно обвиняют в «коммунизме». Заключение в тюрьму, убийство или изгнание является наградой за активную оппозицию»¹.

Примером тому является переворот в Аргентине 28 июня 1966 г., когда генерал Хуан Карлос Онганя сверг правительство А. Илья, мотивируя это необходимостью более решительной борьбы с коммунизмом в стране.

Вольно или невольно отрываясь от подлинных причин дворцовых переворотов — причин экономического и классового характера — буржуазные авторы ищут «лекарство» от этой «болезни» в структуре государственного аппарата, в механизме организации политической власти или в культурном уровне латиноамериканцев.

Так, Вирджиния Прюэтт пишет, касаясь дворцовых переворотов в Латинской Америке, что «специалисты, изучающие это явление, пришли к выводу, что людей и культуру этого района в этом отношении изменить нельзя и что необходимо изменить государственную систему латиноамериканских стран». Автор предлагает ввести в этих странах «парламентскую систему». «В этом случае,— говорит она,— падение кабинетов и проведение всеобщих выборов могло бы стать тем необходимым аварийным клапаном, который позволил бы выпускать лишний пар, когда чрезмерно накаляется политическая атмосфера в этих странах».

Однако дело, конечно, не в парламентском режиме, а во вмешательстве американских монополий во внутренние дела латиноамериканских стран.

¹ E. Lieuwen, op. cit., p. 159.

Специфика дипломатических отношений США с большинством стран Латинской Америки заключается в том, что, во-первых, между ними фактически существуют отношения не координации, а субординации, вызванные быстрым ростом экономической, политической и военной мощи США при отсталости в развитии Латинской Америки. Во-вторых, при определенном постоянстве правительства США происходит частая смена латиноамериканских правительств. В-третьих, смена правительств в латиноамериканских странах в свою очередь нарушала нормальную деятельность североамериканского капитала по эксплуатации этого континента. В тех случаях, когда создавалась угроза капиталам «янки», правительство США выполняло роль полицейского охранника интересов североамериканских монополистов в Латинской Америке.

Политика США, направленная на подавление любых демократических движений и правительств в Латинской Америке, нашла свое яркое отражение в резолюции палаты представителей конгресса США, принятой 20 сентября 1965 г.

Эта резолюция одобряет применение вооруженной силы США в странах западного полушария для «предотвращения подрывной деятельности», угроза которой определяется односторонне США. Резолюция, оправдывающая подрывную деятельность США против неугодных им правительств, встретила решительные протесты и возмущение не только народов, но и ряда правительств Латинской Америки¹.

¹ «Repudia América Latina el plan intervencionista norteamericana», «Hoy» 23 de septiembre de 1965, p. 8.

§ 3. Экономическое давление США на латиноамериканские правительства

В период борьбы за свою независимость народы Латинской Америки, по словам Р. Арисменди, завоевали только «гербы и флаги»¹. Хотя большинство стран Латинской Америки давно добились политической независимости, в экономическом отношении они продолжают оставаться в зависимости от США.

В. И. Ленин отмечал, что «финансовый капитал — такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью»².

Под давлением американского капитала экономика латиноамериканских стран получила одностороннее, уродливое развитие: у большинства из них почти нет собственной крупной промышленности, а сельское хозяйство носит монокультурный характер.

В результате второй мировой войны монополии США захватили все бывшие вражеские активы в Латинской Америке и еще более упрочили там свое положение. Такие североамериканские монополии, как «Юнайтед Фрут Компани», «Юнайтед Стейтс Банана Компани», «Нэшнел Сити Банк», «Чейз Нэшнел Банк», по существу держат в своих руках все ключевые отрасли экономики латиноамериканских стран.

Четыре пятых иностранного капитала, вложенного в Латинской Америке, принадлежат американским монополиям. Там находится 36% всех капитальных вложений США за границей.

¹ Р. Арисменди, цит. соч., стр. 262.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 379.

Американские нефтяные монополии контролируют 60% добычи нефти, почти половину ее перегонки и почти весь рынок нефтепродуктов. В руках американских компаний находится 60% минеральных богатств Мексики, 90% чилийской меди, весь цинк, $\frac{3}{4}$ меди и 50% серы и свинца Перу, запасы железа и металла Бразилии, Венесуэлы, Чили и других стран. Они владеют от 50 до 90% производства электроэнергии в Бразилии, Мексике, Чили, Венесуэле, Гватемале, Коста-Рике, Панама и др.

«Юнайтед Фрут Компани», действующая в восьми латиноамериканских странах, контролирует 60% компаний по производству фруктов, сахара, какао, а также судоходные, железнодорожные компании, городской транспорт, строительные предприятия и т. д. Она владеет почти полмиллионом гектаров земли и многими тысячами голов скота.

Большая часть мясохладобоев Бразилии, Аргентины, Парагвая, Уругвая и других стран принадлежит монополиям Чикаго. Этот список можно было бы значительно продолжить.

В настоящее время капитальные вложения США в странах Латинской Америки превышают 10 млрд. долларов¹.

Согласно международному праву суверенные латиноамериканские правительства должны были бы по собственному усмотрению решать вопрос о судьбе североамериканских фирм, существующих на их территории, исходя из коренных интересов страны и ее экономики.

Фактически же получается наоборот. Судьба латиноамериканских правительств нередко ставится в зависимость от их отношения к монополиям США.

¹ Р. Арисменди, цит. соч., стр. 77.

В качестве средства давления на вновь образованное и непризнаваемое латиноамериканское правительство США применяли заявление об отказе в дипломатической защите тех своих граждан, которые вступают с ним в какие-либо сношения.

По существу это означало изоляцию вновь возникшего правительства, препятствие его фактическим связям и получению им какой-либо помощи. В 1917 году одновременно с заявлением о непризнании правительства Тиноко в Коста-Рике правительство США выступило с публичным уведомлением о том, что оно не будет поддерживать иски любого лица, которое оказывает финансовую помощь или ведет деловые отношения «с теми, кто сверг правительство Коста-Рики»¹.

Нередко Соединенные Штаты захватывали таможи и удерживали в своих руках налоговые поступления того латиноамериканского государства, где происходили волнения.

В результате положение населения становилось настолько тяжелым и принимало столь серьезный характер (например, в Гаити в 1915 году), что приходилось апеллировать о помощи к Красному Кресту².

Политика экономического давления США на латиноамериканские правительства вопреки утверждениям американской официальной пропаганды не изменилась и в годы проведения так называемой политики «доброго соседа» президента Рузвельта.

В Гватемале, например, в течение всего периода нахождения у власти диктаторских правительств американские монополии фактически управляли страной. Диктатор Убико, 14 лет державшийся у власти, при

¹ Ch. Howland, Survey of American Foreign Relations, New Haven, 1931, p. 225.

² Ch. Howland, op. cit., pp. 86—87, 90, 129—30.

поддержке США опубликовал 27 апреля 1944 г. варварский декрет № 2795, в котором говорилось, что «собственники огороженных усадеб или их законные представители освобождаются от уголовной ответственности за нападение на лиц, которые проникнут без разрешения на территорию их усадеб»¹.

Иными словами, гватемальский диктатор юридически оформил то, что давно существует в этой и во многих других странах Латинской Америки — узаконил существование «малых североамериканских государств внутри латиноамериканских стран» — латифундий США на гватемальской земле.

Угроза бойкота гватемальских грузов судами американской компании и почти полного закрытия доступа в страну с моря также явилась средством давления, используемым США. Американские монополии ввозили оружие и финансировали так называемые антикоммунистические группы, действовавшие в интересах местных феодалов и особенно «Юнайтед Фрут компани».

Бывший начальник парагвайской полиции, он же ответственный чиновник межамериканской системы Б. Акоста, совершенно определенно пришел к выводу о том, что так называемая помощь США Парагваю вызывает в парагвайской экономике застой, характерный для колонии, и свидетельствует о их пристрастии к антинародным правительствам.

«Все это может рассматриваться как серьезная угроза культуре и демократическим институтам нашей страны», — говорит Акоста².

¹ «Народ Гватемалы и «Юнайтед фрут компани», ИЛ, 1954, стр. 30.

² B. Acosta, Paraguay... Un Pais que muere?, Buenos Aires, 1953, p. 110.

Такой вывод не случаен, так как у власти в Парагвае перманентно находятся прямые ставленники США. Президент Стреснер специальным декретом «О режиме частных заграничных инвестиций» предоставил огромные привилегии иностранным, в первую очередь североамериканским вкладчикам капитала. Мясохладобойная промышленность, железные дороги, речной транспорт, производство хлопка, кофе, танина — все находится в руках иностранных компаний, являющихся одновременно и крупными землевладельцами. 11 иностранных, главным образом североамериканских, компаний владеют в настоящее время 5 млн. гектаров лучших земель, тогда как 75% крестьян лишены даже небольших земельных наделов. 25 семьям принадлежит 43% всей территории страны. Эти латифундисты вместе с американскими монополиями являются опорой диктаторского режима¹.

Одним из средств экономического давления США на латиноамериканские страны является объявленная 13 марта 1961 г. так называемая программа под названием «Союз ради прогресса».

Суть ее состоит в том, что США в обмен на долларовые субсидии латиноамериканским правительствам добиваются их поддержки в изоляции социалистической Кубы, стремятся ослабить недовольство народных масс Латинской Америки экспансией американских монополий и обеспечить безопасность своих капиталов и инвестиций.

«Союз ради прогресса» — это уступка, вырванная латиноамериканскими странами у грабящих их амери-

¹ Б. И. Гвоздарев, «Союз ради прогресса» и его сущность, М., 1964, стр. 137—138.

канских капиталистов. Формально эта программа направлена на развитие экономики латиноамериканских стран и против диктаторских правительств. Фактически она ничего не дает экономическому развитию этих стран и содействует поддержанию реакционных режимов — марионеток США.

Государственный секретарь США Дин Раск подчеркивал, что создание и поддержание конституционных правительств являются существенным элементом «Союза ради прогресса», однако это только декларация, полностью дезавуируемая поддержкой реакционных диктаторских режимов в Латинской Америке со стороны США.

Правители Никарагуа, Гаити, Сальвадора и других стран, как известно, действуют методами открытого полицейского террора, но «Союз ради прогресса» не предпринял ни одной акции для ограничения их террористической деятельности. Б. И. Гвоздарев отмечает, что, «исходя из смысла Устава «Союза», диктаторские режимы не должны получать ассигнования по новой программе «помощи». США тем не менее продолжают оказывать военную и финансовую поддержку этим режимам и наряду с этим стремятся к насаждению «конституционных диктатур», замаскированных фасадом «демократических свобод». Таково положение, например, в Венесуэле и Колумбии»¹.

Если в первое время действия «Союза ради прогресса» США утверждали, что он направлен на поддержку и развитие демократических правительств, то в дальнейшем американская реакция стала проводить жестокую политику в Латинской Америке.

¹ Б. И. Гвоздарев, цит. раб., стр. 139.

Когда в марте 1962 года в Аргентине к власти пришли генералы, США «пригрозили» заморозить займы, обещанные по программе «Союза», однако новый министр экономики Альгасарай прилетел в Вашингтон, «убедил» американские официальные круги, что гражданские деятели, поставленные у власти армией, настроены «демократически», и получил кредиты в 500 млн. долларов.

Бывший руководитель программы «Союз ради прогресса» Теодор Москосо критиковал агрессивную направленность внешней политики США и лично президента Джонсона, за то что последний «слишком снисходительно отнесся к недавним военным переворотам в Латинской Америке». Москосо подчеркивал, что эти военные перевороты сводят на нет все усилия, направленные на экономическое развитие Латинской Америки и срывают надежды на участие латиноамериканских народов в экономических преобразованиях.

«Угрозы» правительства США прекратить оказание помощи странам, где свергнуты «конституционные правительства», представляют собой лишь дипломатический маневр, рассчитанный на обман общественности.

Мудрено ли после этого, что даже вице-президент США Хэмфри должен был констатировать, что «Союз (ради прогресса.— М. Л.) нуждается в символах надежды и воображении»¹.

Золотым ключом открывают любые замки. Соединенным Штатам Америки все еще удастся широко использовать этот закон капиталистического мира при организации государственных переворотов в большинстве стран Латинской Америки и утверждении у власти угодных им правительств.

¹ «DSB», May 10, 1965, p. 727

§ 4. Политическое давление США на латиноамериканские правительства

И в прошлом, и в настоящем США широко использовали политическое насилие над многими правительствами латиноамериканских стран и тем самым грубо нарушали элементарные и общепризнанные принципы взаимоотношений между государствами и народами.

Касаясь этой политики США, мексиканский журнал «Сьемпре» указывал, что «элементарные принципы международного права, такие, как самоопределение народов и невмешательство в дела других государств, открыто нарушались могущественными странами, и это не влекло за собой соответствующего наказания, и никто даже не поднимал голоса протеста против таких действий. Так было с интервенцией на Плайя-Хирон, причем правительство Соединенных Штатов открыто признало свою ответственность за это вторжение, однако Организация американских государств (ОАГ) никак не реагировала на это». Этот же журнал пишет, что «ОАГ не может похвастаться успехами: любая попытка отступить от норм, установленных Соединенными Штатами, расценивается, как «коммунизм», и вызывает всякого рода давление, вплоть до государственного переворота».

США неоднократно посылали своих представителей в страны Латинской Америки для прямого нажима и диктата при формировании новых правительств (миссия Леонарда Вуда (1899—1902 гг.), миссия Тафта в 1906 году и после его отзыва миссия Магуна на Кубе, миссия Дж. Перифуа в Гватемале (1954 г.) и др.).

В 1923 году во время гражданской войны в Гондурасе на борту американского крейсера был достигнут компромисс продиктованный специальным представите-

лем президента США. Соглашение было подписано делегатами враждующих сторон в тот самый день, когда войска повстанцев уже вступили в столицу. Через два года состоялась другая встреча на борту американского крейсера на этот раз в водах Никарагуа, но опять под председательством представителя США¹.

Давление и диктат представителей США неоднократно имели место и в последующем. Так, в апреле 1928 года президент Кулидж послал в Никарагуа полковника Генри Л. Стимсона в качестве своего специального представителя. 4 мая 1928 г. в Типитапа делегаты враждующих фракций приняли условия, продиктованные полковником Стимсоном: надзор США за выборами 1928 года, оставление Диаса у власти, общее разоружение с выплатой 10 долларов и выдачей одежды за каждое сданное ружье. Неподчиняющиеся подлежали насильственному разоружению. В шести департаментах из тринадцати должны быть назначены губернаторы либеральной партии. Полицейские силы создаются под командованием офицеров США. Предусматривалось, что морская пехота США остается в Никарагуа.

Во время контрреволюционного мятежа в Гватемале в июне 1954 года посол США в Гватемале Джон Перифуа потребовал замены полковника Диаса на посту главы военной хунты своим прямым агентом Эльфего Монсоном и добился этого. Сам государственный секретарь Джон Ф. Даллес публично похвалил Перифуа, назвав его подрывную деятельность «отличной работой»².

¹ L. Dennis, *Revolution, Recognition and Intervention*. «Foreign Affairs», Special Supplement. vol. 9, N 2, January 1931, p. 211.

² В. Г. Ревуненков, *История стран Латинской Америки и новейшее время*, М., 1963, стр. 228.

Соединенные Штаты не только вмешивались в проведение выборов, но требовали и добивались изменений неугодного им законодательства ряда стран.

После подписания в 1915 году договора с Гаити США настаивали на изменении конституции страны, приведении ее в соответствие с положениями договора. Статьи, запрещавшие приобретение недвижимой собственности иностранцами, предлагалось устранить и внести в конституцию поправку, аналогичную кубинской «поправке Платта»¹.

Для принудительного изменения конституции Гаити США послали туда несколько комиссий.

После отказа сената Гаити одобрить изменения конституции ставленник правящих кругов США президент Дартигенав 5 апреля 1916 г. распустил его.

Вслед за этим 18 июня 1916 г. командующий оккупационными силами США в Гаити генерал Коул добился подписи Дартигенава на декрете о роспуске Национальной ассамблеи, которая также отклонила предложения об изменении конституции. Коул открыто заявил, что «если президент не подпишет декрета, он подавит Национальную ассамблею сам и будет рекомендовать установление военного правительства». В связи с отка-

¹ «Поправка Платта», включенная по предложению американского сенатора Платта в Конституцию Кубы 1901 года и в американо-кубинский неравноправный договор 22 мая 1903 года, предусматривала «право» вооруженной интервенции США против Кубы, «право» держать военные базы на Кубе, ограничивала право Кубы заключать международные договоры и т. д. Опираясь на «поправку Платта», США постоянно меняли правительства Кубы по своему желанию (текст «поправки Платта» см. Ch. Howland, op. cit., pp. 16—18).

зом председателя ассамблеи принять декрет глава жандармерии американец майор Батлер объявил о роспуске Национальной ассамблеи¹.

В 1918 году правительство Гаити было вынуждено согласиться с требованием о представлении всех предлагавшихся законопроектов на одобрение посольства США. Без согласия американского посла эти законопроекты не могли увидеть света².

Примером грубейшего вмешательства США в избирательные законы и кампании может служить также их деятельность в Гаити в 1930 году при избрании президента Роя³.

В тех случаях, когда это отвечало интересам американских монополий, США содействовали незаконной пролонгации (продлению) срока пребывания на своем посту президента какой-либо латиноамериканской страны.

Иногда незаконность такой пролонгации США использовали как предлог для непризнания прежнего президента, по существу для взятия назад признания. Но в ряде случаев они сами содействовали повторной узурпации президентского поста тем или иным проамерикански настроенным президентом⁴.

Когда в 1912 году в Никарагуа происходили выборы, президент Диас, контролировавший избирательную машину, добился своего переизбрания. Хотя самопреемственность противоречила конституции Никарагуа, США признали Диаса. После выборов они отозвали свои войска, за исключением «охраны посольства» в 101 человек и 4 морских офицеров, которые, выражаясь словами

¹ Ch. Howland, *op. cit.*, pp 142—144.

² Ch. Howland, *op. cit.*, p. 139.

³ Ch. Howland, *op. cit.*, p. 253.

⁴ Ch. Howland, *op. cit.*, p. 148.

американского автора Хоуланда, «мешали тлеющим стремлениям либералов превратиться в пламя»¹.

Несмотря на то, что в 1936 году президент Перу Бенавидес остался у власти на повторный срок без каких-либо полномочий, США продолжали с ним дипломатические отношения, хотя в других аналогичных случаях они использовали это как предлог для непризнания неугодного им правительства (например, доминиканское правительство Бордаса в 1914 году)².

Диктатор Кубы Фулхенсио Батиста держался у власти все время при помощи США, которые по своему усмотрению решали вопрос о сроках проведения «выборов» в стране. Так, 14 марта 1958 г. посол США на Кубе пригласил к себе руководителя гражданских организаций Кубы Рауля де Веласко и заявил ему, что, по имеющимся у него сведениям, диктатор Батиста готов дать согласие на проведение в стране «свободных» выборов через несколько месяцев.

Веласко следующим образом излагает эту беседу, показывающую поведение послов США во многих странах Латинской Америки.

«Господин посол,— сказал я,— сегодняшние газеты опубликовали сообщение о том, что Верховный избирательный трибунал отверг просьбу об отсрочке выборов.

— Ставлю десять долларов за то, что Вы ошибаетесь,— ответил посол, вытаскивая из своего кармана билет в десять долларов.

Я сказал ему, что не приму пари. Тогда Смит мне сказал, что он ставит тридцать долларов за то, что выборы будут отсрочены... Он пошел в другую комнату, чтобы позвонить помощнику государственного секретаря по латиноамериканским делам Рою Руботтому.

¹ Ch. Howland, *op. cit.*, p. 181.

² *Ibid.*, pp. 86—87.

Позвонив по телефону в Вашингтон, он вернулся.

— Я гарантирую, что выборы будут отложены до октября или ноября,— сказал Смит,— и что Батиста попросит международные организации контролировать их»¹.

Только прямой и всесторонней поддержке США обязаны были своим нахождением у власти Трухильо в Доминиканской Республике (с 1930 по 1960 г.), Стресснер в Парагвае (с 1954 года по настоящее время), Сомоса в Никарагуа (с 1934 года по настоящее время).

Соединенные Штаты применяли целый ряд способов давления на вновь возникшее латиноамериканское правительство, заявляя о непризнании, и не признавали вновь созданные правительства независимо от того, были ли они образованы в случае успеха демократического движения или переворота или даже в результате выборов.

Так, в 1917 году в связи с запросом генерала Тиноко (Коста-Рика), предоставят ли США ему признание, если он будет избран, государственный секретарь Лансинг писал посланнику США в Сан-Хосе: «По поручению Президента Вы инструктируетесь сообщить Тиноко, что если даже он будет избран, он не получит признания Соединенных Штатов»².

В 1925 году США заявили, что они не признают Чаморро в качестве президента Никарагуа, даже если он займет этот пост в результате выборов, происходящих к тому же под наблюдением США³.

Таким образом, формально требуя, чтобы латиноамериканские правительства формировались при помощи

¹ Dubois, Fidel Castro, Mexico, 1959, p. 186.

² Ch. Howland., op. cit., p. 225.

³ L. Dennis, op. cit., p. 214.

выборов, и заявляя о непризнании правительств, созданных иным путем, США вместе с тем не признавали правительства, избранные конституционным путем.

Очень часто США грубо вмешивались в избирательные кампании, проходящие в латиноамериканских государствах. Такое вмешательство прикрывалось «гуманными» соображениями о том, что латиноамериканские народы еще не научились пользоваться демократическими институтами и в этом их необходимо «тренировать». На деле же такое вмешательство имело своей целью предотвратить формирование такого правительства, которое США считали для себя неприемлемым.

Во время почти каждого выборов в Панаме та или иная партия апеллировала к США для вмешательства и «наблюдения» за выборами¹.

В 1928 году выборы в Никарагуа проводились в соответствии с соглашением, инспирированным и навязанным Стимсоном и введенным в силу исполнительным декретом президента Диаса после того, как никарагуанский конгресс отказался санкционировать его. На избирательных участках сидели офицеры США, которыми руководил бригадный генерал Франк П. Маклой. Поскольку 70% взрослого населения Никарагуа безграмотно, бюллетени были устроены таким образом, что избиратель должен был только пометить партию, которую он предпочитал. Генерал Монкада был «избран» в качестве президента лишь большинством в 19 689 голосов из 133 633 голосовавших². При этом Соединенные Штаты всегда оставляли за собой право судить о том, соответствуют ли результаты выборов в латиноамериканских странах американским критериям свободы.

¹ Ch. Howland, *op. cit.*, p. 209—210.

² *Ibid.*, p. 196.

В последние годы в латиноамериканских странах особо активно действовало Центральное разведывательное управление США, внесшее немалый вклад в организацию военных переворотов в Латинской Америке.

О закулисной деятельности ЦРУ поведал, в частности, американскому сенатору Грюнингу во время его поездки по странам Центральной Америки один из американских послов. Посол сообщил, что в стране, где он аккредитован, действует секретная миссия ЦРУ, которая не только не информирует его о характере своей деятельности, но и занимается делами, не соответствующими целям, поставленным перед послом государственным департаментом¹. О подрывной деятельности ЦРУ в Доминиканской Республике говорил сенатору Морзе посол Доминиканской Республики в Вашингтоне дель Розарио.

Военщина в латиноамериканских странах свергает именно тех политических деятелей, действия которых противоречат планам американского империализма. Так, в апреле 1963 года президент Гватемалы Идигорас был свергнут сразу же после того, как он разрешил въехать в страну Хуану Хосе Аревало для того, чтобы зарегистрироваться кандидатом в президенты. Дело в том, что, будучи в 1945—1950 гг. президентом Гватемалы, Аревало проявил себя как лидер антиимпериалистических сил страны и пользовался поддержкой большинства ее избирателей. Разрешение, данное Аревало, вновь выдвинуть свою кандидатуру в президенты совершенно не устраивало американскую разведку, так как ставило под угрозу избрание на пост президента ее ставленника и одного из лидеров гватемальской олигархии Роберто Алихоса.

¹ «Congressional Record», October 3, 1963, p. 17697.

Первым шагом пришедшей к власти в Гватемале военной хунты была отмена президентских выборов, а также аресты тех гватемальских деятелей, которые выступали против использования ЦРУ территории страны для вооруженных провокаций против Кубы. Список этих деятелей был передан хунте представителем американской разведки.

Судьба президента Аргентины Артуро Фрондиси в 1962 году была решена после проведения им в стране всеобщих выборов, в результате которых в парламент были избраны многие противники всяких соглашений со ставленниками американских монополий¹.

Среди американских дипломатов, аккредитованных в странах Латинской Америки, имеются сотрудники специальных групп отдела ЦРУ, целью которых являются так называемая «черная пропаганда» и «моральные операции», связь с оппозиционными партиями, а также поддержка тех местных организаций, которые служат легальной ширмой для деятельности ЦРУ. Так, сотрудник американского посольства в Коста-Рике полковник Робертс регулярно встречался со своими клиентами в одном из городских кафе. В его обязанность входило финансирование некой организации («Движение свободной Коста-Рики») — банды отъявленных головорезов, поддерживаемой хозяевами кофейных плантаций страны.

Коллеги Робертса постоянно вручают чеки и обосновавшейся в Коста-Рике группе кубинских контрреволюционеров во главе с Кристобалом Дьегесом — полицейским чиновником в мрачные времена диктатора Батисты на Кубе.

¹ «Международная жизнь» 1964 г. № 6, стр. 78.

В Доминиканской Республике деньги для осуществления заговора против президента Боша передавались местным военным через агента ЦРУ, натурализованного американца Лоренса Берри — директора крупного продовольственного магазина в одном из фешенебельных пригородов Санто-Доминго. В свое время Берри был одним из активных участников операции ЦРУ по устранению отслужившего свой срок американского ставленника — диктатора Трухильо.

В 1966 году нефтяные концерны США начали кампанию по свержению правительства Леони в Венесуэле, который потребовал от американских монополий уплаты их долга национальной венесуэльской казне в размере 500 млн. долларов.

Профсоюзные лидеры Венесуэлы указывают, что нефтяные концерны рассылают трудящимся письма, в которых подстрекают их свергнуть правительство, и требуют от правительства принять радикальные меры против американских концернов и наказать заговорщиков.

Для вмешательства во внутренние дела латиноамериканских государств под предлогом борьбы с коммунизмом США пытаются широко использовать межамериканский договор о взаимной помощи, подписанный в Рио-де-Жанейро 2 сентября 1947 г.¹

США используют для утверждения своего господства в странах Латинской Америки и межамериканские конференции Организации американских государств (ОАГ), которые один из латиноамериканских авторов образно назвал «собранием мышей под председательством кота». Однако им становится все труднее исполь-

¹ Б. И. Гвоздарев, Организация американских государств, изд-во ИМО, 1960, стр. 267—272.

зовать для этого жупел «коммунистической агрессии». На межамериканской конференции в 1954 году против американской резолюции выступили Мексика, Аргентина, Гватемала. Не удалось США организовать военную интервенцию ОАГ в августе 1960 года и против революционной Кубы¹. В марте 1966 года на совещании в Панама латиноамериканские страны отвергли попытки США сколотить постоянные межамериканские вооруженные силы для вмешательства во внутренние дела Латинской Америки².

§ 5. Военное давление США на латиноамериканские правительства

В Программе КПСС указывается на то обстоятельство, что «американский империализм, прикрываясь фальшивым флагом свободы и демократии, на деле выполняет роль **мирового жандарма**, поддерживая реакционные диктаторские режимы»³.

Международные отношения на американском континенте дают множество примеров такого положения.

Дин Раск в одном из выступлений недвусмысленно говорил о том, что американская морская пехота во всех уголках земного шара «подпирает» буксующую на месте американскую дипломатию⁴.

¹ «Международное право и Латинская Америка», М., 1962, стр. 88—116.

² «Правда» 26 мая 1966 г.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1962, стр. 31.

⁴ «DSB», November 2, 1964, pp. 643—645.

Менее чем через шесть месяцев после этого выступления, в апреле 1965 года, прямая и кровавая вооруженная интервенция США в Доминиканской Республике послужила наглядной иллюстрацией к этим словам.

Как известно, в международном праве нет специального общепризнанного положения, запрещающего или, наоборот, разрешающего продажу оружия одним государством другому государству или колониальному народу или повстанцам против реакционного режима. Однако очевидно, что, с точки зрения современного международного права, поставки оружия не должны нарушать суверенитета народа, мешать его самоопределению.

Поставка же оружия колониальному народу, борющемуся за освобождение, является правомерной, ибо соответствует принципу самоопределения.

На практике до появления Советского государства империалистические державы для достижения своих целей широко осуществляли продажу или поставку различного оружия в разные страны.

Если империалистические державы были заинтересованы в укреплении положения антинародного правительства, то оружие было поставлено этому правительству вопреки интересам народа этой страны и, следовательно, в нарушение суверенитета народа.

Наоборот, в случае, когда империалистическая держава была заинтересована в свержении определенного иностранного правительства, она поставляла оружие заговорщикам или повстанцам из тех или иных социальных групп, нарушая тем самым принцип государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

При этом в XIX веке, а частично и теперь, торговля оружием рассматривается как чисто торговая операция

частных компаний в соответствии со свободным «священным принципом частной собственности».

Иногда противоречия великих держав приводили к попыткам урегулировать вопрос о торговле оружием при помощи международных соглашений.

Так, в том же XIX веке, не желая изменять сложившегося соотношения сил в Африке и опасаясь вооружения африканских народов, Англия и Франция договорились о запрещении ввоза оружия в Африку.

10 сентября 1919 г. рядом держав, включая США, была подписана конвенция о контроле за торговлей оружием и боеприпасами¹. США не ратифицировали конвенцию, так как не хотели сковывать себя в этом вопросе, в первую очередь из-за опасения помешать собственной интервенции в страны Латинской Америки.

Соединенные Штаты неоднократно использовали экспорт оружия в латиноамериканские страны или запрет его как средство помощи одной из сторон в происходивших в этих странах гражданских войнах, путчах, дворцовых переворотах.

Запрет на продажу оружия в страну, где происходило восстание или государственный переворот, обычно означал поддержку «законного» правительства и недовольство Соединенных Штатов происходящим восстанием.

Наоборот, разрешение на ввоз оружия в страну, где шла борьба против «признанного» правительства, как правило, означало поддержку повстанцев.

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1922», Washington, 1938, vol. 1, pp. 543—544.

Вопрос о таком «регулировании» торговли оружием многократно решался по усмотрению президента США¹.

20 февраля 1928 г. страны Латинской Америки подписали международную конвенцию, предусматривающую недопущение продажи оружия в страну, где идет гражданская война.

Однако в Латинской Америке всегда находились социальные силы, заинтересованные в приобретении оружия: определенная правящая элита господствующего класса, стремящаяся к укреплению своего господства, и «теневые правительства» американских монополий из других слоев того же господствующего класса. И те и другие заинтересованы в поставках американского оружия и для других целей, для расправы с народно-освободительным и революционным движением.

Правящие круги США в целях утверждения своего владычества в странах Латинской Америки и контроля над ними помогают оружием угодным им правительствам вопреки конвенциям и, наоборот, налагают эмбарго на продажу оружия демократическим революционным силам. Более того, США систематически мешают приобретению оружия латиноамериканскими странами у европейских государств.

После второй мировой войны США поставляют оружие уже не в порядке частных торговых сделок своих фирм и монополий, а в широком государственном масштабе под предлогом версии об угрозе западному полушарию со стороны «международного коммунизма».

Однако абсурдность этой версии совершенно очевидна даже для американских авторов. Так, тот же Льюен

¹ См. многочисленные примеры: G. Hackworth, *Digest of International Law*, Washington, 1940, vol. 1. pp. 323, 225, 356—357; Ch. Howland, *op. cit.*, pp. 191—192, 194, 251—252, 307—308.

пишет, что «ни один серьезный обозреватель не верит, что Советская Армия собирается вторгнуться в западное полушарие».

«Каковы бы ни были предположения политиков США,— пишет он,— сами латиноамериканцы, по-видимому, абсолютно убеждены, что сегодня нет угрозы внешнего вторжения на их континент»¹.

Тем не менее под флагом содействия обороне от коммунизма США поставляют оружие в латиноамериканские страны в год на сумму 170 млн. долларов. Это в 16—17 раз больше, чем до второй мировой войны².

В вопросах подготовки вооруженных сил латиноамериканских стран, тактики и методов их обучения США используют систему своих военных миссий, которая, по словам Льюена, является «ключевым компонентом военного планирования Соединенных Штатов в западном полушарии»³.

Опираясь на американское оружие, помощь и деньги, реакция Бразилии и Колумбии после второй мировой войны свергла свои правительства.

Льюен иронически замечает, что колумбийские военные «осознали свою роль в корейской войне», в которую вовлекли Колумбию США, а также свою роль в «сохранении порядка» в случае гражданской войны в Колумбии. Поэтому они «не могли устоять перед искушением захватить власть».

Некоторые латиноамериканские правительства использовали американскую военную помощь непосредственно для подавления народных движений. Так, в 1957 году правительство Ибаньеса в Чили использовало танки, полученные от США, на улицах Сант-Яго для

¹ E. Lieuwen, op. cit., pp. 208—209.

² Р. Арисменди, цит. соч., стр. 60.

³ E. Lieuwen, op. cit., pp. 205—206.

подавления забастовки. Рохас Пинилья в Колумбии и Батиста на Кубе использовали американское оружие для подавления внутренней оппозиции, которая, по свидетельству самих американцев, не могла рассматриваться как коммунистическая угроза извне.

Один из двух крейсеров, проданных США Аргентине «для обороны западного полушария», использовался адмиралом Исааком Рохасом в борьбе против правительства Перона в 1955 году.

США часто посылали военные корабли к берегам страны, где происходило волнение, с целью оказать давление на одну из сторон, борющихся за власть. Так, во время знаменитого переворота в Панаме, приведшего к ее отделению от Колумбии, они направили туда ряд своих военных кораблей, в том числе крейсер «Нэшвилль».

В сентябре 1906 года генеральный консул США на Кубе Штейнхарт телеграфировал государственному департаменту: «Совершенно секретно. Государственный секретарь Кубы обратился ко мне с просьбой от имени Президента Пальма попросить президента Рузвельта немедленно послать два военных корабля: один в Гавану, другой в Сиенфуэгос. Они должны прибыть немедленно. Правительственные силы не в состоянии подавить восстание. Правительство неспособно защитить жизнь и собственность. Президент Пальма созывает Конгресс в следующую пятницу, и Конгресс будет просить нашей эффективной интервенции»¹.

О значении посылки военно-морских кораблей США откровенно сказал в 1948 году заместитель начальника главного морского штаба США вице-адмирал Рэдфорд: «Задача американского военно-морского флота — служить «точным инструментом дипломатии».

¹ Ch. Howland, op. cit., p. 25.

Роль военных кораблей, посылаемых США в малые страны, во время смены правительств образно подметил еще О. Генри, писавший, что в этих странах «забавляются игрою в правительства, покуда в один прекрасный день в их водах не появляется один молчаливый военный корабль и говорит им: «не ломайте игрушки»¹.

США не раз посылали свой военно-морской флот к берегам Доминиканской Республики во время народных волнений против режима Трухильо, опасаясь превращения страны во вторую революционную Кубу (в 1959, 1960, 1961 гг.).

С 28 апреля 1965 г. президент США Джонсон отдал приказ о высадке американских войск на территории Доминиканской Республики, где 25 апреля патриотические силы свергли антинародную хунту во главе с Рендом Камбралем.

Стремясь предотвратить возвращение в страну либерального президента Хуана Боша, американские интервенты выступили на стороне местной реакции. В начале мая общая численность американских интервентов в стране достигла уже несколько десятков тысяч человек, а количество их жертв уже к 1 мая превысило 1800 человек.

Латиноамериканские народы гневно реагировали на эту новую военную интервенцию США. Парламенты Венесуэлы, Уругвая, Чили приняли резолюции протеста против высадки американских войск в Санто-Доминго. Сенат Перу потребовал немедленного вывода американских войск. Министр иностранных дел Мексики заявил, что акция США вызывает «болезненные воспоминания» о прошлых «подвигах» американской морской пехоты в Латинской Америке.

¹ О'Генри, Соч., т. II, стр. 12.

Отметим и другие примеры посылки американских кораблей с интервенционистскими целями.

В феврале 1960 года в Никарагуа антиправительственными партизанскими отрядами, выступающими против режима Сомосы, был занят ряд городов, в стране проходили массовые забастовки и демонстрации. Готовый уже пасть режим Сомосы был, однако, спасен США, которые послали в Карибское море авианосец и пять эсминцев. Правительство воспользовалось этим, объявило в стране военное положение и произвело массовые аресты¹.

В апреле 1966 года, когда власть Франсуа Дювалье в Гаити пошатнулась, США направили в омывающие эту страну воды, свои военно-морские корабли, включая авианосец «Боксер» с двумя тысячами морских пехотинцев на его борту².

США неоднократно прибегали к прямой военной интервенции, оккупации страны и установлению в ней своего военного правительства. По данным американца Хоуланда, до испано-американской войны 1898 года, которую он называет «прототипом всех последующих интервенций», США высаживали свои вооруженные силы на территории нынешних центральноамериканских государств 16 раз. После 1898 года и до 1929 года — 33 раза.

Американская печать и пропаганда стараются изобразить дело таким образом, что между «старой» и «новой» политикой США после второй мировой войны лежит пропасть. Однако факты показывают, что военно-интервенционистская деятельность американского империализма в Латинской Америке не прекращается.

¹ «Латинская Америка», политико-экономический справочник, Киев, 1963, стр. 203.

² «Rumoran que el Dictador Duvalier Piensa huir hacia Argentina», «Granma», 24 de abril de 1966, p. 12.

Об этом свидетельствуют военная интервенция на территорию Кубы в апреле 1961 года и военно-воздушное прикрытие этой интервенции авиацией США.

Профессор Висконсинского университета Уиллиамс свидетельствует, что «Соединенные Штаты спланировали, финансировали и направляли военные действия, имевшие своей целью ниспровергнуть правительство Кастро и заменить его правительством, полностью зависящим от американской милости»¹.

О том, что США постоянно держат в резерве такое средство нажима, как неприкрытая вооруженная интервенция, говорит и ставший известным в апреле 1965 года секретный меморандум военной миссии США правительству Венесуэлы об организации плацдарма для воздушной высадки американской военно-морской пехоты в Венесуэле и сопредельных странах «для защиты демократии» в этих странах.

Американская реакция вынашивает также планы заблаговременной дислокации своих вооруженных сил на территории ряда латиноамериканских стран формально под предлогом помощи в осуществлении «общественных работ» в этих странах, фактически для упрочения положения американских марионеток, устрашения латиноамериканских народов, подавления их национально-освободительного движения.

Провозглашая так называемые «нейтральные зоны» на территории того латиноамериканского государства, где идет гражданская война, США стремятся предотвратить их захват какой-либо из соперничающих сторон. Так, когда после прихода к власти в Никарагуа Диаса либералы во главе с Монкада подняли против него восстание в ноябре 1926 года, американские военно-

¹ W. A. Williams, The United States, Cuba and Castro, N. Y. 1962, p. 157.

морские силы стали помогать ему. Однако, опасаясь открыто прибегнуть к оружию, США провозгласили так называемые «нейтральные зоны» и поддерживали их своими военными кораблями и пехотой. С одной стороны, это лишало либералов возможности захватить и удерживать стратегические пункты, а с другой — освобождало войска Диаса от обороны этих мест, облегчая их использование в другом месте. Затем в течение февраля 1927 года США установили в Никарагуа еще десять «нейтральных зон», которые поддерживались пятью эскадренными миноносцами и пятью крейсерами, а спустя два месяца Матагальпа был провозглашен США «нейтральной зоной» при помощи 325 морских пехотинцев.

Дело закончилось тем, что позднее все западные города Никарагуа были оккупированы Соединенными Штатами и превращены в «нейтральные зоны».

Более трех десятилетий спустя, в 1965 году, США заявили о создании «международной зоны» во время военной интервенции в период народного восстания в Доминиканской Республике.

Латиноамериканские государства не раз предпринимали шаги для защиты от американской интервенции в случае внутренних волнений, восстаний, гражданских войн и т. д.

20 февраля 1928 года на VI панамериканской конференции в Гаване была подписана «Конвенция об обязанностях и правах государств в случае гражданских войн»¹, направленная против участия американских республик в организации какой-либо гражданской войны или содействия ей (п. 1 ст. 1).

Конвенция предусматривает международноправовую защиту только признанного правительства при возникновении на его территории гражданской войны.

¹ «Tratados y Convenios de Colombia, 1919—1938», 1939, Bogotá, pp. 351—354.

Не признавая то или иное латиноамериканское правительство, США, опираясь на Конвенцию, обеспечивали себе «легальную» возможность поддерживать его противников и бороться с ним.

После второй мировой войны США использовали Конвенцию для подавления национально-освободительных движений в странах Латинской Америки в тех случаях, когда это им было выгодно, и полностью игнорировали Конвенцию в тех случаях, когда соблюдать ее им было невыгодно.

20 февраля 1957 г. представитель США в Совете Организации американских государств внес проект дополнительного протокола к Конвенции 1928 года об обязанностях и правах государств в случае гражданских войн. Цель протокола состояла в том, чтобы помешать кубинским революционерам закупить за границей оружие и боеприпасы. На основании этого документа, одобренного Советом ОАГ, американские военные корабли конфисковали несколько судов с оружием, купленным кубинскими революционерами за границей. В то же время США продолжали поставлять на Кубу вооружение (включая танки и самолеты) для войск антинародного режима Батисты¹.

Больше того, когда революционная Куба в 1960 году закупила в Бельгии оружие и пароход «Ла Кубр» стоял в гаванском порту, агенты империализма в момент разгрузки ящиков с ружейными гранатами организовали на нем взрыв, повлекший за собой человеческие жертвы и большие разрушения².

Накануне X межамериканской конференции в Боготе латиноамериканские государства предложили устано-

¹ Б. И. Гвоздарев, Союз ради прогресса и его сущность, стр. 18.

² Ф. Кастро, Речи и выступления, М., 1960, стр. 389.

вить контроль за использованием радио в качестве средства подстрекательства к гражданской войне в Латинской Америке. Однако США категорически выступили против включения этой статьи в Конвенцию 1928 года¹.

Американский ученый Фенвик вынужден признать, что США не могли согласиться на установление такого контроля, поскольку это «помешало бы деятельности «Голоса Америки» и «Свободной Европы»².

США грубо нарушают не только межамериканскую конвенцию, но и Устав ООН. Они игнорировали резолюцию Совета Безопасности от 20 июня 1954 г., призывающую к немедленному прекращению военной интервенции против Гватемалы и предлагавшую всем членам ООН воздержаться от оказания помощи мятежникам.

Обсуждение вторичной жалобы Гватемалы на США было сорвано тогдашним председателем Совета Безопасности американским делегатом Лоджем, который настаивал на передаче этой жалобы в ОАГ, где она и была похоронена³.

Аналогичное положение сложилось и 3 апреля 1965 г. при обсуждении внесенного СССР на рассмотрение Совета Безопасности вопроса о военной интервенции США против Доминиканской республики и подавления там народного восстания.

§ 6. Давление США на латиноамериканские правительства искусственной постановкой вопроса об их ответственности

Президент США Л. Джонсон, выступая за неприкосновенность американской частной собственности и

¹ «AJIL», January. 1954, N 1, p. 138.

² «AJIL», April 1954, N 2, p. 291.

³ В. Г. Ревуненков, цит. раб., стр. 226—227.

капиталов в Латинской Америке, свободу ее эксплуатации, говорил 31 октября 1964 г.: «Вы можете взять все золото из Форта Нокс¹, и все равно оно утонет в Латинской Америке, если только частный инвеститор, на котором основана вся наша система свободного предпринимательства, не будет иметь определенной уверенности, что он сможет сделать свои инвестиции без угрозы конфискации и с возможностью получить добросовестную и разумную прибыль»².

Господствующие классы США постоянно выступали против любых попыток ограничить хозяйничанье американских инвесторов в латиноамериканских странах и с этой целью неоднократно ставили в дипломатическом порядке и выдвигали проекты международных договоров по вопросу об ответственности за «ущерб» американским монополиям во время дворцовых переворотов, путчей, восстаний и т. д.

США постоянно вторгались в межамериканский гражданскоправовой оборот на стороне американских капиталистов и бизнесменов для защиты так называемых «приобретенных прав», «личной священной собственности», одним словом, для увековечивания засилия американских капиталистов в странах Латинской Америки и ограбления национальной экономики этих стран.

В проекте конвенции, подготовленном Американским институтом международного права и озаглавленном «Ответственность правительств», говорилось, что правительства американских республик отвечают за убытки, понесенные иностранцами, если они «не поддерживали внутреннего порядка, были небрежны в подавлении действий, нарушающих порядок, или, наконец, не приняли предупредительных мер, насколько они это

¹ Форт-Нокс — хранилище золота в США.

² «DSB», November 16, 1964, p. 706.

могли сделать для того, чтобы предотвратить наступление убытка или ущерба» (ст. 2)¹.

По сути дела положения конвенции не говорят, когда же следует считать новое правительство ответственным за действия старого. Такие формулировки, как «не поддерживали внутреннего порядка», «были небрежны в подавлении актов, нарушающих порядок», «насколько они это могли сделать», дают простор для широких толкований, и неудивительно, что конвенция так и не была принята.

Вопрос о международноправовой ответственности не раз использовался империалистическими государствами как предлог для интервенций в Латинскую Америку.

Говоря об ответственности латиноамериканских правительств, американский ученый Гарнер констатирует, что у США «в их отношениях с определенными слабыми и более или менее неразвитыми странами, особенно на Востоке и в Латинской Америке, имеется склонность требовать с них большей ответственности и настаивать на возмещении за допущение убытков, а не только за упущение предотвратить их»².

Так, президент США Тафт в арбитражном решении по иску Англии к Коста-Рике счел недействительным принятый 22 августа 1922 г. ее конгрессом «Закон № 41 о нуллификации», в котором объявлялись недействительными все контракты, заключенные правительством Тиноко. Причем решение было принято, несмотря на то, что ни Англия, ни США в свое время не признали правительство Тиноко³.

¹ «AJIL», vol. 20, Special number, October 1926, p. 328.

² J. Garner, *Studies in Government and International Law*, Urbana, 1943, p. 392.

³ M. Hudson, *Cases and other material on International Law*, St. Paul, 1929, pp. 147—154.

Особую остроту вопрос об ответственности принял в связи с решением демократического правительства Хакобо Арбенса в Гватемале в 1954 году национализировать некоторые земли, ранее захваченные американской компанией.

В памятной записке Министерства иностранных дел Гватемалы посольству США от 24 мая 1954 г. подчеркивалось, что закон об аграрной реформе применяется в стране совершенно одинаково как к ее гражданам, так и к иностранцам. Иностранцы граждане в Гватемале и в соответствии с нормами международного права должны соблюдать все законы этой страны.

Хотя закон коснулся лишь непродуктивных и чужеземных земель, не приносящих никаких реальных прибылей ни этим компаниям, ни их акционерам, правительство Гватемалы уплатило «Компании агрокола де Гватемала» бонами аграрной реформы 609 572, 82 кетсалья¹, приняв за основу их оценочную стоимость, определенную самой компанией в 672 570,76 кетсалья и служившую основой для уплаты налога правительству Гватемалы².

Решающий удар по империалистической теории «ответственности за национализацию» нанесла кубинская революция, в ходе которой была принята серия подлинно народных законов³. Мероприятия кубинского правительства соответствуют резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, трактующим о праве каждого народа на национализацию своих ресурсов, принятым 13 янва-

¹ Кетсаль — денежная единица Гватемалы.

² Г. Торриэльо, Битва за Гватемалу; М., 1956, стр. 225—226.

³ «Основные законодательные акты Кубинской республики», М., 1962, стр. 164—177.

ря, 21 декабря 1952 г., 12 декабря 1958 г. и 14 декабря 1963 г.

В документе Межамериканского юридического комитета, подготовленном для комиссии международного права ООН на тему «Вклад американского континента в принципы международного права, регулирующие вопрос об ответственности государства», указывается, что вмешательство во внутренние и внешние дела государства в качестве санкции недопустимо. Государство не отвечает перед иностранцами, если по своим законам оно не отвечает перед своими гражданами за аналогичный ущерб, вызванный гражданской войной. Против этого резко выступили США.

Другой попыткой США легализовать борьбу против национализации явилось предложение о создании специального Межамериканского суда для решения подобных дел. Однако, несмотря на давление, оказанное США в Боготе в 1948 году, такой суд создан не был. Вопрос о компенсации за национализацию собственности иностранцев решено было изучить отдельно, так как, говоря словами Фенвика, вопрос этот вызвал «чувственную реакцию»¹.

В апреле 1966 года на сессии Межамериканского экономического и социального совета в Буэнос-Айресе американский дипломат-профессор Линкольн Гордон требовал заключения многостороннего соглашения о «гарантиях» американских капиталовложений, копия которого находилась бы в Межамериканском банке экономического развития².

В связи с тем, что Комиссия международного права ООН подготавливает вопрос о кодификации норм, свя-

¹ C. J. Fenwick, The Tenth Inter-American Conference at Caracas, «AJIL», January 1954, N 1, p. 139.

² «Правда» 12 апреля 1966 г.

занных с ответственностью государств, имеющей значение для государств всех континентов, в том числе и для Америки, правительству США становится труднее возбуждать вопрос об ответственности стран Латинской Америки в какой-то особой, специфической, «панамериканской» плоскости.

§ 7. Свергнутые президенты и вопрос о «праве убежища» в иностранных посольствах

Во время дворцовых переворотов в странах Латинской Америки неудачливые претенденты на правительственные посты часто ищут защиты в зданиях иностранных дипломатических представительств, расположенных на территории данного государства.

К этому прибегают заговорщики, планы которых не увенчались успехом, из-за боязни репрессии со стороны существующего правительства.

К этому же прибегают и члены свергнутых правительств, латиноамериканские президенты, которые опасаются расправы над ними со стороны руководителей успешно завершившегося заговора.

В международных отношениях Латинская Америка является единственным районом земного шара, где в настоящее время признано такое «право». Согласно же Венской конвенции о дипломатических сношениях 18 апреля 1961 г. (ст. 41, пп. 1 и 3) предоставление убежища в иностранных дипломатических представительствах лицам, преследуемым властями государства пребывания, не допускается.

Конвенция исходит из совершенно правильного положения о том, что дипломатический иммунитет предоставляется иностранным дипломатам только в целях нормального осуществления дипломатических функций.

Предоставление же убежища не только не содействует нормальному осуществлению дипломатических функций, но, как правило, мешает этому и ухудшает отношения между странами, используется капиталистическими державами в ущерб интересам малых стран.

Кубинский юрист-международник Дестефано подчеркивает, что «этот институт несовместим с принципом, согласно которому дипломатический агент имеет своей функцией защиту граждан своего государства, но никак не лиц, которые зависят от другого государства»¹.

Тем не менее некоторые латиноамериканские авторы считают, что право убежища в посольстве должно быть легализовано в доктрине и практике всех стран, так как оно является гуманным.

Отмечая, что ни США, ни Доминиканская Республика (периода диктатуры Трухильо) не признают права убежища в посольствах, перуанский журналист, член Бюро Всемирного совета мира Хенаро Карнеро Чека указывает, что они «не признают этого традиционного права, завоеванного народами Латинской Америки»².

Точка зрения о правомерности существования в Латинской Америке права убежища в иностранных посольствах высказана и советским юристом-международником Л. М. Романовым, который считает, что в современный период в условиях усиливающейся активности и агрессивности внешней и внутренней реакции, не останавливающейся перед организацией государственных переворотов с целью воспрепятствовать развитию освободительного, демократического движения, дипломатическое право убежища позволяет не допустить физической расправы реакции со своими политическими

¹ М. А. D'estefano, *Derecho internacional publico*, La Habana, 1965, p. 381.

² Х. К. Чека, *Очерки стран Латинской Америки*, М., 1960, стр. 253.

соперниками и противниками и прежде всего с представителями демократических кругов. В этой связи нельзя не отметить, например, что во время государственного переворота в Бразилии, осуществленного реакцией в 1964 году, многие патриотически настроенные бразильские политические деятели (депутаты Алмино Афонсо, Бокайюва Кунья, Элой Дутра, губернатор штата Пернамбуко, Мигел Арриас и др.) получили убежище в посольствах с последующим правом выехать из страны. Год спустя, в апреле 1965 года, ряд патриотов во время интервенции США в Доминиканской Республике также получили убежище в некоторых иностранных посольствах в Санто-Доминго.

Л. Н. Галенская пишет, что, «подходя с позиций государственного суверенитета, вряд ли можно отрицать возможность предоставления дипломатического убежища на территории тех стран, которые его признают». Вместе с тем она считает «совершенно очевидным, что право дипломатического убежища нельзя толковать расширительно и применять его нормы в тех странах, которые не признают данного института, считают его ограничением своих прав»¹.

Дипломатическое убежище предусмотрено следующими конвенциями, подписанными правительствами стран Латинской Америки: Гаванской конвенцией об убежище от 20 февраля 1928 г., конвенциями, заключенными в Монтевидео в 1933 и 1939 годах, и конвенцией о дипломатическом убежище, подписанной в Каракасе 28 марта 1954 г.².

¹ Л. Н. Галенская, Право убежища в международном праве, Л., 1965, стр. 14 (автореферат канд. дисс.).

² «Organizacion de los Estados Americanos. Decima conferencia Interamericana. Convencion sobre asilo Diplomatico», Caracas, Marzo de 1954, pp. 1—6.

Гаванская конвенция 1928 года, наиболее полно регулирующая этот вопрос, устанавливает, что убежище распространяется на дипломатические представительства, военные корабли, военные лагеря и военные самолеты. Оно предоставляется лицам, преследуемым за политические убеждения или преступления. Лицам, обвиняемым в уголовных преступлениях и осужденным по таковым или дезертировавшим из армий или флотов, убежище не предоставляется, и эти лица должны выдаваться по требованию местного правительства. Вопрос о характере преступления решает государство, предоставляющее убежище.

Конвенция предоставляет убежище лицам, преследуемым по политическим мотивам, в соответствии с правом, обычаями, конвенциями или законами государства пребывания на следующих условиях.

1. Убежище может быть предоставляемо только в экстренных случаях и на период времени, строго необходимый для лица, которое ищет убежище для того, чтобы обеспечить свою безопасность каким-либо иным путем.

2. Немедленно по предоставлении убежища дипломатический агент, командир военного корабля, военного лагеря или самолета должны сообщить об этом факте министру иностранных дел государства, гражданином которого является лицо, ищущее себе убежище, или местной власти, если событие произошло вне страны.

3. Местное правительство может потребовать, чтобы укрывшийся был выслан за пределы национальной территории в кратчайший срок, а дипломатический агент страны, предоставившей убежище, в свою очередь может потребовать гарантий, необходимых для отбытия укрывшегося лица из страны с соблюдением неприкосновенности его личности.

4. Укрывшиеся не могут быть высажены ни в каком пункте национальной территории, а также ни в каком месте, расположенном слишком близко от последней.

5. Воспользовавшемуся убежищем не будет разрешено совершать в этот период действия, противоречащие общественной безопасности.

6. На государство не ложится никакой обязанности нести расходы, вызванные предоставлением кому-либо убежища¹.

Не подписав какой-либо конвенции о праве убежища, США тем не менее предоставляют его в своих посольствах в странах Латинской Америки.

Чтобы как-то увязать словесное нежелание признавать право убежища и его использование на деле, Соединенные Штаты сначала выдвигали такое юридическое обоснование, как концепция «местной терпимости».

Смысл этой концепции состоит в том, что, если бы местные латиноамериканские правительства хотели, они могли бы заранее объявить о том, что они не допускают права убежища. Однако каждое новое латиноамериканское правительство не делает этого, так как рассматривает право убежища как крайнее средство спасения в случае изменения политической ситуации в стране и своего свержения в результате нового дворцового переворота.

В дальнейшем США перестали ссылаться на концепцию «местной терпимости» и, предоставляя убежище, уже просто ссылаются на соображения гуманности. В различных инструкциях, изданных государственным департаментом по вопросу о праве убежища, говорится, что право убежища может быть предоставлено в случае непосредственной угрозы тому или иному лицу «со

¹ «The International Conferences of American States 1889—1928», New York, 1931, p. 435.

стороны толпы» и только на тот период времени, пока угроза его жизни реальна¹.

Почему же США, не подписав конвенции о праве убежища и отрицая его на словах, предоставляют такое право на деле?

Американским монополиям выгодно традиционно существующее в Латинской Америке право убежища, так как оно помогает им сохранить свои реакционные кадры в случае неудачных дворцовых переворотов.

Убежище предоставляется не обязательно в посольстве США, его предоставляют и посольства зависимых от них латиноамериканских стран.

В последние годы право убежища использовалось довольно часто. Так, в 1946 году, после кровопролитного переворота в Боливии, большое число должностных лиц укрылось в нескольких посольствах и миссиях в Ла-Пасе. Хотя их требовали выдать в течение пяти месяцев по обвинению в «нацистских» преступлениях, преступлениях против человечества и других уголовных преступлениях, тем не менее всем им было разрешено выехать из страны².

Убежищем в иностранных дипломатических представительствах пользовались: Перон — в Аргентине, Фахардо и Веласкес — в Колумбии, Ибарра — в Эквадоре, Айя де ла Торре — в Перу, противники диктатора Стреснера — в Парагвае.

3 октября 1948 г. в перуанском порту Кальяо вспыхнуло восстание военных моряков, которое в тот же день было подавлено правительством. Президент объявил вне закона руководившую восстанием партию АПРА. Глава этой партии Айя де ла Торре был

¹ C. Ronning, Law and Politics in Interamerican Diplomacy, N. Y.—L., 1963, p. 93.

² Ibid., p. 94.

обвинен в воинском преступлении (участие в военном восстании), которое преподносилось перуанскими властями как уголовное, а не политическое преступление, и подлежал аресту. 4 ноября глава «военной хунты» генерал Одрия объявил о создании военных чрезвычайных судов для рассмотрения дел по обвинению в участии в военных восстаниях с правом применения смертной казни.

Опасаясь расправы, Торре 3 января 1949 г. попросил предоставить ему дипломатическое убежище в колумбийском посольстве в Лиме.

На следующий день посол Колумбии, сообщив правительству Перу о предоставленном убежище, просил перуанского министра иностранных дел дать Торре пропуск для беспрепятственного выезда за границу.

Однако правительство Перу отказалось выдать пропуск, ссылаясь на то, что Айя де ла Торре уже привлечен к судебной ответственности. В этой связи между Перу и Колумбией возник спор, который они передали на разрешение Международного Суда ООН. Колумбия просила признать правомерными ее действия и обязать Перу предоставить гарантии беспрепятственного выезда Айя де ла Торре из колумбийского посольства в Перу и из самой страны.

Со своей стороны правительство Перу просило отказать Колумбии в ее ходатайстве и признать, что предоставление убежища послом Колумбии было осуществлено с нарушением ст. ст. 1 и 2 Гаванской конвенции 1928 года об убежище и что во всяком случае продление срока представления убежища нарушает упомянутую конвенцию.

Международный Суд вынес три решения по этому делу: 20 ноября 1950 г., 27 ноября 1950 г. и 13 июня 1951 г., суть которых свидетельствует о том, что Суд отнесся к дипломатическому убежищу отрицательно,

признав, что предоставление такого убежища является по существу злоупотреблением неприкосновенностью дипломатического представительства, вмешательством во внутренние дела.

Суд дал ограничительное толкование нормам Гаванской конвенции 1928 года, постановив, что предоставление убежища по этой Конвенции может быть только кратковременным и не может изымать скрывающегося гражданина из-под нормального (не исключительного) законодательства суверена.

Что касается конкретного вопроса о судьбе Айя де ла Торре, то Суд отказался от решения, указав, что этот вопрос должен быть предметом соглашения заинтересованных государств, с учетом решения Суда.

Одновременно Суд указал на недопустимость изъятия укрывшегося лица силой из иностранного дипломатического представительства, ибо эти принудительные действия могут неблагоприятно отразиться на нормальных отношениях между государствами¹.

Торре находился в колумбийском посольстве в течение четырех лет, пока обе стороны заключили соглашение, по которому он смог выехать из страны, но каждая из спорящих сторон сохранила свою юридическую позицию².

Применение Конвенции о праве убежища, как это показывает практика, вызывает довольно сложные политические и юридические вопросы и представляет известную опасность для нормальных международных отношений латиноамериканских государств.

Комитет, который готовил Межамериканскую конвенцию 1933 года о правах и обязанностях государств, указал, что по Конвенции 1928 года все время возни-

¹ С. Б. Крылов, *Международный суд*, М., 1957, стр. 153.

² С. Ronning, *op. cit.*, p. 94.

кали большие споры в связи с вопросом о ее толковании, в результате чего беглец, укрывшийся в иностранном посольстве, неопределенно долго находился в нем, а посольство «превращалось в настоящую тюрьму».

Конвенция 1928 года не дает четкого понятия того, что такое политическое преступление. Кроме того, она указывает, что если дело не «срочное», то убежище может не предоставляться. Неясно также, как быть, например, когда убежища в иностранном посольстве по политическим соображениям просит военнослужащий. Ведь в этом случае он одновременно является дезертиром.

На дипломатического представителя в этом случае ложится не свойственная дипломатам функция определения характера преступления местного гражданина против местного правопорядка.

Правда, вопрос о том, кто может судить о политической окраске совершенного преступления, частично решен Конвенцией 1933 года, в которой указывается, что судить о политической направленности преступления должно то государство, которое предоставляет убежище. Однако она оставляет неясным другой вопрос: является ли решение этого правительства временным или окончательным, т. е. может ли в последующем иностранное государство требовать выдачи своего гражданина или нет.

По Конвенции 1954 года о дипломатическом убежище, подписанной на X межамериканской конференции, характер преступления определяется государством, предоставившим убежище. Местное государство обязано дать гарантию выезда и даже неприкосновенности укрывшегося в посольстве лица.

Таким образом был снят спор о том, является ли определение характера преступления временным или

окончательным. Статья XVII Конвенции 1954 года указывает, что единственный способ заполучить беглеца — это требовать выдачи его в последующем через нормальные дипломатические каналы¹.

В чем же заключается опасность предоставления права дипломатического убежища?

Многие советские авторы указывают, что институт дипломатического убежища по своему характеру — это институт вмешательства во внутренние дела государства². Американский юрист Роннинг также приходит к выводу о том, что «этот институт очень пригоден для злоупотреблений, и он может способствовать открытому подстрекательству к заговору и восстанию против правительства»³.

Следует отметить, что даже сама практика латиноамериканских государств по вопросу о дипломатическом убежище очень противоречива. Не без основания отмечается, что латиноамериканские правительства отстаивают «право убежища», когда «какое-либо из их собственных посольств предоставляет защиту политическим эмигрантам только для того, чтобы занять обратную позицию спустя всего несколько лет в том случае, когда убежище предоставляет их гражданину какое-либо иностранное посольство»⁴.

Роннинг считает, что ни о каком твердом отношении к этим конвенциям со стороны правительств латиноамериканских государств говорить не приходится.

¹ «Convencion sobre asilo diplomatico», Caracas, 1—28 marzo, 1954, p. 4.

² И. П. Блищенко, Дипломатическое и консульское право в практике стран Латинской Америки («Международное право и Латинская Америка», М., 1962, стр. 160).

³ С. Ronning, op. cit., p. 101.

⁴ Ibid., p. 95.

Правительство Перу не подписало Конвенции 1928 года и 6 мая 1955 г. денонсировало ее.

Всего в Конвенции 1928 года участвуют 15 государств. Конвенцию 1954 года подписали 18 государств, 6 из них — с оговорками, причем через 7 лет после подписания Конвенции ее ратифицировали только 7 государств¹.

Почему же этот «уникальный институт» сохранился в странах Латинской Америки и не аннулирован правительствами?

Роннинг считает, что дипломатическое убежище — это «институт, в котором нуждается латиноамериканское общество и который родился в результате культуры и традиций этого района»². Нам кажется, что дело в другом. Каждое существующее буржуазное правительство опасается очередного дворцового переворота и поэтому тоже рассчитывает в случае нужды воспользоваться дипломатическим убежищем.

§ 8. Признание правительств, возникших в результате дворцовых переворотов

Так называемое международное признание является юридическим отражением отношений других государств к дворцовому перевороту, а в странах Латинской Америки — юридическим отражением в первую очередь отношений американских монополий к очередному дворцовому перевороту в той или иной стране.

По установившейся традиции, которая широко используется империалистическими державами в своих целях, вопрос о признании правительства ставится тогда, когда в стране образуется правительство в резуль-

¹ C. Ronning, *op. cit.*, pp. 96, 99.

² *Ibid.*, p. 100.

тате государственного переворота, или в случаях, не связанных с обычной конституционной сменой правительства¹.

Международное признание правительства — это установление нормальных дипломатических, экономических и иных равноправных отношений существующих государств с новым правительством, возникшим в результате дворцового переворота или социальной революции, обусловленное международными экономическими отношениями и юридически обязательное в силу принципов мира и мирного сосуществования².

Международное признание нового правительства влечет заявление о намерении установить с ним нормальные дипломатические и иные отношения.

Вопрос об установлении нормальных отношений с новым правительством столь запутан буржуазными учеными, что считается одной из самых сложных проблем современного международного права и международных отношений.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что уже на первом заседании Комиссии Международного права ООН в 1949 году вопрос о признании государств и правительств был включен под № 1 в перечень тем, отобранных Комиссией для кодификации.

Империалистические державы обычно сопровождают непризнание такими акциями, как экономический и политический бойкот нового правительства, отказ вести с ним торговлю и любые деловые отношения или даже переговоры, отказ признать силу его законов и распо-

¹ Р. Л. Б о б р о в, цит. соч., «Ученые записки ЛГУ», вып. 1. 1948, № 106, стр. 86; Г. И. Т у н к и н, Основы современного международного права, М., 1956, стр. 22.

² С р. Д. И. Ф е л ь д м а н, Признание государств в современном международном праве, Казань, 1965, стр. 90.

ряжений, отказ от защиты интересов его граждан в административных и судебных органах непризнающего государства, арест его текущих счетов и авуаров в банках, осложнения с вопросом о положении дипломатических и консульских зданий непризнанного правительства, затруднения, чинимые ему на международных конференциях и при подписании многосторонних международных договоров, а также при присоединении к этим договорам.

Непризнание может явиться серьезным препятствием для нового правительства в деле нормализации его отношений с остальными государствами мира. Признание же, напротив, всегда способствует упрочению положения вновь возникшего правительства в международном общении.

В этой связи можно отметить, что признание выполняет две функции: во-первых, активную — оказывает прямую поддержку новому правительству и, во-вторых, пассивную — не чинит искусственных препятствий на пути расширения сферы его правоотношений.

Признание превратилось в руках великих капиталистических держав, особенно США, в орудие вмешательства во внутренние дела слабых государств, в способ контроля за новыми участниками международного общения.

Имеет ли вновь возникшее правительство право на признание и обязаны ли существующие государства признавать новое правительство?

По этому вопросу также нет единства мнений. Существует точка зрения, согласно которой международное право имеет выкристаллизовавшиеся в исторической практике различных государств правила, устанавливающие, когда, при каких обстоятельствах и как должны признаваться новые правительства. Так, Роннинг отмечает, что при определенных условиях новое правитель-

ство имеет право на признание, а существующие правительства обязаны его признать¹.

По мнению других ученых, признание носит чисто политический характер и зависит только от усмотрения признающего государства, ибо в международном праве нет специальных норм, предписывающих время и порядок признания нового правительства. Отсюда делается вывод, что новое правительство не имеет права требовать своего признания со стороны существующих правительств. Такой вывод, однако, означает на деле нарушение принципов суверенитета и невмешательства, права избирать любое угодное народу правительство, поддерживать отношения мира и международного сотрудничества и т. д.

Хотя каждое вновь возникшее правительство в силу принципа самоопределения его народа имеет право на признание, тем не менее реализация этого права до сих пор происходит не только в процессе сложной классовой, но и внутриклассовой борьбы. Организуя дворцовые перевороты в Латинской Америке или определяя свое отношение к ним и к новому буржуазно-помещичьему латиноамериканскому правительству, США в каждом конкретном случае предпочитают признавать определенные социальные группы эксплуататорских классов и отказывают в признании другим группам в зависимости от своих интересов.

Фактом признания или непризнания каждого нового латиноамериканского правительства США как бы выражают свое одобрение или неодобрение этого правительства и его внутривластной или внешнеполитической программы.

Под давлением латиноамериканских государств в декларации «Применение права продолжения диплома-

¹ C. Ronning, op. cit., p. 7.

тических сношений», принятой IX панамериканской конференцией в 1948 году в Боготе, было записано, что «установление или поддержание дипломатических отношений с правительством не означает мнения о внутренней политике указанного правительства» (ст. 3).

Если акт признания не всегда означает одобрение внутреннего режима нового иностранного правительства, то открыто проводимая политика непризнания всегда означает неодобрение этого режима.

Понятно, что ни о каком идеологическом одобрении не может идти речи, когда признание предоставляется государством одной социально-экономической системы правительству государства другой социально-экономической системы.

В тех случаях, когда по важным экономическим и политическим причинам США оказывались вынужденными признать то или иное латиноамериканское правительство, политика которого противоречила их классовым интересам, США прибегали к сложной системе юридического крючкотворства и объявляли такое признание «условным», «временным», «фактическим», «без намерения признать официально» и т. д. Более того, США десятилетиями практиковали «взятие признания назад».

В прошлом США аннулировали признание латиноамериканских правительств в двух формах: в открытой и молчаливой. Примерами первого рода может служить двукратная отмена решения о признании правительства Уокера в Никарагуа в 1855 и в 1856 годах. В 1862 году США взяли назад признание у правительства Паэса в Венесуэле (посредством дезавуации действий своего представителя)¹.

¹ J. Moore, A Digest of International Law, 1906, vol. I, pp. 143, 149, 158.

В 1909 году США взяли назад признание у никарагуанского правительства президента Зеляйя, следствием чего явилось его изгнание из страны¹.

Когда в конце 1925 года американский посол в Мексике Шеффилд заявил протест мексиканскому правительству Кальеса против законов о национализации недр земли, он угрожал аннулированием признания мексиканского правительства².

Взятие признания назад — это более суровая мера, чем разрыв дипломатических отношений, ибо для данного правительства — это разрыв окончательный.

Под нажимом демократических сил Латинской Америки Межамериканская конвенция 1933 года установила, что «признание является неотъемлемым» (ст. VI). После принятия этой Конвенции США начали брать признание назад в молчаливой форме, т. е. признавая новое правительство, пришедшее к власти в результате дворцового переворота, против признанного ими конституционного правительства. Так, в частности, поступили США во время переворота в Бразилии в 1964 году. Бежавший в Уругвай президент Бразилии Гуларт заявил журналистам: «Скрывается ли американское правительство за теми, кто совершил путч,— этого я не могу сейчас сказать. Но характерно, что США признали новое правительство за 24 часа до вступления Мадзилли на пост президента, то есть в момент, когда я еще был в Бразилии»³.

США практикуют и такой способ, как фактическое непризнание, характеризующееся отсутствием экономи-

¹ Ch. Howland, Survey of American Foreign Relations, New Haven, 1931, p. 243.

² «Мировое хозяйство и мировая политика» 1926 г. № 4, стр. 77.

³ «За рубежом» 1964 г. № 16, стр. 7.

ческих, политических и иных отношений при официальном признании нового, неугодного США правительства (например, правительства революционной Кубы). В этом случае США формально предоставили признание, установили дипломатические отношения, что, однако, не вызвало последствий, имеющих решающее значение для развития нормальных международных отношений.

После второй мировой войны США стремились вынести методы признания латиноамериканских государств за пределы западного полушария и распространить их на другие государства мира. Об этом могут свидетельствовать условное признание Соединенными Штатами австрийского правительства¹, угрожающая нота балканским государствам с требованием не признавать сформированное в январе 1948 года демократическое правительство Греции² и др. США вмешиваются в дела европейских стран с целью устранения из их правительств коммунистов и демократически настроенных элементов.

Свой латиноамериканский опыт проведения «выборов» в верховные органы страны и создания удобного им правительства США применили, например, в Южной Корее в мае 1948 года и в Южном Вьетнаме летом 1966 года.

¹ «Известия» 5 декабря 1947 г.

² «Известия» 10 января 1948 г.

Глава II

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

§ 9. Попытки буржуазной науки доказать необходимость «узаконения» новых правительств

Для объяснения роли и значения признания были сформулированы так называемые декларативная и конститутивная теории. Декларативная теория, выдвинутая в период развития капитализма и борьбы буржуазии с феодалами (аббат Грегуар, Г. Ф. Мартенс и др.), устанавливает, что признание лишь фиксирует появление нового государства в качестве субъекта международного права, является только лишь его регистрацией. Объективно эта теория способствовала вступлению новых государств в международное общество. Вместе с тем буржуазная декларативная теория не раскрывает до конца роли и значения признания, ничего не говорит о том, что институт признания используется империалистическими государствами в своих классовых целях.

В период империализма на первый план выдвигается конститутивная теория (Оппенгейм, Кельзен и др.), пытающаяся доказать, что всякое вновь возникшее государство обязано своим существованием в качестве субъекта международного права официальному признанию, которое его якобы конституирует. Эта теория ут-

верждает, что права и обязанности вновь возникшего государства зависят от признания его другими государствами.

Реакционность конститутивной теории видна из того, что она препятствует свободному вхождению новых государств и правительств в международное сообщество, ставя их в зависимость от усмотрения и воли других государств, и оправдывает использование института признания в качестве инструмента политического давления. Она игнорирует тот факт, что государство еще до признания уже пользуется правами и обязанностями на международной арене, вытекающими из ее суверенитета. Это обстоятельство признано официально межамериканской конвенцией о правах и обязанностях государств 26 декабря 1933 г.

Именно конститутивная теория объясняет такую аномалию, как международная дееспособность марионеточных режимов, признанных империалистическими державами. Признание со стороны этих держав, предоставленное марионеточным правительствам, искусственно сообщает этим правительствам международную правосубъектность, конституирует их в качестве субъектов международного общения, не говоря уже о военной и экономической поддержке.

Нельзя также не видеть, что возможны случаи, когда новое государство конституируется чисто юридическим актом, принятым другими государствами или международными организациями, и в этом случае конститутивная, а не декларативная теория объясняет появление такого субъекта международного права на свет.

Приведем конкретный пример. Известно, что Восточная Республика Уругвай была образована в начале XIX века в результате решения двух государств Латинской Америки — Аргентины и Бразилии. С момента

принятия такого решения появилось новое государство со всеми правами субъекта международного права. Причем любопытно отметить, что государства-учредители (Аргентина и Бразилия) обязались гарантировать существование созданного их решением государства, прямо указав в конвенции, что они «конституируют» новое государство¹.

Таким образом, конститутивная и декларативная теории не в состоянии доказать необходимости сохранения признания в его современном, специальном, уродливом виде². Не может быть никаких сомнений в том, что сколько бы империалистические державы ни признавали то или иное марионеточное образование, подобное признание останется неправомерным: *ex injuria jus non oritur* (из бесправия не возникает права).

Лишь жизнеспособные государства, возникшие вследствие реализации права наций на самоопределение, и правительства, выражающие волю своих народов, являются полноправными участниками международного общения безотносительно к тому, пользуются ли они признанием или нет³.

Признание как таковое не является необходимым. Необходимо установление нормальных дипломатических и иных отношений между государствами. Это должно осуществляться автоматически, как, скажем, автоматически регистрируется в органах записи актов

¹ «Diplomatic Correspondence of the United States. Inter American Affairs, 1831—1860», Selected by W. R. Manning, Washington, 1932, vol. 1, pp. 270—273.

² Об отличии советской декларативной теории от буржуазной см. Д. И. Ф е л ь д м а н, Современные теории международноправового признания, Казань, 1963, стр. 23—24.

³ Л. А. М о д ж о р я н, Основные права и обязанности государств, М., 1965, стр. 120.

гражданского состояния всякий родившийся на свет ребенок.

Установление дипломатических отношений должно происходить без унижительных заявлений, без специальных условий, без терминов, оскорбляющих национальный и государственный престиж, без шантажа, угроз, без «платы за признание».

Образцом подлинного демократизма является практика Советского государства, которое боролось и борется против использования признания в качестве орудия дипломатической интервенции. СССР всегда выступал за скорое, беспрепятственное и без политических условий признание новых государств и правительств на основе принципов самоопределения нации и мирного сосуществования.

Когда в 1955 году новое правительство Аргентины обратилось к иностранным государствам с просьбой о признании, Советское правительство в своей ответной ноте 27 сентября 1955 г. сообщило, что оно, рассматривая происшедшие в Аргентинской Республике политические события как ее внутреннее дело, будет продолжать существующие дипломатические отношения между государствами¹.

§ 10. Фактическое признание латиноамериканских правительств США

Межамериканская конвенция 1933 года устанавливает, что «признание государства может быть выраженным и молчаливым. Это последнее вытекает из всякого

¹ Г. И. Тункин, Основы современного международного права, М., 1956, стр. 23.

действия, имеющего своим намерением признать новое государство».

Под выраженным признанием понимается официальное заявление о признании, а под молчаливым — признание, санкционируемое правительством, но в молчаливой форме: обмен послами, выдача экзекватур консулам, подписание торгового договора без открытого провозглашения о признании.

Отношения США с латиноамериканскими государствами показывают, что такое фактическое, повседневное признание, несмотря на официальное непризнание правительства, имело широкое распространение, поскольку натянутые дипломатические отношения, а тем более непризнание латиноамериканского правительства со стороны США делали шатким положение американских капиталов и интересов в этих странах.

При фактическом признании латиноамериканских правительств устанавливались деловые сношения, практически ничем не отличающиеся от тех, которые обычно следуют за признанием официальным, беспрепятственно ведется торговля, консулы обеих сторон нормально осуществляют присущие им функции и даже без официальных экзекватур, а суды США считаются с актами этих правительств. Так, в 1924 году до смены правительства Чили США запросили экзекватуры для двух американских вице-консулов. Эти экзекватуры были выданы уже новым правительством. Государственный департамент уведомил посольство США, что формальное и безусловное принятие экзекватур нового правительства «опасно», так как могло бы рассматриваться как «подразумевающееся признание». Поэтому посольство инструктировалось о необходимости уведомить чилийские местные власти, что правительство США было бы готово использовать экзекватуры, предоставленные новым пра-

вительством, при условии, что это ни в коем случае не будет рассматриваться как его признание.

21 июля 1925 г. посольство США в Кито сообщило государственному департаменту, что генеральный консул Эквадора в Нью-Йорке вышел в отставку и что существующее правительство Эквадора (не получившее признания США) имеет желание назначить его преемника и других консульских чиновников на территорию США. Правительство Эквадора желало знать, предоставит ли правительство США им экзекватуры. В ответе от 28 июля 1925 г. было сказано, что «хотя государственный департамент считает невозможным предоставить экзекватуры консульским работникам, имеющим полномочия от режима, который не был признан, он будет склонен, по просьбе миссии Эквадора, разрешить консульским работникам, назначенным правительством, ныне действующим в Эквадоре, осуществлять свои обязанности временно, без экзекватур»¹.

Консулы США признавали законными документы, засвидетельствованные властями непризнанного правительства, с оговоркой, что «такая легализация с указанным обозначением не составляет признания нового правительства»².

Дипломатические представители США в латиноамериканских странах, правительства которых признаны фактически, не только не отзываются, но продолжают осуществление своих функций с той только разницей, что их действия именуются «неофициальными».

Это же обстоятельство отмечалось и американо-мексиканской «Комиссией по общим претензиям». В решении по делу «Соединенные Штаты (Джордж В. Гопкинс) против Мексики» Комиссия отметила, что «даже

¹ Ch. Hackworth, op. cit., vol. 1, p. 332.

² Ch. Hackworth, op. cit., vol. 1, pp. 340—341.

Соединенные Штаты, хотя они и показали недвусмысленно, что не одобряют действий Уэрты, узурпировавшего власть, не закрыли своего посольства в городе Мехико, которое продолжало ведение своих обычных занятий под руководством поверенного в делах, и продолжали сохранять свои консульства по всей Мексике. Эти отношения были, таким образом, целиком безличными. Они составляли отношения с Соединенными Штатами Мексики, с его правительством, как таковым, а не с личностью, претендовавшей на то, чтобы действовать за правительство». В решении указывалось, что эти действия «осуществлялись при надлежащем функционировании правительства, совершенно независимо от признания или непризнания отдельных лиц, осуществлявших власть»¹.

Таким образом, США использовали фактическое признание там и тогда, где и когда это было им выгодно.

Мексиканский юрист и дипломат Нерво описывает случай, когда при проезде через одну латиноамериканскую страну он был встречен дипломатическим корпусом, который нельзя было рассматривать как таковой, ибо все дипломаты находились при непризнанном ими правительстве, т. е., строго говоря, должны были считаться лишенными своего дипломатического характера².

При проведении своей империалистической политики США ввели юридическое различие между понятиями «фактическое правительство» и «фактическая власть». Различие состояло в том, что признание со стороны США первого влекло для него известные права и обя-

¹ M. Hudson, Cases on International Law, Washington, 1936, p. 173.

² R. Nervo, op. cit.; Dictionnaire Diplomatique v. II, Paris, p. 531.

занности, а признание второго нисколько не связывало США¹.

Фактические отношения, безусловно, являются фактическим признанием. Р. Л. Бобров справедливо пишет: «Совершенно ясно, что невозможно заключать какие бы то ни было соглашения с юридически не существующим контрагентом»².

Это признает также буржуазный ученый Т. Бати, отмечая, что невозможно входить в сношения с контрагентом, политическим образованием, не презюмируя его наличия, не признавая его равноправия³.

Американские юристы Мур и Хэворс, описывая акции США в процессе их фактических отношений с непризнанными латиноамериканскими и другими правительствами, чувствуя, что эти действия ничем не отличаются от таковых же при наличии официального признания, называют их «действиями, почти доходящими до признания»⁴.

После окончания второй мировой войны промежуток времени с момента свержения в результате дворцового переворота старого и до признания нового латиноамериканского правительства правительством США, как правило, занимал от половины до полутора месяцев. В этот промежуток времени правительство США, не признавая новое латиноамериканское правительство, официально считало, что оно не имеет дипломатических отношений с ним. Тем не менее американское посольство и весь его аппарат оставались на месте в конкретной

¹ Ch. Hackworth, *op. cit.*, vol. 1, pp. 128, 244.

² Р. Л. Бобров, *цит. соч.*, стр. 85.

³ T. Baty, *Abuse of Terms: «Recognition», «War», «AJIL», № 3, July 1936, pp. 377—381.*

⁴ Этот термин употреблен еще в 1879 году государственным секретарем США Эвардсом (J. Moore, *op. cit.*, vol. 1, p. 150).

латиноамериканской стране и фактически выполняли свои обычные и необычные для дипломатических представительств функции (вмешательство во внутренние дела, деятельность по подрыву или, наоборот, укреплению положения нового латиноамериканского правительства)

В то же время американские монополии, владеющие земельными угодьями и промышленными объектами в странах Латинской Америки, продолжали функционировать. Практически это являлось также «бытовым» признанием нового правительства.

§ 11. Фактическое признание латиноамериканских правительств через суды США

Часто фактическое признание латиноамериканских правительств осуществлялось посредством решений судебных органов США, поскольку экономические интересы американского монополистического капитала толкали их на этот путь. Судебная практика была призвана нормализовать деловые отношения США с латиноамериканскими странами независимо от официального признания того или иного правительства.

Очень часто суды США признавали юридическую силу за акциями непризнанных латиноамериканских государств и правительств (например, по таким делам, как «Маяк Амвросия», «Андерхилл против Эрнандеса», «Консул Испании против Ла Консепсион», «Оэтхен против Централ Лезер Компани», в «Арбитражном деле Тиноко», в деле «Мексика против Эрнандеса», «Соединенные Штаты (Джордж В. Гопкинс) против Мексики» и др.)¹.

Фактическое признание нового правительства через посредство судебных решений было выгодно тем, что,

¹ M. Hudson, op. cit., pp. 187—193, 142—144, 163—171; O. Frankel, A Digest of Cases on

во-первых, оно обеспечивало непрерывность торгово-экономических отношений сторон в интересах господствующих классов, независимо от политических разногласий и перерыва в дипломатических отношениях; во-вторых, оно не связывало признающее правительство на будущее. Судебную практику сравнительно легко можно изменить не только в будущем, но даже при решении одного и того же дела в разных инстанциях, тогда как официально предоставленное признание трудно отменить.

Немалое значение для упорядочения отношения между США и официально непризнанными ими латиноамериканскими правительствами имела так называемая теория континуитета государства, поддержанная в ряде судебных решений, т. е. теория, согласно которой государство продолжает существовать, «длиться», несмотря на смену правительств.

Обосновывая фактическое признание нового правительства, суды США подчеркивали, что это не есть признание нового правительства, а лишь продолжение отношений с уже признанным раз и навсегда латиноамериканским государством. Суды опирались на теорию континуитета государства в таких делах, как «Штат Юкатан против Аргумедо», «Мексика против Эрнандеса», «Соединенные Штаты (Джордж В. Гопкинс) против Мексики».

Отправляясь от теории континуитета, суды признавали право государства с непризнанным правительством предъявить иск от имени государства, а не правительства. В результате США часто предоставляли фактическое длящееся признание латиноамериканским пра-

International Law Relating to Recognition of Governments, 1925, Washington, Case N 28, pp. 14—15, 25—26.

вительствам с наличием юридических последствий, обычных для официального признания¹.

Однако бывали и другого рода случаи, когда суды США отказывались рассматривать законы и действия непризнанного правительства в ущерб законам и действиям старого, признанного правительства. Они отказывались признавать действия фактических правительств при разборе таких дел, как *Гельстон против Хойт*, *«Нуэва Анна»*, *«Кеннет против Чамберс»*, *«Хорнет»*, *«Кампания Минера Игнасио Родригес Рамос против Бартлерсвилль Цинк Кампани»*².

В решении по делу *«Маяк Амвросия»* было записано: «При отсутствии какого-либо признания ими (политическими или исполнительными департаментами — М. Л.) старые юридические условия должны рассматриваться как неизменные»³.

Суды США отказывались считаться с действиями непризнанных фактических латиноамериканских правительств, потому что это совпадало с их интересами.

Сепульведа, анализируя судебную практику США в отношении непризнанных правительств, приходит к выводу, что эта практика эволюционировала от тенденции отрицать права непризнанных правительств к тенденции признавать права непризнанных правительств. Непризнание законов и актов определенного правительства

¹ Объективно теория континуитета государства содействовала сохранению международных связей сторон и защите определенных суверенных прав нового правительства. Однако эта же теория обязывает новое правительство соблюдать старые, неравноправные обязательства, что противоречит требованиям современного международного права.

² O. Frankel, *op. cit.*, pp. 13, 15, 18—19, 23; M. Hudson, *op. cit.*, pp. 169—172.

³ M. Hudson, *op. cit.*, p. 190.

бьет не столько по этому правительству, сколько по правам человека¹. Сепульведа отмечает, что если тот или иной закон непризнанного правительства не устраивает страну контрагента, то этот закон может быть отвергнут в суде точно так же, как это делается в отношении некоторых законов признанного правительства, а именно при помощи ссылки на «оговорку о публичном порядке»².

Практика подтверждает целесообразность такого подхода при условии, если оговоркой о публичном порядке не злоупотребляют.

После принятия резолюции 1948 года об автоматическом признании новых латиноамериканских правительств судебная практика США в данном вопросе утратила свое значение, ибо новые правительства признаются США официально и практически в короткие сроки.

§ 12. Признание новых латиноамериканских правительств Соединенными Штатами Америки «под условием»

По отношению к латиноамериканским правительствам, возникшим в результате дворцовых переворотов, США часто применяли признание, обставленное и обремененное различными конкретными политическими условиями. Причем виды условного признания были раз-

¹ C. Sepúlveda, *La teoría y la práctica del Reconocimiento de gobiernos*, Mexico, 1954, pp. 27, 38, 43, 44.

² Оговорка о публичном порядке — это заявление суда о том, что он не может применить иностранный закон, ибо содержание закона противоречит принципиальным политическим установкам данного государства, социально-экономическому строю, его правосознанию.

нообразными как по времени исполнения условия, так и по их содержанию.

Условное признание заключалось в том, что еще до признания выдвигался ряд требований, от удовлетворения которых ставилось в зависимость и само признание. Но совершенно не обязательно, чтобы условие было исполнено до признания. В одних случаях условие исполнялось до признания. В других — одновременно с ним или уже после предоставления признания. Примером первого рода могут являться условия, дважды выставленные правительством США до признания мексиканского правительства Уэрты¹.

В ноте государственного департамента от 15 сентября 1912 г. содержались следующие условия признания мексиканского правительства Уэрты.

1. Урегулирование разногласий мексиканского правительства с американской фирмой «Тлахулило Компани».

2. Урегулирование вопроса о тракте Чамизал прямыми переговорами двух стран.

3. Заключение конвенции по вопросу о распределении вод реки Колорадо.

4. Урегулирование пограничных претензий, вызванных военными действиями около Агваприеты и Хуареса в 1911 году, на условиях, предложенных правительством США.

5. Выплата 10 тыс. долларов за убийство в Аламо.

6. Отправление «на должном уровне» правосудия в Мексике, чтобы США не приходилось прибегать к дипломатической защите своих граждан.

7. Принципиальное согласие мексиканского правительства передать на рассмотрение смешанной международной комиссии все претензии американцев, связан-

¹ G. H a c k w o r t h, op. cit., vol. 1, pp. 257—258.

ные с политическими беспорядками, имевшими место в Мексике.

В Инструкции государственного секретаря Юза поверенному в делах США в Мексике от 20 апреля 1923 г. говорилось, что США не признают правительство Мексики в случае неуспеха переговоров американо-мексиканских уполномоченных, назначенных для урегулирования разногласий. Государственный департамент оговаривал, что США предоставят признание только после принятия этих условий.

Примером условного признания второго рода является предложение США мексиканскому президенту Обрегону от 27 мая 1921 г. подписать текст договора о дружбе и торговле. Поверенный в делах США в Мексике заявил Обрегону, что «подписание предлагаемого договора составит признание Правительством Соединенных Штатов»¹.

Условия признания весьма разнообразны. Удовлетворение претензий американских капиталистов за реальный или мнимый ущерб, удаление неугодных лиц из правительства, предоставление концессии — вот та компенсация, которую выплачивали латиноамериканские правительства в качестве цены за свое признание. Как правило, условие выставлялось при признании правительств. Однако США ставили условия и в связи с признанием некоторых латиноамериканских государств. Куба, например, была признана Соединенными Штатами по Парижскому договору 1898 года, вслед за американо-испанской войной, как государство под условием фактически превратившим ее в протекторат США.

При признании Панамской республики подразумевающимся условием было предоставление ею Соеди-

¹ G. Haskworth, op. cit., vol. 1, p. 261.

ненным Штатам зоны Панамского канала. Отказ в выполнении этого условия повлек бы и отказ в признании.

В настоящее время США по-прежнему пользуются условным признанием. Так, Вильеда Моралес стал президентом Гондураса в 1957 году в результате соглашения с военными кругами страны, известного под названием пакта «Агуа асуль»¹. Моралес обещал гарантировать армии автономию на основе Договора о взаимном обеспечении безопасности, подписанного в 1954 году США и Гондурасом. Командование же вооруженных сил Гондураса обязалось «консультироваться с Соединенными Штатами» по поводу всех своих действий².

В дальнейшем под прямым нажимом США президенту Гондураса Моралесу пришлось покинуть свою страну за несколько недель до назначенных на ноябрь 1963 года президентских выборов, ибо на этих выборах мог победить Модесто Родас Альварадо, который, как отмечалось в печати, не устраивал правящие круги США.

Бывали случаи, когда Соединенные Штаты прямо требовали отставки какого-либо президента или министра или предлагали передать власть другому лицу. Так, в 1913 году США требовали в качестве одного из условий признания будущего мексиканского правительства отставки Уэрты. В ноте США говорилось: «Удовлетворительное урегулирование для нас обуславливается... соглашением генерала Уэрты обязаться не быть кандидатом для избрания в качестве президента республики на предстоящих выборах»³.

¹ «Агуа асуль» («Голубые воды») — название виллы, принадлежащей «Юнайтед фрут компани», где было заключено соглашение.

² «Международная жизнь» 1964 г. № 6, стр. 79.

³ «Presidents Wilson Policy. Messages, Addresses, Papers», Edited by James B. Scott, New. York, 1918, p. 5.

В августе 1915 года поверенный в делах США информировал государственного секретаря относительно заявления министра иностранных дел Гаити о том, что правительство Гаити вынуждено будет уйти в отставку, если Соединенные Штаты будут настаивать на подписании предлагавшегося ими договора без изменений. Государственный секретарь ответил, что, если правительство Гаити не обеспечит скорой ратификации договора в таком виде, как этого желал государственный департамент, США должны будут либо установить военное правительство до проведения «честных» выборов, либо «позволить», чтобы контроль правительства перешел в руки любой другой политической фракции, которая согласится с американскими планами¹.

В августе 1919 года президент Коста-Рики Тиноко ушел под давлением США в отставку, и президентом страны был избран Кирос. При этом государственный департамент инструктировал своего посланника в Гондурасе следующим образом: «Вы можете сделать публичное заявление о том, что правительство Соединенных Штатов не признает Хуана Баутиста Кироса в качестве нынешнего президента. Правительственная власть должна быть передана в руки Франсиско Баркero, преемнику исполнительной власти при режиме Альфреда Гонсалеса»². Под давлением США Кирос вынужден был покинуть президентский пост.

В 1924 году правительство США заявило, что оно не признает любое правительство Гондураса, во главе которого будет стоять «революционный лидер». В этой связи генерал Кариас вынужден был снять свою кандидатуру.

¹ Ch. Howland, *op. cit.*, p. 129.

² G. Hackworth, *op. cit.*, vol 1, pp 236—237.

Когда в апреле 1952 года в Боливии было свергнуто реакционное правительство генерала Баливиано и в результате победы либерально-демократических сил место президента занял Пас-Эстенсоро, избранный еще в 1951 году, США отказались признать его правительство, несмотря на одобренную ими резолюцию о признании фактических правительств. США выдвинули ряд условий, на которых они согласны были признать новое правительство Боливии. Эти условия представляли собой неприкрытое вмешательство во внутренние дела страны. Достаточно сказать, что правительство США требовало немедленной отставки министров нефтяной и горнодобывающей промышленности, труда и внутренних дел¹.

В январе 1959 года правительство США было вынуждено признать временное правительство революционной Кубы. Фактически оно также пыталось это сделать под условием, что правительство Кубы должно будет выполнять кабальные, неравноправные и просто унижительные договоры, навязанные ее народу прежними продажными правительствами и монополиями США². Такого рода условия США, сделали «железным законом» для всех правительств Латинской Америки.

Содействовав дворцовому перевороту в Бразилии, совершенному 1 апреля 1964 г., США добились подписания с новым правительством генерала Бранко неравноправного и унижительного соглашения. 7 февраля 1965 г. между США и Бразилией было подписано соглашение о гарантии американских частных капиталовложений от всевозможного риска. Бразилия предоста-

¹ Б. И. Гвоздарев, Организация американских государств, М., 1960, стр. 115.

² DSB. January 26, 1959, p. 128.

вила американским монополиям такие же гарантии, какие эти монополии имеют в США по американским законам.

Соглашение гарантирует имущество североамериканских граждан и компании от возможной экспроприации и ушерба, причиненного в результате восстаний, войн и т. д.

В историческом плане это соглашение обречено, так как всякий народ имеет неотъемлемое право на национализацию своей собственной земли и ее недр и нет никакого сомнения в том, что бразильский народ в соответствующий момент осуществит свое право.

В чисто юридическом плане, с точки зрения действующих норм современного международного права, это соглашение не имеет силы, так как оно не только нарушает суверенитет бразильского народа, но и противоречит решениям Генеральной Ассамблеи ООН, которые точно и недвусмысленно указывают на законность национализации иностранного имущества по усмотрению того государства, где это имущество расположено¹.

Касаясь экономической политики бывшего правительства Бразилии, Генеральный секретарь ЦК Бразильской коммунистической партии Л. К. Престес замечает, что военный диктатор Кастелло Бранко «добровольно протягивает руки, чтобы империализм янки надел на них наручники»².

Признание Соединенными Штатами новых латиноамериканских правительств под всякого рода политическими и экономическими условиями грубо нарушает суверенитет латиноамериканских стран, является дик-

¹ Г. Е. Вилков, Национализация в международном праве, М., 1964.

² «Проблемы мира и социализма» 1965 г. № 4, стр. 33.

татом и недопустимо с точки зрения международного права, призванного регулировать равноправные отношения между народами.

§ 13. Договоры об условиях признания новых правительств, заключенные под давлением США

20 декабря 1907 г. правительства пяти центрально-американских государств (Коста-Рика, Гватемала, Никарагуа, Гондурас и Сальвадор) при прямом нажиме со стороны Соединенных Штатов подписали в Вашингтоне конвенцию, которая по существу фиксировала доктрину Тобара в договорном порядке¹.

Конвенция предусматривала, что ни одно латиноамериканское правительство, пришедшее к власти посредством государственного переворота или революции, не будет признаваться договаривающимися сторонами. Конвенция допускала возможность признания такого правительства после его реорганизации посредством проведения выборов в порядке, предписанном конституцией. Так, в ст. I Конвенции предусматривалось, что «правительства Высоких договаривающихся сторон не признают любое другое правительство, которое может прийти к власти в любой из Пяти Республик в результате государственного переворота или революции против признанного правительства, до тех пор, пока свободно выбранные представители народа страны не реорганизуют в ней порядок на конституционных основах»². Фактически означая вмешательство во внутренние дела центральноамериканских республик, Конвенция

¹ О доктрине Тобара см. далее стр. 137.

² «British and Foreign State Papers 1906—1907», London, vol. c., 1911, p. 840—841.

вместе с тем в ст. II формально декларировала, что «в случае гражданской войны ни одно из правительств Центральной Америки не будет вмешиваться в пользу или против правительства страны, где происходит борьба»¹.

Формально демократическое требование выборов правительства фактически в силу антидемократичности процедуры образования новых правительств и вмешательства США лишь углубляло реакционность принципа, установленного договором.

Любопытно отметить, что до подписания этого договора, воскрешающего призрак интервенционистского «Священного Союза», он был парафирован на борту американского крейсера «Марблхед»².

7 февраля 1923 г. при прямом давлении со стороны США на конференции в Вашингтоне был подписан новый «Генеральный Договор о мире и дружбе между республиками Гватемалы, Эль-Сальвадора, Гондураса; Никарагуа и Коста-Рики». Он ознаменовал усиление реакционной политики признания в Латинской Америке. В ст. 2 Договора предусматривалось не только непризнание центральноамериканских правительств, возникших в результате государственного переворота или революции, как это было ранее, но и запрещалось избрание на пост президента, вице-президента, а также начальника генерального штаба лиц, которые возглавляли государственный переворот или революцию или занимали определенные посты в момент подготовки и совершения переворота или революции.

¹ «British and Foreign State Papers 1906—1907», London, vol. C., 1911, p. 840—841.

² Парафирование — предварительное одобрение договора, скрепленного не полной подписью, а инициалами уполномоченных лиц.

Статья 2 Договора гласила: «Желая обеспечить в Республиках Центральной Америки выгоды, которые происходят из поддержания свободных институтов, и в то же время содействовать укреплению их стабильности и престижу, которыми они должны быть окружены, Договаривающиеся стороны заявляют, что любой акт, приготовление или мероприятие, которые изменяют конституционную организацию, в любой из них должны рассматриваться как угроза миру указанных республик, независимо от того, исходит ли это от государственной власти или от частных граждан.

Соответственно правительства договаривающихся сторон не признают любое другое правительство, которое может прийти к власти в любой из пяти республик посредством государственного переворота или революции против признанного правительства до тех пор, пока свободно выбранные представители народа таковой не реорганизуют страну на конституционных основах»¹.

В то время как Конвенция 1907 года предусматривала лишь непризнание уже возникшего насильственным путем правительства, Договор 1923 года зафиксировал, что даже отдельные мероприятия, направленные на изменение конституционной организации какой-либо из Договаривающихся сторон, представляют угрозу для других. Договор 1923 года вместе с тем расширял случаи, в которых признание не должно было предоставляться.

В ст. II говорилось: «И даже в этом случае они обязуются не предоставлять признания, если какое-либо из лиц, выбранное в качестве президента, вице-президента или назначенное начальником штаба, попадет в категорию любых из нижеперечисленных лиц:

¹ «Conference on Central American Affairs», Washington, 1923, pp. 287—295

1. Если бы оно было лидером или одним из лидеров государственного переворота, или революции или через кровное родство или женитьбу было бы восходящим или нисходящим, или братом указанного лидера или лидеров.

2. Если бы оно являлось министром иностранных дел или занимало какой-либо высокий военный пост во время совершения государственного переворота, революции или во время проведения выборов или если бы оно занимало этот пост или военную должность в течение шести месяцев, предшествующих государственному перевороту, революции или выборам.

Кроме того, признание ни в коем случае не будет предоставляться правительству, возникшему в результате избрания гражданина, который ясно и безусловно дисквалифицируется конституцией своей страны для избрания в качестве президента, вице-президента и назначения в качестве начальника штаба»¹.

В то время как по Конвенции 1907 года в случае конституционной реорганизации глава повстанцев мог быть признан в качестве главы правительства, по Договору 1923 года это исключалось. Договор не допускал какого-либо изменения режима, не предусмотренного конституцией. Более того, получалось, что государства, предоставляя признание, могли указывать признаваемой стороне, кого именно следовало избрать в качестве президента и членов правительства².

¹ «Conference on Central American Affairs», 1923, art. 11.

² Сторонник этого договора американец Хэкворс говорит, что лучше «разочаровать» лидеров революции с самого начала, чем потом подавлять их вооруженной силой. Однако нельзя не признать, что этот довод не выдерживает никакой критики. Договор узаконяет собой дипломатическую интервенцию, которая так же ненавистна народам, как вооруженная интервенция.

Соединенные Штаты не подписали сначала Конвенции 1907 года, а затем Договора 1923 года, пытаясь продемонстрировать формальное невмешательство в дела Центральной Америки, сохранить свободу признания инспирированных ими же самими государственных переворотов. Кроме того, Договор содержал невыгодные США запреты интервенции, а также экспорта оружия повстанцам.

Государственный секретарь США Юз признавал, что Договор 1923 года держался фактически только на принуждении США. «Очевидно,— писал он,— что если бы Соединенные Штаты не считались с положениями договора, заключенного между этими последними (центральноамериканскими государствами — *М Л.*) по вопросу о признании, этот договор не имел бы практических результатов»¹.

В договорных актах 1907 и 1923 годов в прогрессивные формулировки раннего американского капитализма был вложен реакционный смысл. Не случайно подписание Конвенции 1907 года совпадает с президентством реакционера Теодора Рузвельта, а подписание Договора 1923 года с президентством Гардинга, правительство которого находилось в руках таких деятелей, как консерватор Юз, министр финансов миллиардер Меллон и министр торговли реакционер Гувер.

В указанных договорах критерий «воля нации» превращен в критерий «выборности» правительства, между тем как это не одно и то же. Говоря о применении США критерия выборности правительств латиноамериканских стран народом, следует иметь в виду, что практически речь идет не о выборах народом, а о выборах верхушкой буржуазии и помещиков.

¹ «Dictionnaire Diplomatique» M. A. Frangulis, vol. II, Paris, p. 529.

Формулируя принципы политики признания Соединенными Штатами правительств Центральной Америки, государственный секретарь США Стимсон прямо признавал ее отличие от общепринятой во всем мире политики признания новых правительств¹.

Надо отметить, что доктрина Тобара, воплощенная в названные договоры, неоднократно применялась и использовалась США для борьбы с неугодными им правительствами. Так, в 1935 году шесть американских государств, включая США, осуществляли посреднические функции в военном конфликте между Парагваем и Боливией из-за нефтеносного района Чако. Посредники добились подписания враждующими сторонами протоколов о прекращении военных действий. Однако и в Парагвае, и в Боливии произошли дворцовые перевороты, и новые правительства этих стран не пожелали подтвердить указанные протоколы.

Тогда посредники решили действовать в духе доктрины Тобара. Новым правительствам было заявлено, что если они не одобряют указанные протоколы, то не получают признания, после чего правительства Парагвая и Боливии подписали названные протоколы.

Спустя два года, в 1937 году, в Парагвае и Боливии снова произошли дворцовые перевороты, и новые правительства опять высказали критическое отношение к соглашениям о перемирии.

В ответ на это последовала угроза коллективного непризнания правительств Парагвая и Боливии со стороны США и идущих у них на поводу правительств некоторых латиноамериканских стран. И на этот раз угроза непризнания подействовала, и соглашения были сохранены в силе.

¹ «Foreign Relations», 1930, vol. 1, Washington, 1945, p. 389.

В годы второй мировой войны правительство США фактически отказалось от доктрины Тобара в Центральной Америке, так как в новых условиях она могла помешать утверждению у власти диктаторов, насильственным путем свергнувших либеральные правительства.

США стремятся сколотить военно-политический блок правительств Центральной Америки с тем, чтобы контролировать их внутреннюю и внешнюю политику¹. В 1955 году состоялось первое совещание министров иностранных дел государств Центральной Америки, на котором была создана Организация Республик Центральной Америки, установлен ее гимн, принята реакционная VII резолюция «О контроле за подрывной деятельностью политических эмигрантов», а также VIII резолюция «Поддержание обороны демократии и осуждение коммунизма в Центральной Америке через посредство единой конституции и межамериканских договоров»².

1 апреля 1965 г. в Сан-Сальвадоре закончило свою работу первое «чрезвычайное» совещание министров иностранных дел пяти центральноамериканских республик, утвердившее новый статут Организации Республик Центральной Америки и принявшее 13 документов о политической перестройке Центральной Америки в сторону угодной США политической интеграции стран этого района

В американской литературе последних лет вновь была высказана точка зрения о необходимости проведения политики непризнания в отношении некоторых новых правительств Латинской Америки. Только после того, как правительство, возникшее в результате дворцового переворота, проведет в стране выборы, говорят

¹ М. И. Поляков, Центральная Америка, М., 1964.

² Don I G. Trabanino, *Memorio de los Actos del poder Exicutivo*, San Salvador, 1955, p. 30—35.

сторонники этой точки зрения, правительство может быть признано¹.

Нетрудно заметить, что это предложение довольно близко и созвучно предложению, содержащемуся в доктрине Тобара. Однако, насколько можно судить, оно делается с целью демократизации политической жизни тех латиноамериканских стран, где правят военные диктаторы, растоптавшие буржуазно-демократические свободы, и может принести не отрицательные, а положительные последствия. Все зависит от того, по отношению к какому правительству применяется это требование: антинародному и реакционному или подлинно демократическому и прогрессивному, для защиты суверенных прав и обязанностей государств и народов или для их нарушения.

¹ Так, американский автор Руби Филиппс писала следующее: «В течение многих лет Соединенные Штаты признавали любого диктатора, которому удавалось захватить власть в какой-либо стране Латинской Америки. Я приведу два примера — Трухильо и Сомоса, которые были поддержаны администрацией Франклина Д. Рузвельта, Гарри Трумэна и в настоящее время президента Эйзенхауэра. Признание любого правительства в Латинской Америке означает одобрение его, и что бы ни заявлял по этому поводу Государственный департамент США, ни один латиноамериканец никогда не может быть убежден в противном. Соединенные Штаты никогда не должны признавать какое-либо правительство в Латинской Америке, пришедшее к власти посредством силы оружия, независимо от того, является ли данный лидер «диктатором» или «освободителем». Необходимо заявить всему миру о том, что политика Соединенных Штатов изменилась, что новое правительство будет признаваться только после годичного срока, в течение которого можно будет установить, проведет ли «освободитель» выборы и даст ли народу возможность избрать свое правительство (R. Phillips, *Cuba. Island of Paradox*, New York, 1960, p. 419).

§ 14. Межамериканская конвенция о правах и обязанностях государств о значении признания новых правительств

В результате банкротства прямой военно-интервенционистской политики США в Латинской Америке, резкого недовольства и борьбы латиноамериканских народов Соединенные Штаты были вынуждены на VII меж-американской конференции в Монтевидео подписать 26 декабря 1933 г. «Конвенцию о правах и обязанностях государств»¹.

Важность Конвенции состоит в том, что она юридически обязала США не вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских государств, чего они не хотели делать ранее.

Конвенция наряду с положениями о «юридическом неравенстве государств», об их «независимости», о «невмешательстве во внутренние и внешние дела государств» записала в ст. 3, что признание имеет декларативное значение. Она определяет, что понимается под признанием государства, содержит указание на те реквизиты, которыми должно обладать государство для того, чтобы считаться субъектом международного права, и подтверждает незыблемость так называемых «основных прав» государства.

Конвенция устанавливает, что еще до признания государство имеет право: 1) защищать свою целостность и независимость; 2) заботиться о самосохранении и процветании; 3) организовывать себя наилучшим, по его мнению, образом; 4) издавать законы в своих интересах; 5) управлять своими службами; 6) определять юрис-

¹ Б. И. Гвоздарев, Организация американских государств, М., 1960, Приложение.

дикцию и компетенцию своих судов. Признание государства может быть двух видов: ясно выраженным и молчаливым.

Заключение Конвенции 1933 года о правах и обязанностях государств имело большое значение для борьбы латиноамериканских народов против вмешательства в их внутренние дела, в частности посредством непризнания неугодных США правительств, ибо сам факт непризнания новых демократических либеральных латиноамериканских правительств, неугодных США, парализовал права и обязанности соответствующих латиноамериканских государств.

Касаясь этого вопроса, Сепульведа справедливо пишет, что «государство как субъект международного права имеет определенные врожденные права. Бессмысленно было бы говорить, что государство имеет право, если было бы разрешено любой иностранной державе игнорировать правительство, которое осуществляет эти права от имени государства»¹.

В 1934 году США прямо отказываются от критерия конституционности, содержавшегося в Договоре 1923 года. Это было вызвано тремя причинами: во-первых, решительным отказом самих центральноамериканских государств от этого договора; во-вторых, усилением экономического господства США в Латинской Америке вообще и в Центральной Америке в особенности, позволившим пойти на такой отказ; в-третьих, более гибкими методами политики президента Ф. Рузвельта.

По указанию Ф. Рузвельта, временный поверенный в делах США в Сальвадоре 26 января 1934 г. признал правительство Мартинеса, которое США не признавали свыше двух лет с момента его прихода к власти².

¹ C. Sepulveda, op. cit. p. 10.

² G. Hackworth, op. cit., vol. 1, p. 280.

В отношении стран Центральной Америки США возвращаются к видоизмененному (в реакционную сторону) критерию Джефферсона: правительство признается, если оно создано в соответствии с «волей» народа, т. е. если оно выбрано в соответствии с процедурой, установленной конституцией, как бы антинародны и реакционны ни были сама конституция и фактически проводимые выборы, в которых принимают участие не народ, а ограниченный избирательный корпус.

Многие буржуазные авторы, например Неуманн, утверждают, что правительство Рузвельта восстановило первоначальный джефферсоновский принцип автоматического признания правительств.

На деле же правительство Рузвельта в 1933—1934 гг. не признало кубинское правительство Грау Сан Мартина, которое, будучи свергнуто в 1934 году, сделало заявление о том, что в его свержении виновны США, применявшие «интервенцию по инерции»¹.

Правительство Грау приняло в интересах народа и вопреки воле американских монополий ряд законодательных мер. Закон о восьмичасовом рабочем дне, об университетской автономии, об образовании министерства труда и др. Оказывая давление на правительство Грау, США не только не признавали его, но и окружили Кубу 14 сентября 1933 г. военными кораблями. Как пишет А. Хименес, США «преследовали цель усилить агрессивность реакционных групп и сместить новое правительство»².

Более того, американское правительство часто гребовало от новых латиноамериканских правительств за-

¹ W. Neumann, Recognition of Governments in the Americas, Washington, 1947, p. 32.

² А. Н. Хименес, Республика Куба, М., 1963, стр. 67.

верений о соблюдении ими договорных обязательств перед США. Когда в мае 1936 года военная хунта Боливии, придя к власти, заявила, что она будет укреплять национальную экономику «по чисто социалистическим стандартам», это вызвало беспокойство государственного департамента. Получив завершение и подтверждение того, что Боливия будет «уважать свои международные обязательства», государственный департамент предоставил признание через десять дней с указанием, что такое дается только «с учетом этого подтверждения»¹.

Когда в следующем 1937 году правительство Боливии выступило против американской монополии «Стандарт Ойл компани», экспроприировав всю собственность этой компании и передав ее государству, США оказали нажим на правительство Боливии, в результате чего оно должно было уйти в отставку. К власти пришел временный президент, оставив при этом открытым вопрос о «Стандарт Ойл компани». В результате нового нажима правительство Боливии было вынуждено согласиться на американские условия о создании комитета по расследованию и заключению сделок со «Стандарт Ойл компани». Таким образом, хотя США и подписали Конвенцию 1933 года и тем самым признали формальное равноправие и суверенность латиноамериканских государств, они в то же время навязали им ряд кабальных соглашений: о военных миссиях, военных базах, экономических обязательствах.

§ 15. Вопрос о признании новых латиноамериканских правительств после коллективных консультаций

До самой второй мировой войны США, предоставляя признание латиноамериканским правительствам,

¹ C. Ronning, op. cit., p. 14—15.

действовали индивидуально. От предоставления признания латиноамериканским правительствам в коллективной форме они неизбежно уклонялись.

Даже во время борьбы испанских колоний за независимость США, не располагая еще достаточными силами для самостоятельной акции против Испании, призывали тем не менее Англию и другие государства не к коллективному, а лишь к «согласованному» признанию независимости латиноамериканских колоний.

Как это видно из инструкции государственного секретаря Адамса посланнику США в Колумбии Андерсону, США еще в 1818 году предложили Англии согласованно и одновременно признать независимость Буэнос-Айреса — единственной латиноамериканской страны, которая к этому времени изгнала со своей территории испанские войска.

Говоря о совместном с другими державами признании латиноамериканских государств, президент США в послании от 8 марта 1822 г. отмечал, что США «лелеяли искреннее желание действовать в случае предполагавшегося признания в согласии с ними»¹. Однако, по мнению американских деятелей, согласованное признание не является еще коллективным признанием.

«Согласованная» политика заключалась в том, что США и другие государства, условившиеся действовать согласованно, при признании вручали почти одновременно ноты идентичного содержания, но при этом каждое правительство выступало как самостоятельная сторона.

Когда посол США в Перу в 1931 году высказался за совместное с другими государствами посредничество в создании и признании правительства Перу, государст-

¹ J. Moore, *op. cit.*, vol. I, p. 85.

венный департамент 10 апреля 1931 г. ответил, что он «смотрит с неодобрением на какую бы то ни было мысль о посредничестве в перуанских делах, особенно сообща с европейскими державами, так же как он не был бы расположен предпринять совместную акцию ни с Лигой Наций, членом которой настоящее правительство не является, ни с Ватиканом, с которым оно не имеет дипломатических отношений»¹.

13 марта 1936 г., касаясь вопроса о предоставлении признания правительству Парагвая в коллективной с другими латиноамериканскими государствами форме, государственный департамент телеграфировал своему посланнику в Парагвае, что «со всех точек зрения, по-видимому, лучше следовать установившемуся прецеденту, что признание предоставляется каждым из заинтересованных правительств как независимый акт индивидуального суверенитета»².

Нежелание действовать коллективно с другими государствами в вопросах признания латиноамериканских правительств логически вытекало из той роли, которую Соединенные Штаты отводили себе в Латинской Америке — роли монополю и безраздельно хозяйничающего гегемона.

В период второй мировой войны положение начинает меняться. Так называемый Чрезвычайный консультативный комитет по политической обороне западного полушария под эгидой США вводит процедуру коллективных консультаций, основанную на идее нецелесообразности признания новых правительств, возникших насильственным путем.

Этот комитет был создан 25 февраля 1942 г. на Третьем совещании министров иностранных дел амери-

¹ «Papers... 1931», vol. II, Washington, 1946, p. 918.

² G. Hackworth, op. cit., vol. I, p. 272.

канских государств. Официально в его функции входила борьба с подрывной деятельностью держав оси и их политической агрессией в западном полушарии¹.

Державы оси имели далеко идущие планы по переделке политической карты Латинской Америки и созданию там своего «Латиноамериканского протектората». В печати сообщалось, что на протяжении 1940—1941 гг. были раскрыты фашистские заговоры в Уругвае, Аргентине, Чили, Боливии, Парагвае, Бразилии, Мексике².

Чрезвычайный комитет по политической обороне состоял из семи представителей, назначенных США, Аргентиной³, Бразилией, Чили, Уругваем и Венесуэлой.

В резолюции XXII, принятой 24 декабря 1943 г. американскими правительствами, которые объявили войну державам оси или порвали отношения с ними⁴, и в заявлении государственного департамента США от 26 июня 1944 г. о непризнании аргентинского правительства подчеркивалось, что при признании «контрольным вопросом является добросовестная поддержка дела Союзников».

В резолюции Комитета о возможности признания нового правительства Боливии, принятой 5 января 1944 г., отмечалось, что, несмотря на процедуру коллективной консультации и обмена информацией, «решолю-

¹ Комитет был избран Руководящим Советом Пан-американского союза и включал американского делегата Карла Шпета, профессора права и бывшего советника американской монополии «Венесуэлан ойл Компани» (W. Neuman p, op. cit., p. 33—34).

² В. Алексеев, Фашистская угроза Латинской Америке, М., 1942, стр. 17.

³ Представитель Аргентины из Комитета впоследствии вышел.

⁴ «Documents on American Foreign Affairs, July 1943 — June 1944», pp. 497—498; *ibid.*, July 1944 — June 1945, vol. VIII, Norwood, 1947, pp. 777—779, p. 783.

ция уважает свободное решение каждого правительства».

Последовавшая за этим практика признания возникших в результате дворцовых переворотов новых правительств Аргентины, Боливии, Эквадора показала, что признание предоставлялось в индивидуальном порядке каждым американским правительством. Столь тесная коллективная консультация по вопросу о признании являлась беспрецедентной. Диктат США и их решающее влияние на позицию американских государств в вопросах предоставления признания не подлежат никакому сомнению. Можно, конечно, допустить, что во время второй мировой войны деятельность этого Комитета содействовала борьбе антигитлеровской коалиции против общего врага. Но одновременно она укрепляла влияние США в Латинской Америке, позволяя оказывать давление на неугодные США правительства, под предлогом их связи с фашизмом.

Небезынтересно, что на содержание своих членов чрезвычайного консультативного комитета США выделяли ежегодно 105 560 долларов¹, что свидетельствует о большом значении, которое США придавали его деятельности.

По мысли руководящих деятелей США, коллективное признание новых правительств должно быть ступенью к созданию «мирового правительства».

Касаясь идеи США коллективизировать политику непризнания латиноамериканских правительств, Сепульведа указывает, что консультироваться с целью непризнания — это значит делать то же, к чему призывала доктрина Тобара².

¹ «Documents on American Foreign Relations, 1942—1943»; Boston, 1944, p. 378—379.

² C. Sepulveda, *op. cit.*, pp. 69—70.

Пользуясь войной, США стремились подчинить своему контролю внешнюю политику всех других латиноамериканских стран в вопросах признания нового правительства, равно как и в стремлении держать под контролем новые, вновь возникающие правительства.

Д. И. Фельдман правильно указывает: «Правящие круги США были заинтересованы в том, чтобы их креатурам в странах Латинской Америки было обеспечено признание в любой момент. Но создать такой орган коллективного признания империалистам США не удалось»¹.

Констатируют провал политики коллективного признания и американские юристы. Так, Галарза, бывший заведующий Секцией труда Панамериканского союза, заявил, что политика коллективного признания — это результат работы «ножниц и клея» в Вашингтоне, а не коллективных консультаций с другими американскими республиками.

Американский профессор Неуманн поставил под сомнение официальный тезис США о том, что в правительстве Боливии якобы участвовали агенты нацизма. Затем он отмечает, что «США сопровождали свою программу непризнания серией экономических мер, которые получили мало поддержки со стороны американских республик или не получили никакой поддержки»². В конце концов США признали правительство Боливии, а новые выборы привели к включению в него, как утверждает Неуманн, пронацистских элементов, и таким образом, по его мнению, эксперимент с коллективным признанием провалился. США признали это правительство, хотя того же не сделали другие латиноамериканские государства.

¹ Д. И. Ф е л ь д м а н, Признание правительств в международном праве, изд-во КГУ, 1961, стр. 57.

² W. N e u m a n n, op. cit., p. 36.

США отозвали своего посла из Аргентины и стали оказывать на эту и другие латиноамериканские республики давление с тем, чтобы и они следовали политике коллективного признания или непризнания новых правительств. В результате Аргентина потребовала рассмотрения конфликта в Панамериканском союзе, за что высказалось также большинство латиноамериканских государств. Однако правительство США добилося того, что Панамериканский союз не стал рассматривать вопроса о правильности или неправильности политики коллективного признания.

Англия также отрицательно реагировала на конфиденциальный меморандум США от 22 июня 1944 г., обращенный к ней и всем странам Латинской Америки с призывом отозвать из Аргентины своего дипломатического представителя.

По свидетельству К. Хелла, латиноамериканские государства боялись, что «непризнание в качестве средства принуждения может как-нибудь в будущем обернуться против других нежели Аргентина стран»¹.

В 1944 году правительства Мексики и Уругвая прямо указывали на опасность того, что коллективное признание может возродить практику интервенции.

Правительство Уругвая заявило, что предложение США о коллективном признании — это возрождение «Священного союза» и доктрины Тобара².

Уже 19 апреля 1946 г. государственный секретарь Бирнс объявил, что США возвращаются «к традиционной политике признания». «В будущем,— сказал он,— признание будет предоставляться всем фактическим пра-

¹ K. Hull, *The Growth of the American Republic*, voll. II, pp. 713, 715.

² W. Neuman n, *op. cit.*, p 35.

вительствам, хотя оно не будет означать одобрения политики такого правительства»¹.

В дальнейшем в 1948 году на Межамериканской конференции в Боготе делегация США внесла проект резолюции о коллективном признании новых правительств Организацией Американских Государств. Однако эта резолюция не была принята, ибо «политика признания новых правительств, проводимая США, настолько себя дискредитировала, что эту резолюцию провозгласили»².

В последующие годы США больше не ставили официально вопроса о коллективном признании на имевших место собраниях дипломатов и юристов. Однако нечто подобное они пытались оформить в виде разрыва дипломатических отношений с революционной Кубой посредством коллективной акции ОАГ. США оказали нажим на другие правительства Латинской Америки и через ОАГ и по дипломатическим каналам и в конце концов добились разрыва дипломатических отношений с Кубой всех стран, кроме Мексики.

Тенденцию к предоставлению признания коллективно многие американские юристы рассматривают как прогресс института признания, который тем самым якобы перестает быть прерогативой одного государства и перерастает в «санкцию организованных в сообщество государств».

Признание, по мнению Грэхама, как бы становится высшим признанием, даваемым прообразом мирового правительства³.

¹ C. Ronning, *op. cit.*, p. 22.

² Д. И. Фельдман, Признание правительств в международном праве, стр. 56—57.

³ M. Graham, *The League of Nations and the Recognition of States*, California, 1933, pp. 40—41.

Однако такой взгляд несостоятелен. Прогрессивность зависит не столько от той процедуры, при помощи которой предоставляется признание, сколько от той цели, на которую эти действия направлены. Важна не только и не столько форма предоставления признания, сколько смысл проводимой при этом политики, все зависит от того, какое содержание будет вложено в эту форму.

Поэтому коллективное признание или непризнание вновь возникшего правительства не означает еще само по себе прогресса по сравнению с признанием, осуществляемым государствами индивидуально.

Было бы юридическим формализмом полагать, что легитимная политика «Священного союза» в вопросах признания новых правительств была прогрессивной только потому, что она осуществлялась в коллективной форме группой монархов. С другой стороны, в свое время рекомендации Комитета Лиги Наций о непризнании Манчжоу-Го имели прогрессивный характер и по форме и по цели. В этом случае целью являлось не признавать роль правообразующего фактора за действиями японского империализма. Формой была коллективная борьба против японской марионетки.

В послевоенные годы США продолжали во многих случаях при признании нового латиноамериканского правительства указывать, что это признание имеет место после консультации с другими правительствами Латинской Америки.

Так, государственный департамент заявил, что «США 14 декабря (1963 г.—*М. Л.*) признали правительства Доминиканской Республики и Гондураса после консультации с другими правительствами полушария»¹.

¹ «DSB», December 30, 1963, p. 997.

Аналогичные ссылки на «консультации» с другими правительствами западного полушария содержатся при признании военной хунты Эквадора 19 мая 1963 г. и других правительств¹.

Такая формула ни к чему не обязывает США, но создает видимость учета ими мнений латиноамериканских правительств и позволяет снять с себя ответственность за поддержку диктаторских антинародных режимов в Латинской Америке.

¹ «DSB», August 19, 1963, p. 282.

ДОКТРИНЫ ПРИЗНАНИЯ
НОВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКШИХ
В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ
ИЛИ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 16. Доктрина президента США

Томаса Джефферсона об автоматическом признании
правительств, «созданных волей нации»

Касаясь идеологической экспансии США в Латинской Америке и других странах мира, Председатель Коммунистической партии Уругвая Р. Арисменди иронически отмечает, что «каждый американский президент стремился к тому, чтобы увековечить свое имя какой либо «доктриной» или выдающимся актом международной политики. «Коротышка» — адвокат из Канзаса Трумэн был собирателем обанкротившихся доктрин»¹.

На протяжении всей истории взаимоотношений США с Латинской Америкой правительство США руководствовалось как во внешней политике в целом, так и в вопросах признания в частности, теми интересами, которые конкретно выдвигались американскими господствующими классами и монополиями. При этом, однако, американские государственные деятели и дипломаты при-

¹ Р. Арисменди, цит. соч., стр. 45.

крывали подлинные мотивы признания или отказа в признании того или иного американского правительства различными мотивами. Они выдвигали теории, идеологические обоснования и даже правила, устанавливающие, когда именно США предоставляют свое признание другим правительствам и когда они отказывают в этом.

После второй мировой войны образование мировой социалистической системы и широкая национально-освободительная борьба народов Латинской Америки привели к тому, что США теперь несколько изменили тактику в вопросах признания. Они вынуждены делать вид, что руководствуются прогрессивными мотивами признания.

В настоящее время США пользуются тем или иным критерием прагматически, т. е. в зависимости от обстоятельств и выгоды для них, и руководствуются теми теориями, которые им удобны в данный конкретный момент.

Существуют четыре основных североамериканских и латиноамериканских доктрины по вопросу о признании новых правительств — Джефферсона, Тобара, Вильсона, Эстрады. Все остальные доктрины, как это правильно отмечает мексиканский ученый Сепульведа, лишь «вариации или оттенки указанных четырех доктрин»¹.

Критерии, которыми руководствовались США при признании латиноамериканских правительств, не были однообразными, как это пытаются представить многие американские теоретики и государственные деятели. Если подчас и применялись одинаковые критерии признания, то вкладывавшийся в них смысл и сущность проводившейся политики были различными.

¹ C. Sepulveda, op. cit., p. 47—48.

Институт признания в практике взаимоотношений США с латиноамериканскими странами прошел ряд основных этапов развития.

Впервые он был применен в эпоху французской буржуазной революции 1789 года. Тогда перед США, как перед всеми государствами, встал вопрос об отношении к только что возникшей Французской республике.

7 ноября 1792 г. в инструкции государственного секретаря США Томаса Джефферсона американскому посланнику в Париже Морису было дано указание о политике признания. В дальнейшем, когда латиноамериканские страны боролись за свое освобождение от метрополии и за международное признание в качестве независимых, суверенных государств, Соединенные Штаты придерживались принципа, изложенного в этой инструкции.

Инструкция Джефферсона предусматривала, что всякое правительство, созданное в соответствии с «волей нации», должно получить признание Соединенных Штатов: «Нашим принципам соответствует признавать правомерным любое правительство, которое сформировано реально провозглашенной волей нации. Последнее правительство было именно таким и было соответственно признано всеми властями нашего государства, так что любое изменение его, которое будет произведено волей нации, реально провозглашенной, будет, без сомнения, признано аналогичным образом»¹.

Несколько месяцев спустя при новом изменении политического строя Франции и возникновении вопроса о возможности его признания Джефферсон писал Морису: «Я сознаю, что Ваше положение в течение перехода от последней формы правительства к восстановлению

¹ J. Moore, *op. cit.*, vol. 1, p. 120.

некоторой другой легитимной власти должно быть трудным и что Вы, возможно, терялись, стараясь определить, с кем можно было бы вести дела. Тем не менее, когда принципы хорошо понимаются, их применение не так уж сложно. Мы, безусловно, не можем отрицать за любой нацией того права, на котором основано наше собственное правительство, права, по которому каждая нация может управлять собой в соответствии с любой формой, которая ей нравится, и менять эти формы по своей собственной воле и что она может вести свои дела с иностранными государствами через посредство любого органа, который она считает надлежащим, будет ли то король, конвент, ассамблея, комитет, президент или что-либо другое, что она может выбрать. Воля нации является единственной существенной вещью, которая должна быть принята во внимание»¹.

Критерий Джефферсона в свое время являлся прогрессивным. Он исключал какие-либо привходящие соображения, которые могли бы тормозить признание вновь возникших государств или правительств.

Американское государство, само возникнув в результате буржуазной революции, не могло отрицать за буржуазией других стран права на изменение феодального строя своей страны революционным путем. В понятие «воля нации» Джефферсон вкладывал представление о буржуазном революционном движении.

Во время борьбы Латинской Америки за независимость США занимали позицию нейтралитета, фактически дружественного по отношению к колониям. В этот период они признавали латиноамериканские правительства сначала в качестве воюющей стороны, затем признавали их фактически в качестве независимых государств, вели

¹ J. Moore, *op. cit.*, vol. 1, pp. 120, 121, 170, 172, 207.

с ними торговлю, посылали и принимали неофициальных дипломатических агентов и, наконец, признавали их и официально.

6 апреля 1822 г. государственный секретарь Д. Адамс заявил, что всякое латиноамериканское государство, провозгласившее независимость, действительно добившееся и фактически отстоявшее ее, должно получить признание США. Право на признание как бы вытекало из факта достижения независимости новым государством. Это заявление содержалось в ответе Адамса испанскому министру Андуага¹.

В дальнейшем при предоставлении признания латиноамериканским государствам и правительствам государственных деятели США руководствовались этими принципами.

В известном послании президента Монро конгрессу подчеркивалось, что политика США направлена «к признанию правительств де-факто как правительств для нас законных»². Критерий Адамса также являлся прогрессивным в связи с тем, что он предусматривал автоматическое признание латиноамериканских государств Соединенными Штатами вслед за достижением ими фактической независимости. Признание фактически независимого государства он считал «обязательством долга, высшего порядка».

И критерий Джефферсона, и критерий Адамса предусматривали беспрепятственное признание вновь возникшего государства, отвергая какое-либо вмешательство в его внутренние дела. Оба они применялись Соединенными Штатами по отношению к Латинской Америке, вплоть до гражданской войны Севера с Югом.

¹ J. Moore, *op. cit.*, vol 1, pp. 87, 88.

² «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 1, М., 1925, стр. 134.

Различие в этих критериях лишь терминологическое. Джефферсон говорил о признании государств, созданных «волей нации», Адамс — о признании государств, фактически добившихся независимости, но оба они имели в виду одно — беспрепятственное признание новых государств Латинской Америки.

Насколько прогрессивна была политика признания США на заре их развития видно и из Инструкции государственного секретаря США Бьюкенена американскому посланнику в Париже Рушу от 31 марта 1848 г. В этой Инструкции Бьюкенен приветствовал своевременное признание соединенными Штатами очередного изменения государственного строя Франции.

«В своих сношениях с иностранными государствами правительство Соединенных Штатов с самого момента своего происхождения всегда признавало правительства де-факто,— гласила Инструкция. Мы признаем право всех наций создавать и переформировывать свои политические институты в соответствии со своей собственной волей и желанием. Мы не анализируем существующее правительство, что вовлекло бы нас в изучение вопроса легитимности. Для нас достаточно знать, что существующее правительство способно поддержать себя и тогда его признание с нашей стороны неизбежно следует»¹.

Этой политики США придерживались, как уже было сказано, и в странах Латинской Америки, что подтверждается и специальным посланием президента Пирса конгрессу США от 15 мая 1856 г.:

«В течение 67 лет, прошедших с момента установления существующего правительства Соединенных Штатов, в течение которых этот Союз поддерживал нерушимо внутреннее спокойствие, мы имели случай признавать

¹ J. Moore, *op. cit.*, vol. 1, pp. 142—143.

правительства де-факто, созданные в результате либо внутренней революции, либо военного вторжения из-за границы во многих странах Европы.

Еще более необходимо применять эти правила к испано-американским республикам при рассмотрении частых и нередко аномальных изменений организации или управления, а также революционной природы большинства этих изменений»¹

Всякое фактически существующее прочное правительство иностранного государства США считали законным и достойным признания.

Итак, доктрина Джефферсона была прогрессивной, так как обеспечивала автоматическое признание Соединенными Штатами Америки новых государств и правительств Латинской Америки без каких-либо условий, требований или ультиматумов со стороны США. При этом надо иметь в виду, что все существовавшие в то время монархические государства Европы в качестве неперемennого условия признания нового правительства требовали, чтобы оно было легитимным, т. е. назначенным монархом в соответствии с династическими предписаниями, «наследственными правами», исходящими «от бога».

Роннинг подчеркивает, что доктрина легитимности в первое время была инструментом Европейского концерта, считавшего, что все, что делается внутри других государств, является предметом заботы великих держав. Американская и французская революции, а также события в Южной Америке, отмечает он, показали несостоятельность этой доктрины.

Доктрина Джефферсона явилась результатом развития идеи народного суверенитета и права народа на революцию.

¹ J. Moore, op. cit., vol. 1, p. 142.

§ 17. Доктрина министра иностранных дел Мексики
Хенаро Эстрады об отказе от заявлений о признании
или непризнании новых правительств

Касаясь различных политических доктрин американского империализма, Р. Арисменди отмечал, что «они также оставили определенный опыт и народам: каждая из этих блестящих, но лживых доктрин внесла свой вклад в политику, экономику и стратегию, а тем самым латиноамериканцев неизменно оставляли с носом»¹.

Однако «всякое действие имеет противодействие». Если, опираясь на свою экономическую, политическую и военную мощь, США десятилетиями стремились поставить страны Латинской Америки в особое положение, которое характеризовалось унижительным и тяжелым неравноправием, полным подчинением этих стран американскому империализму, то со своей стороны прогрессивные силы Латинской Америки постоянно боролись за соблюдение в межамериканских отношениях общепризнанных принципов и норм международного права, внося свои оригинальные демократические доктрины и нормы.

Доктрину Хенаро Эстрады можно рассматривать как результат борьбы латиноамериканских правительств с Соединенными Штатами в вопросах признания.

27 сентября 1930 г. мексиканское министерство иностранных дел выпустило «Коммюнике по вопросу о признании новых правительств»². В связи с происшедшими перед этим государственными переворотами в странах Южной Америки в нем отмечалось, что Мексика более, чем какая-либо другая страна, страдала от

¹ Р. А р и с м е н д и, цит. соч., стр. 45.

² «Международная политика в 1930 году», М., 1932, стр. 398.

применения доктрины признания, «в результате которой вопрос о том, законен ли или не законен новый режим, предоставляется на усмотрение иностранных правительств».

В Коммюнике сообщалось, что правительство Мексики инструктировало своих дипломатических представителей в странах, где произошли перевороты, «в том смысле, что Мексика не высказывается по вопросу о даче признания». В нем указывалось, что в результате заявлений о признании «создается обидная практика, которая, помимо того, что она посягает на суверенитет других наций, ведет к тому, что внутренние дела последних могут являться предметом оценки в том или ином смысле со стороны других правительств, берущих на себя тем самым роль критика, выносящего положительную или отрицательную оценку по вопросу о законности режима в иностранных государствах».

«Мексиканское правительство,— говорилось в Коммюнике,— ограничивается тем, что оно содержит или отзывает, когда оно считает это полезным, своих дипломатических агентов и продолжает принимать, равным образом, когда оно это считает полезным, иностранных дипломатических агентов, не оценивая ни поспешно, ни односторонне право чужих наций сохранять или изменять свои правительства или власти».

Отменив термин «признание», доктрина Эстрады вместе с тем не отменила самый факт признания фактического или официального. Термин «признание» доктрина Эстрады устранила с тем, чтобы не ущемлять достоинство вновь возникшего правительства, превращаемого, таким образом, в предмет изучения, в предмет признания. Она направлена против нарушения его суверенных прав.

Но суждение о целесообразности признать или не признать доктрина Эстрады отменить не может. Она,

как это считают Джессеп¹ и Лаутерпахт², оставляет неясным ряд вопросов, касающихся двоевластия, наличия двух враждующих фракций в стране, где идет вооруженная борьба за власть.

Не ясно, отмечают эти авторы, с какой из соперничающих сторон должны поддерживаться дипломатические отношения. Должны ли дипломаты вести дела с правительством, находящимся в столице, даже если повстанцы фактически контролируют всю остальную часть страны?

Должны ли они вести дела с лидерами повстанцев, если последние захватят столицу, хотя правительство, при котором первоначально были аккредитованы дипломаты, продолжает контролировать всю остальную часть страны, включая и морские порты?

Должны ли они иметь дело с должностными лицами обеих сторон по вопросам, возникающим в районах, в которых эти лица фактически осуществляют власть?

Пожелает ли «конституционное» правительство, чтобы иностранные дипломаты входили в сношения с повстанцами в различных частях страны? Какой из враждующих сторон должны выплачиваться долги, причитающиеся государству? При каких обстоятельствах будут приостанавливаться дипломатические отношения? С кем они будут возобновляться после перерыва?

Таков тот неполный перечень вопросов, который возникает, когда в стране идет вооруженная борьба за власть.

Однако надо отметить искусственность постановки этих вопросов хотя бы потому, что в Латинской Америке

¹ Ph. Jessup, The Estrada Doctrine, «AJIL», October 1931, № 4, p. 722.

² H. Lauterpacht, Recognition of Governments, II, «Columbia Law Review», January, 1946, № 1. p. 52.

ке почти никогда не бывает двоевластия или наличия правительств в изгнании¹. На латиноамериканском континенте установилась практика, согласно которой правительство, пришедшее к власти в результате дворцового переворота, безраздельно господствует до очередного дворцового переворота, который может произойти быстро или, наоборот, через длительное время.

Следует указать также, что эти неясности породила не доктрина Эстрады. Они существуют и при обычной практике признания. Поэтому важна не столько юридическая и техническая сторона дела, сколько политическое значение доктрины Эстрады.

Вместо применявшейся практики деклараций о «признании» или «непризнании», вместо публичных заявлений о неконституционности, «противозаконности» нового правительства, вместо всех этих суждений, составляющих вмешательство во внутренние дела признаваемой страны и подрывающих ее международный престиж и авторитет в глазах собственного населения, доктрина Эстрады принимает молчаливый способ установления дипломатических отношений с новым правительством или продолжения отношений со старым.

Разумеется, такой способ не устраняет классового характера признания. Существо признания остается классовым, независимо от формы его выражения. Одна-

¹ Небезынтересно попутно отметить, что правительство США не стало признавать на своей территории кубинское контрреволюционное «правительство в изгнании» во главе с «президентом» Валь и Соуза.

7 октября 1961 г. последнему было заявлено, что «признание правительства Кубы в изгнании в настоящее время не соответствует национальным интересам Соединенных Штатов, потому что иностранное правительство — Швейцарии или какое-либо другое правительство — не могло бы в этом случае представлять интересы США перед режимом Кастро».

ко значение доктрины состоит в том, что ее острие направлено против грубого вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, столь широко практикуемого Соединенными Штатами.

Это обстоятельство подчеркивает и Неуманн, пишущий, что «доктрина Эстрады является частью контрполитики, развившейся в Мексике в ответ на программу Вильсона»¹. А. В. и А. Дж. Томасы указывают, что в 1929 году в Мексике произошло восстание, которое провалилось частично из-за того, что США снабжали оружием правительство и наложили эмбарго на поставку оружия повстанцам, и что именно в это время и появилась доктрина Эстрады² Сепульведа подчеркивает также, что доктрина Эстрады — это «протест мексиканского правительства против зловещей практики использования признания в качестве средства получения определенной односторонней выгоды или в качестве акта вмешательства во внутренние дела страны»³.

Мексика всегда была известна своими демократическими традициями и тенденциями в области международных отношений и международного права. И это не случайно, если вспомнить, что Мексика и ее народ не раз являлись жертвой американской агрессии. В результате захватнической войны 1846—1848 гг. США навязали Мексике грабительский договор Гвадалупе — Идальго, отобрав у нее почти половину национальной территории. В 1853 году американский империализм, угрожая войной, принудил Мексику уступить США еще 140 тыс. кв. км мексиканской территории (по так называемому договору Гардсдена).

¹ W. Neumann, *op. cit.*, p. 15.

² A. V. and A. J. Thomas, *Non-Intervention*, Dallas, 1956, p. 50.

³ C. Sepulveda, *op. cit.*, p. 61.

Доктрина Эстрады подрывала почву под ногами североамериканского колосса, столь часто вмешивавшегося посредством института признания в дела латиноамериканских государств и в первую очередь в дела Мексики. В этом политический смысл доктрины. В этом ее прогрессивность¹.

Доктрина Эстрады встретила весьма сочувственный отклик латиноамериканских теоретиков международного права, видевших в ней средство обуздания «империализма янки»².

Заявление о присоединении к принципам доктрины Эстрады сделали Аргентина (в 1931 году) и Куба (в 1934 году).

Сепульведа отмечает, что доктрина Эстрады оказала большое положительное влияние на международные отношения американских государств и правительство США должно было варьировать свою традиционную политику признания и искать методы, более соответствующие латиноамериканской «чувствительности» к нарушениям их суверенитета³.

Об этом, в частности, говорит предложенный Соединенными Штатами Америки на IX межамериканской конференции в Боготе проект резолюции о продолжающихся дипломатических отношениях с американскими государствами.

Нерво, один из авторов проекта, считает, что в последующем США тоже стали на путь предоставления признания, руководствуясь доктриной Эстрады⁴.

¹ Об «оборотной стороне медали» в доктрине Эстрады см. дальше.

² «AJIL», October, 1931, № 4, p. 805.

³ C. Sepúlveda, op. cit., p. 62.

⁴ R Nervo, La Doctrine Estrada et la Reconnaissance des Governments «De Facto», «Dictionnaire Diplomatique», Frangulis Paris, v. 11, pp. 531—532.

Однако это опровергается следующими фактами. Во-первых, ничем не мотивированное, молчаливое признание посредством обмена дипломатами (по существу главное в доктрине Эстрады) применялось Соединенными Штатами иногда и раньше. Во-вторых, отдельные немотивированные акты признания нисколько не меняют интервенционистского характера политики признания США в целом. В-третьих, пример, на который ссылается автор в подтверждение своего мнения (признание Аргентины, Боливии, Перу, Бразилии в 1930 году), как раз не удачен. Признавая эти правительства, США в специальном меморандуме ссылались на мотивы признания и публично выносили суждение о новых режимах, а такой способ признания противоречит и духу и букве доктрины Эстрады.

Можно было бы считать, что США восприняли доктрину Эстрады, если бы они так же, как Мексика, заявили о своем отказе впредь выносить публичное суждение о «законности» вновь возникшего правительства. Но США этого не сделали, ибо такой шаг означал бы отказ от весьма эффективного средства пропаганды своей политики и маскировки ее существа.

Более того, как показала работа созданного по инициативе США Чрезвычайного консультативного комитета по политической обороне западного полушария, признание отдельных латиноамериканских правительств стало предметом всеобщих обсуждений и рекомендаций. Изданная в 1946 году «Голубая книга» государственного департамента США, направленная на дискредитацию непризнанного аргентинского правительства, также подтверждает это¹.

¹ «Consultation Among the American Republics with Respect to the Argentine Situation, Memorandum of the United States Government», Washington, 1946.

Сепульведа полагает, что сама Мексика в ряде случаев не придерживалась доктрины Эстрады.

В подтверждение этого он приводит отказ Мексики признать правительство Франко и признание ею испанского правительства в изгнании, одобрение Мексикой межамериканской резолюции о коллективном признании.

Однако надо заметить, что доктрина Эстрады не означала обязательства государства автоматически признавать любое правительство, а тем более являющееся креатурой фашистской Германии.

Что касается вышеуказанной резолюции, то она являлась временным документом, связанным со второй мировой войной.

В целом же общая линия мексиканского правительства в вопросах признания новых правительств Латинской Америки соответствовала доктрине Эстрады, о чем, в частности, свидетельствует и заявление министра иностранных дел Мексики в феврале 1965 года в поддержку доктрины Эстрады на предстоявшей XI межамериканской конференции.

Министр иностранных дел Мексики А. Флорес сообщил, что мексиканская делегация будет защищать на этой конференции доктрину Эстрады, которую всегда отстаивала и которая «дополняет основные принципы невмешательства и самоопределения». Это заявление подчеркивает несостоятельность утверждения чанкайшистского юриста-международника о том, что будто доктрина Эстрады «не выдержала испытания временем»¹.

Доктрина Эстрады имеет и «оборотную сторону медали». Обычно, предоставляя признание, государства

¹ H. Tsen-Ming, Is the Policy of Non — Recognition Consistent with the Rules of International Law, «The Annals of Chinese Society of International Law», Taipei, 1964, № 1, p. 41.

делают публичные заявления о критериях признания, причем в него включаются такие элементы, как устойчивость режима, требование выборности правительства народом.

В 1930 году, когда была опубликована декларация Эстрады, в ряде латиноамериканских государств в результате жестокого экономического кризиса приходят к власти реакционные диктаторские правительства.

С одной стороны, они не избирались народом и, более того, являлись антинародными. С другой стороны, трудно было говорить об их прочности, это могло подтвердить только время. Между тем американская буржуазия была заинтересована в упрочении их положения, в частности посредством признания. В заявлении государственного секретаря Стимсона от 17 сентября 1930 г. это прямо подчеркивалось.

Но для скорого предоставления признания в соответствии с обычно принятыми правилами требовались стабильность правительства и его «народность», чего явно не было. Принятием на вооружение доктрины о немотивированном признании облегчался отход от установившейся практики признания, достигалось беспрепятственное признание вновь созданных диктаторских режимов Латинской Америки, на которые можно было опереться в борьбе с революционным движением народных масс.

Правда, доктрина Эстрады категорически осуждает использование непризнания в качестве оружия одного государства в борьбе против другого, т. е. то, что обычно делают США в отношении малых и слабых стран Латинской Америки.

В тех случаях, когда речь идет об использовании непризнания против демократического, подлинно народного правительства, это абсолютно верно и не вызывает сомнений. Однако как следует оценивать непризнание

в том случае, если речь идет о существовании антидемократического реакционного правительства? Сама Мексика не признала правительство Франко в Испании и признала республиканское испанское правительство в изгнании в 1942 году.

В этих случаях непризнание такого правительства и последствия непризнания имеют большое значение в политической, дипломатической, да и экономической жизни народов. И вряд ли целесообразно отрицать за демократическими государствами в их борьбе за торжество принципов мира и мирного сосуществования роль такого оружия, как непризнание. Кроме того, разве можно лишить государство права вести идеологическую борьбу, доказывая справедливость своих акций при непризнании нового правительства? Очевидно, что нельзя.

Однако, подчеркивая характер доктрины Эстрады в зависимости от того, служит ли она признанию реакционного или демократического правительства, следует вместе с тем отметить, что, как и всякая доктрина, она имеет типические черты, дающие возможность оценивать ее в целом и принципиально. С этой точки зрения надо отметить, что в целом доктрину Эстрады характеризует известный демократизм, ибо отсутствие заявлений государства, ставящих его в роль судьи в отношении внутренних дел признаваемого государства, полностью соответствует принципу невмешательства.

Надо иметь в виду, что все зависит от конкретной обстановки и того правительства, которому дается признание. Даже доктрина Эстрады с ее демократическим духом может служить реакционной цели, если, опираясь на нее, немедленно устанавливать дипломатические отношения с антинародными правительствами.

Вместе с тем в дальнейшем само правительство Мексики подчеркивало, что доктрина Эстрады не озна-

чает автоматического признания любого правительства и что ее содержанием является принцип невмешательства. «Эта доктрина,— говорится в телеграмме министра иностранных дел Мексики мексиканскому посольству в Аргентине от 19 февраля 1948 г.,— не обязывает к автоматическому признанию фактических правительств, как это обычно думают; в ее основе лежит принцип невмешательства во внутренние дела»¹.

И хотя Роннинг считает, что теперь в странах Латинской Америки «родилась новая элита», которая требует «переоценки норм международного права»², дело не в элите и дело не в переоценке норм международного права. Речь идет о том, что народы Латинской Америки требуют соблюдения общепризнанных, а не «панамериканских» норм международного права, и, видимо, приближается час, когда и в странах Латинской Америки будет сказана историческая фраза Октябрьской революции: «Караул устал, надо кончать»³.

Латиноамериканские народы требуют новых, демократических правил международных отношений, гарантирующих их от империалистического произвола, какими бы реакционными доктринами этот произвол ни прикрывался.

¹ C. Sepulveda, op. cit., p. 61.

² C. Ronning, op. cit., pp. 157—158.

³ Имеется в виду историческая фраза, сказанная матросом А. Г. Железняковым, ожидавшим окончания заседания Учредительного Собрания России 6 января 1918 г.

РЕАКЦИОННЫЕ ДОКТРИНЫ ПРИЗНАНИЯ НОВЫХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 18. Доктрина президента США Руттерфорда Хэя —
требование соблюдения латиноамериканскими
правительствами договоров с США

С конца XIX века в период президентства Руттерфорда Хэя США стали требовать от латиноамериканских правительств верности международным договорам, имея в виду под таковыми договоры с США независимо от степени их равноправия.

Первое отступление США от доктрины и провозглашенной Джефферсоном практики признания новых фактических правительств Латинской Америки без каких-либо условий имело место уже в период гражданской войны Севера с Югом. В октябре 1865 года государственный департамент дал указание своему послу, аккредитованному при перуанском правительстве, воздержаться от признания вновь возникшего насильственным путем правительства.

В письме и. о. государственного секретаря Хантера от 10 октября 1865 г. посол США в Перу инструктировался следующим образом:

«Соединенные Штаты медлительны в признании революционных правительств и, если Вы найдете рево-

люционную партию у власти в столице Перу по Вашем прибытии туда, Вы доложите факты настоящему Департаменту и будете ждать его дальнейших инструкций, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в направлении его признания настоящим Правительством»¹.

Когда в соответствии с общепринятой практикой США посол Хоуэй попросил разрешения на вручение своих верительных грамот главе нового правительства Перу генералу Прадо, он получил 8 марта 1866 г. указание от государственного секретаря Сьюарда воздержаться от признания правительства Прадо. В конце инструкции говорилось: «Правительство Соединенных Штатов придерживается принципа, что революции в республиканских государствах не должны приниматься, пока народ не оформил их органическим законом с торжественностью, которая казалась бы достаточной, чтобы гарантировать их стабильность и постоянство. Это является результатом размышления о наших собственных национальных испытаниях»².

Такое отклонение от традиционно принятой Соединенными Штатами политики признания объяснялось тем, что США только что закончили гражданскую войну 1861—1864 гг., во время которой государственная власть оспаривалась вновь возникшим сепаратистским правительством конфедерации.

Известно, что Соединенные Штаты энергично протестовали против признания независимости этого правительства со стороны Англии, Франции и Испании. Именно этим и объясняется новая политика в отношении предоставления признания вновь возникающим насильственным способом правительствам в других странах.

¹ «Papers...», *op. cit.*, part. II, 1867, p. 617.

² *Ibid.*, p. 630.

Однако этот этап отклонения от установившихся критериев признания фактических правительств длился недолго. Из переписки между государственным секретарем Сьюардом и послом США в Перу Хоуэем видно, что последний убедительно доказывал нецелесообразность ожидания, пока перуанский народ одобрит изменение правительства «органическим законом».

Уже 21 апреля 1866 г. Сьюард инструктировал Хоуэя предоставить признание перуанскому правительству. В дальнейшем США снова стали придерживаться того критерия, что всякое фактически находящееся у власти правительство является законным правительством, имеющим право на признание.

В своем ежегодном послании конгрессу 3 декабря 1877 г. Хэй писал: «Обычаем Соединенных Штатов являлось, когда до сих пор происходили такие (революционные) изменения правительства в Мексике, признавать и вступать в официальные отношения с правительством де-факто, как только становилось очевидным, что оно пользуется одобрением мексиканского народа и намерено следовать обязательствам договоров»¹.

Тем самым Соединенные Штаты обосновали возможность не предоставлять признание вновь возникшему правительству, хотя бы оно и являлось фактическим правительством, созданным в соответствии с волей нации, если, по мнению США, это правительство не соблюдало или не имело намерения соблюдать договорные обязательства. В последующем указанное требование стало основным при решении вопроса о признании латиноамериканских правительств.

Новая доктрина была применена США в 1877 году при признании правительства Порфирио Диаса в Мек-

¹ J. Moore, *op. cit.*, vol. 1, p. 148.

сике. Президент Хэй потребовал от этого правительства соблюдения ранее заключенных неравноправных договоров с США в качестве предпосылки его официального признания.

Неуманн констатирует, что «североамериканская практика отошла от доктрины Джефферсона, несмотря на заявление об обратном. Тщательный анализ показывает, что формула Джефферсона явилась не чем иным, как декларацией невмешательства в вопросы изменения режима и желанием продолжать дипломатические отношения, каковы бы ни были эти изменения. Она соответствовала рудиментарному этапу в североамериканской дипломатии»¹.

Однако некоторые американские ученые пытаются смазать различие в политике США на разных стадиях капиталистического развития, говоря, что дополнение критерия Джефферсона требованием способности и желания выполнять международные обязательства было необходимо, так как в конце XIX века требование народного волеизъявления не имело якобы реального значения².

Но дело, конечно, не в этом. Тезис о соблюдении международного права в принципе правилен, и возражать против него невозможно. Однако выдвижение в качестве предварительного условия требования о соблюдении международных неравноправных обязательств недопустимо.

Дипломатические отношения между правительствами должны устанавливаться независимо от подобных требований. Новое правительство, если, конечно, оно не

¹ W. Neumann, *Recognition of Governments in the Americas*, Washington, 1947, p. 51.

² A. V. and A. J. Thomas, *Non-Intervention (Law and Its Imports in the Americas)*, Dallas, 1956, p. 247.

является марионеткой, пришедшей к власти с помощью иностранной державы, должно быть признано. В случае же, если при признании правительства не соблюдены международноправовые нормы, автоматически наступает ответственность нарушителя в общепринятом порядке.

Изменение в политике признания новых правительств Латинской Америки со стороны США определялось экономическими причинами, ростом экспансии американских монополий. Роннинг правильно отмечает, что по иронии судьбы именно экономическая экспансия США бросила вызов этой американской доктрине. Став великой державой, США были заинтересованы в контроле над латиноамериканскими странами и начали принимать меры к тому, чтобы каждое новое латиноамериканское правительство надлежащим образом относилось к их инвестициям. По его мнению, непризнание было одним из наиболее «мягких» способов давления. Таким образом, к концу XIX века США в проводимой ими политике признания руководствовались способностью для нового правительства выполнять свои обязательства перед США, а в середине века принимались во внимание уже не только способность, но и желание правительства сообразоваться с этими обязательствами¹.

Реакционность выдвинутого США требования выполнения международных договорных обязательств каждым новым правительством в качестве условия признания состоит в том, что:

во-первых, оно мешает освобождению латиноамериканских народов от явно неравноправных договоров, ставящих их в кабальную зависимость от США.

¹ C. Ronning, op. cit., pp. 9—10.

Соединенные Штаты навязали латиноамериканским странам неравноправные договорные соглашения о концессиях, низких таможенных пошлинах, квотах, военных базах, которые фактически предоставляли США односторонние привилегии и льготы. США хотели постоянно использовать их, несмотря ни на какую смену правительств в странах Латинской Америки;

во-вторых, оно препятствует признанию избранного при участии народа демократического правительства, желающего освободиться от неравноправных обязательств;

в-третьих, часто, одновременно с признанием и в качестве его предпосылки, США выставляли требование соблюдения новых международных обязательств, для чего было необходимо заключение нового соглашения, договора, займа. Причем желание нового латиноамериканского правительства выполнять эти «международные обязательства» США сделали основой критерия признания¹.

Элемент соблюдения международных обязательств не вносился Соединенными Штатами в критерий признания ранее, ибо латиноамериканские колонии вообще не имели международных договорных обязательств. Не было также смысла тормозить признание новых латиноамериканских государств или правительств, боровшихся за независимость от Испании и европейского влияния. Латиноамериканские государства тогда не были еще опутаны международными обязательствами со стороны Соединенных Штатов.

Именно начиная с 1889 года США развивают широкую экспансию в западном полушарии. Наиболее полно американский империализм проявляет себя в испано-

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», 1921, v. 11, p. 407.

американской войне 1898 года, во время которой, как это отметил В. И. Ленин, США «грабят Кубу и Филиппины»¹.

Спустя девять лет эти действия нашли свое новое идеологическое «оправдание» в доктрине Тобара.

§ 19. Доктрина министра иностранных дел
Эквадора Карлоса Тобара о непризнании
латиноамериканских правительств, возникших
из дворцовых переворотов или революций

15 марта 1907 г. может рассматриваться как начало следующего этапа в политике признания Соединенными Штатами латиноамериканских правительств, этапа, который характеризуется еще большей реакционностью.

В этот день в личном письме к консулу Боливии в Брюсселе бывший министр иностранных дел Эквадора Карлос Тобар высказал точку зрения, которая в дальнейшем была взята на вооружение Соединенными Штатами в их агрессивной внешней политике в Латинской Америке. Тобар высказался за допустимость и правомерность косвенного вмешательства американских государств в дела того американского государства, где идет междоусобная распря. Такое вмешательство, по его мнению, могло заключаться по крайней мере в непризнании фактических правительств, пришедших к власти в нарушение конституции. В своем письме, написанном в высокопарном стиле, Тобар, показывая ужасы международной войны, вместе с тем утверждает, что еще более ужасна война гражданская.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 28, стр. 669.

Чтобы «положить конец несчастным революциям испано-американских республик», он рекомендовал принять следующий проект международной конвенции: «Американские республики для своей доброй славы и своего доверия, кроме других гуманитарных и «альтруистических» соображений, должны вмешиваться косвенным образом в междоусобные распри республик материка. Это вмешательство могло бы состоять по крайней мере в отказе признать фактические правительства, возникшие благодаря революциям против конституции»¹.

Обосновывая право косвенной интервенции во внутренние дела американского государства, Тобар отмечал, что «согласованное вмешательство» не является вмешательством, ссылаясь при этом на такие авторитеты буржуазной науки международного права своего времени, как Ваттель, Уитон, Мартенс, Гефтер, Блюнчли, которые, являясь сторонниками невмешательства, вместе с тем допускали некоторые аналогичные предлагаемому им исключения из этого принципа.

Тобар ссылался также на таких откровенных сторонников интервенции, как Ривье, маркиз д'Оливар, Странкт, а также на Фиоре, Пиерантони и Карнаца-Амари, допускавших коллективное вмешательство.

По вопросу о сущности доктрины Тобара высказаны две различные оценки — одна положительная (меньшинством), другая крайне отрицательная (подавляющим большинством).

Некоторые исследователи считают, что доктрина Тобара имела целью предотвратить европейское вмешательство в политическую жизнь Латинской Америки и в дворцовые перевороты. Они полагают, что указанная доктрина предлагала меньшее зло, т. е. внутриконтинен-

¹ «Revue Général de droit international publique», Paris, 1914, t. XXI, pp. 482—485.

тальное коллективное вмешательство, для того чтобы избежать большего зла — вмешательства извне. Такова была, например, точка зрения известного мексиканского дипломата Фабелы¹. Но, как правильно указывает Сепульведа, подобные толкователи доктрины Тобара подходят и к признанию правомерности требования «конституционной легитимности», т. е. соответствия правительства страны ее конституции².

А. В. Томас и А. Дж. Томас также заявляют, что Тобар якобы предлагал интервенцию в демократических целях. При этом, однако, они вынуждены констатировать, что заявление Тобара «встретило холодный прием»³. А между тем такой «холодный прием» является не случайным. Дело в том, что доктрина Тобара, несмотря на псевдодемократическую фразеологию, по сути дела оправдывала вмешательство иностранных держав во внутренние дела того или иного латиноамериканского государства. При этом не имеет никакого значения, санкционировала ли она вмешательство держав, принадлежащих к западному полушарию, или нет. Вмешательство остается всегда вмешательством, откуда бы оно ни исходило.

Утверждение о том, что доктрина Тобара преследовала демократические цели, основано на ложной посылке. Во-первых, приход правительства к власти в порядке, предусмотренном конституцией, еще не означает демократии, так как сама конституция может быть реакционной. Во-вторых, вопрос о внутренней организации власти того или иного латиноамериканского государства ставился на усмотрение иностранных держав.

¹ I. Fabela, *Intervention, Mexico*, 1958.

² C. Sepulveda, *op. cit.*, p. 51.

³ A. V. Thomas and A. J. Thomas, *op. cit.*, p. 362.

Именно как реакционную восприняли доктрину Тобара латиноамериканские страны. Сепульведа подчеркивает, что «эта формула представляла собой возврат к европейской теории легитимности»¹. Чилийский ученый Р. Бельо указывает, что доктрина Тобара «благоприятствовала деспотическим правительствам». Колумбиец И. Иепес говорит, что доктрина Тобара отрицает за народом право избирать свое правительство и передает это право в руки иностранцев. Государственный деятель Парагвая И. Арбо отмечает, что доктрина Тобара создавала легкий и часто использовавшийся предлог для интервенции. Наконец, П. Коста подчеркивает, что эта доктрина является «обманом».

Несмотря на «обоснование» Тобаром права на вмешательство гуманными соображениями и отстаивание им необходимости непризнания фактических правительств, его предложение носило определенно реакционный характер, ибо вмешательство во внутренние дела иностранного государства противоречит основным принципам международного права и поэтому должно быть отвергнуто. Кроме того, предлагаемое Тобаром вмешательство, будучи направлено против «фактических правительств, возникших благодаря революции», тем самым ставит под запрет не только дворцовые перевороты и «игрушечные восстания», но и классовую революцию. В корне неверны также и взгляды Тобара на гражданскую войну.

Войны в капиталистическом мире ведутся государствами для расширения своих территориальных владений или для их сохранения ради выгоды ничтожной кучки эксплуататоров.

В. И. Ленин писал, что осуждения и проклятия абсолютно бессильны остановить партизанскую и граждан-

¹ С. Sepulveda, op. cit, p. 51.

скую войну, вызванную глубокими экономическими и политическими причинами.

«Считать *вообще* - аномальной и деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист *обязан* стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма»¹.

Отсюда ясно, что высказывания Тобара о гражданской войне преследуют классовую цель, его пацифизм реакционен. Он направлен на защиту эксплуататоров от гнева эксплуатируемых.

После всего сказанного легко понять, почему «в целом нет ни одного латиноамериканца, который бы не критиковал по тем или иным основаниям доктрину Тобара и системы признания, установленные Конвенциями 1907 и 1923 годов»².

§ 20. Доктрина президента США Вудро Вильсона — требование соблюдения конституционной преемственности

Наиболее реакционное применение критерий Тобара получил в период президентства Вудро Вильсона. Вильсон делал все от него зависящее для того, чтобы воспре-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 8.

² С. Serulveda, op. cit., p. 55.

пятствовать не столько государственным переворотам, сколько революционным движениям в странах Латинской и особенно Центральной Америки. При этом Вильсон для сокрытия истинных антидемократических целей американского капитала широко использовал псевдodemократические лозунги. Недаром В. И. Ленин обращал внимание на лицемерные фразы Вильсона и «вильсонов» о «демократии»¹. Реакционные принципы, изложенные в центральноамериканской Конвенции 1907 года, Вильсон старался распространить на все латиноамериканские страны. Политика Вильсона усиливала реакционность доктрины Тобара. Это отчетливо видно из декларации Вильсона о политике США в отношении стран Латинской Америки от 11 марта 1913 г., а также из меморандума государственного секретаря США Ади от 28 марта 1913 г.

В декларации Вильсона говорилось: «Мы остаемся особенными друзьями тех, кто сумеет держаться в рамках конституционной законности»².

В меморандуме государственного секретаря Соединенных Штатов Ади содержится критерий, который по существу совмещает несколько требований. Ади заявил, что признание должно предоставляться, если правительство осуществляет контроль над административной машиной государства; пользуется общим повиновением народа; имеет способность и желание выполнять международные договорные и обычные обязательства³.

Каждый из указанных элементов, предъявляемых в случаях признания нового правительства,— это результат стремления американских монополий и правитель-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 305.

² «Revue Générale de droit international publique», Paris, 1914, t. XXI, pp. 464—465.

³ «Foreign Affairs» 1931, v. 9, № 2, pp. 266—267.

ства США использовать институт признания с наибольшей для себя выгодой.

Циркулярная инструкция дипломатическим миссиям США от 24 ноября 1913 г. прямо подчеркивала, что Соединенные Штаты всеми силами должны стремиться к устранению так называемых «неконституционных» правительств Латинской Америки. Поэтому «цель Соединенных Штатов — дискредитировать и нанести поражение таким узурпациям, где бы они ни случились», — говорилось в Инструкции. «Их твердо установившимся намерением является нетерпимость к указанным нарушениям гражданского порядка, поскольку это их касается»¹.

Реакционная сущность политики президента Вильсона, грубо подавлявшего латиноамериканские страны, общеизвестна. Об этом вынуждены прямо говорить даже многие американские исследователи. Вот что, например, пишет К. Билс: «В тот самый момент, когда Вудро Вильсон провозглашал свою великодушную концепцию прав малых наций, он был занят по стратегическим, финансовым и банковским причинам наступлением на горло Кубы, Гаити, Доминиканской Республики и Никарагуа. Американская морская пехота расстреливала наших «добрых соседей». Американские канонерки блокировали Сальвадор потому, что он предпочитал оставаться нейтральным. Поведение Вильсона... показало, что он считал малые нации Карибской и Центральной Америки неприятными, неспособными и не стоящими свободы»².

Под маской защиты «конституционности» Соединенные Штаты получили возможность проводить в центральноамериканских государствах принцип так называе-

¹ G. Hackworth, op. cit., vol. 1, pp. 181—182.

² C. Beals, Pan America, Boston, 1940, p. 111.

мой «легитимности» новых правительств. Американский исследователь Эдвин Дикинсон сравнивает политику США в этом вопросе с политикой «Священного союза». «Странный парадокс, в самом деле, что привидению «Священного союза» разрешалось беспрепятственно разгуливать в стране, которая столько сделала немногим более столетия тому назад, чтобы расстроить не святые амбиции Союза»¹. Совершенно ясно, что США проводили в западном полушарии ту же самую реакционную политику, какую проводил в Европе «Священный союз».

Единственное различие между этими двумя понятиями состояло в том, что во времена легитимности нужна была династическая наследственность, а во времена Вильсона было установлено требование конституционной преемственности.

Политика диктатов и ультиматумов по отношению к новому правительству Латинской Америки — вот что характерно для президентства Вильсона. В августе 1913 года по его указанию посол Джон Линд был направлен в Мексику для того, чтобы обеспечить отставку Уэрты. Линд предложил провести специальные выборы, во время которых Уэрта лишился бы права выставить свою кандидатуру. За это Мексике был обещан американский заем. Однако Уэрта отказался от таких предложений. Тогда Вильсон открыл дорогу гражданской войне, сняв в феврале 1914 года запрет на продажу оружия в Мексику.

Государственный секретарь Брайан заявил в 1914 году правительству Гаити во главе с Д. Теодором, что США признают его, если оно подпишет конвенцию о военно-морской базе, а также о ряде финансовых вопро-

¹ «Congressional Digest», October, 1933, vol. XII, № 10, p. 248.

сов, предусматривавшую, в частности, право США осуществлять контроль над таможнями Гаити.

Д. Теодор отказался от конвенции о таможнях и, не будучи признанным, был в феврале 1915 года свергнут.

В ответ на требование США в 1921 году выплатить им так называемую «справедливую» компенсацию за конфискацию нефтяной собственности мексиканский президент Обрегон заявил, что его правительство не желает вносить плату за признание и примет признание только на равной основе, без ущерба для национального достоинства и суверенитета¹.

Однако само правительство Вильсона не всегда последовательно проводило свои установки. В качестве примера можно указать на признание им неконституционного диктаторского правительства Перу.

Сепульведа высказывает совершенно правильное мнение, что применение доктрины Вильсона имело следствием «растущую враждебность к США и непопулярность Вильсона в Латинской Америке. В ходе осуществления этой доктрины было доказано, что непризнание правительств по мотивам нелегитимности происхождения не являлось и не могло быть принципом международного права».

Сепульведа иронически замечает, что доктрина Вильсона имела «то достоинство, что вызвала к жизни оппозиционные доктрины и последующую реакцию, которые сделали немощной североамериканскую практику признания, основанную на правиле эффективности и выполнения международных обязательств»².

В этой связи нельзя согласиться с утверждением А. В. и А. Дж. Томасов о том, что между джефферсонов-

¹ W. Neumann, *op. cit.*, p. 11.

² C. Sepúlveda, *op. cit.*, p. 58.

ским критерием и критерием Вильсона нет особой разницы¹.

Джефферсон установил автоматичность признания, не обставленную никакими условиями, и не использовал признание в качестве орудия вмешательства, оставив вопрос о смене и замене правительства на усмотрение самих латиноамериканских народов.

Доктрина же Вильсона использовала признание в качестве инструмента для формирования угодных США правительств стран Латинской Америки, для содействия утверждению реакционных правительств и конституций.

Насквозь апологетичным выглядит утверждение американских авторов о том, что вера президента Вильсона в демократию приводила его к интервенции². Вильсон вмешивался в дела стран Латинской Америки не потому, что он «верил в демократию», а потому, что он ее отрицал и заменял верой в североамериканский капитал.

§ 21. Доктрина государственного секретаря США
Генри Стимсона — требование стабильности
латиноамериканских правительств и соблюдения ими
договоров с США

После Октябрьской революции политика прямой и неприкрытой интервенции в латиноамериканские страны и в формирование их правительств стала встречать все большее сопротивление со стороны латиноамериканских народов.

В связи с мировым экономическим кризисом 1929 года в ряде латиноамериканских стран происходят все-

¹ A. V. Thomas and A. J. Thomas, op. cit., pp. 248—249.

² Ibid., p. 53.

общие забастовки и революционные выступления трудящихся. Господствующие классы прибегают к государственным переворотам, стремясь создать правительства «сильной руки». Хотя новые правительства в Боливии, Аргентине, Перу, Бразилии отличались крайней реакционностью, тем не менее или вернее именно в силу этого США предоставляли им признание без особых затруднений, сократив до минимума требования к признаваемым правительствам.

17 сентября 1930 г. Соединенные Штаты формально подтвердили свою приверженность критерию автоматического признания правительств стран Южной Америки, независимо от конституционности их происхождения. Соответствующие указания об этом имеются в заявлении государственного департамента США.

При предоставлении признания правительствам Аргентины, Перу, Боливии государственный секретарь говорил, что США якобы не отступают от традиционной политики признания, начатой еще Джефферсоном. «Действуя в отношении этих трех правительств, которые мы завтра признаем, мы следуем обычным правилам международного права и обычной политике, которая характеризовала нашу страну еще с тех пор, как первый государственный секретарь господин Джефферсон в правительстве президента Вашингтона провозгласил ее»¹, — заявлял Стимсон.

На самом же деле критерий, выдвинутый при признании этих фактических правительств Аргентины, Перу и Боливии, был весьма далек от критерия Джефферсона.

Этот критерий признания, выдвинутый США, следующим образом изложен в заявлении Стимсона: «При принятии решения предоставить признание указанным трем правительствам доказательства убедили меня в

¹ «Papers...», 1930. v. 1, pp. 387—389.

том, что эти временные правительства фактически контролируют свои соответствующие страны и что их правлению нет активного сопротивления.

Каждое из нынешних правительств выразило намерение выполнять соответствующие международные обязательства и провести в должном порядке выборы, для того чтобы урегулировать свое положение»¹.

Отличие этого критерия от критерия Джефферсона существенно. Новые правительства признаются США не потому, что они созданы волей нации или избраны народом, а потому, что «их управлению нет активного сопротивления» народа. В этом случае даже требование стабильности режимов отбрасывается. Признаются они тотчас же. Для их признания оказываются достаточными не выборы, а обещания провести выборы в будущем. Лаутерпахт называет это «предоставлением признания в обмен на обещание представить доказательство народного согласия»².

Начиная с 1931 года Соединенные Штаты по целому ряду причин отказываются от применения критерия легитимности и в странах Центральной Америки. Это было ясно изложено в заявлении государственного секретаря США Стимсона, указавшего, что, предоставляя признание, Соединенные Штаты основывают этот акт «не на вопросе о конституционной легитимности нового правительства, но на его фактической способности выполнять свои обязательства в качестве члена семьи наций.

Наша страна признала право других наций регулировать свои собственные внутренние дела управления и отказались от каких-либо попыток основывать

¹ «Papers...», 1930, v. 1, pp. 387—389.

² «Columbia Law Review», November, 1945, № 6, p. 857.

свое признание на конституционности их прихода к власти»¹.

Заявление Стимсона в корне было отлично от той политики признания лишь конституционных правительств, которую провозгласил в отношении государств Центральной Америки и проводил в отношении всей Латинской Америки Вудро Вильсон.

Оно означало отказ США от принципа признания лишь конституционных правительств и переход к признанию фактических правительств в случае их желания выполнять свои международные обязательства перед США. Этот отказ был выдвинут Соединенными Штатами еще 17 сентября 1930 г., когда они признали ряд фактических, реакционных режимов Южной Америки.

Заявление Стимсона означало отказ от доктрины Вильсона. Но оно не явилось восстановлением критерия Джефферсона в его прежнем виде. Устанавливая автоматичность признания всякого правительства, созданного в соответствии с волей нации, Джефферсон ничего не говорил о соблюдении им международных обязательств в качестве составного элемента критерия признания. Между тем это условие доминирует в доктрине Стимсона и является решающим для признания Соединенными Штатами нового правительства.

По критерию Джефферсона, всякое созданное нацией правительство должно признаваться. По доктрине Стимсона, всякое правительство (даже не созданное или не избранное народом) признается, если оно фактически способно выполнять по отношению к США свои договорные обязательства. Ясно, что это не одно и то же. Фактические правительства, пришедшие к власти в

¹ «AJIL», April, 1931, v. 25, № 2, p. 302.

ряде латиноамериканских стран в результате государственных переворотов, связанных с мировым экономическим кризисом 1929 года, были антинародны. США не имели возможности в это время предпринять интервенцию и обеспечить выгодные для себя выборы. Да в этом и не было необходимости. Правительства «сильной руки», вызванные к жизни латиноамериканской буржуазией и помещиками, напуганными движением народных масс, вполне устраивали Соединенные Штаты.

Поэтому-то США и считали возможным пойти на отказ от критерия конституционности, как составной части обанкротившейся латиноамериканской политики президента Вильсона.

В заявлении для печати по поводу признания новых фактических правительств Аргентины, Перу и Боливии Стимсон недвусмысленно сказал: «Я считал целесообразным действовать в этом вопросе быстро для того, чтобы в нынешнем экономическом положении наше промедление не могло бы взбудоражить народ этих дружественных стран в восстановлении их нормальных взаимоотношений с остальной частью мира»¹.

В заключение можно отметить, что критерий стабильности тоже является надуманным и не выдерживает критики. Стабильность и фактическая устойчивость нового правительства не могут быть подходящим условием международного признания, ибо все новые правительства, созданные не только в результате дворцового переворота, но подчас и революционного переворота, являются неустойчивыми (в силу новизны для них дела государственного управления, слома старой и создания новой государственной машины, мощи национальной и международной буржуазии, их традиционных связей).

¹ «Papers », 1930, vol. 1, Washington, 1945, p. 388.

Новое правительство как раз и нуждается в укреплении своей позиции, в частности, посредством установления нормальных дипломатических отношений.

Конечно, для самого нового правительства, как и для всякого правительства, элемент стабильности является жизненно важным. Иностранные государства могут учитывать этот момент при установлении дипломатических отношений, однако использование этого вопроса для заявлений о признании и непризнании является недопустимым, ущемляющим, в частности, престиж, ставящим иностранные правительства в положение арбитров.

Эти действия не приобретают законного и справедливого характера, хотя бы они и были облечены в международную договорную форму.

§ 22. Доктрина министра иностранных дел
Уругвая Эдуардо Ларреты о допустимости
вмешательства в дела правительств стран
Латинской Америки

24 ноября 1945 г. министр иностранных дел Уругвая Эдуардо Ларрета разослал всем американским государствам ноту с предложением коллективной интервенции против того государства, правительство которого виновно в «заведомом и повторяющемся нарушении международных обязательств» и «элементарных прав человека и гражданина».

Несколько позднее, в марте 1947 года, Ларрета предложил коллективно вмешаться во внутренние дела Парагвая, где в это время шла гражданская война. Но этот призыв остался безответным.

Что касается ноты Ларреты, то 13 латиноамериканских правительств ответили на нее отрицательно и 8 по-

ложительно. Практически, таким образом, доктрина Ларреты не была принята официально латиноамериканскими государствами.

Каковы же доводы «за» и «против» доктрины Ларреты, высказанные в теории и практике межамериканских отношений?

Возражавшие латиноамериканские правительства указывали, что трудно определить, является ли правительство демократическим или нет, так как одни акции правительства могут быть демократическими, а другие — недемократическими. В частности, можно сомневаться в том, что понятие «демократия» является единым, идеальным, а также вызывает сомнение, живет ли вообще какой-либо народ так называемого «свободного мира» в условиях демократии.

Кроме того, приводился довод о том, что иногда правительство может прийти к власти революционным путем, но без демократических выборов и тем не менее оно будет отражать волю своего народа. Вместе с тем в Латинской Америке существуют самые настоящие диктаторские режимы, которые пришли к власти конституционным путем и утвердили себя при помощи выборов.

Весьма показательна реакция на предложение Ларреты со стороны Соединенных Штатов Америки. Уже 27 ноября 1945 г. государственный секретарь США Джеймс Бернс официально поддержал ноту Ларреты¹, но в апреле 1946 года заявил, что США возвращаются к своей межвоенной политике признания без консультации с другими странами и с учетом единственного факта, а именно — эффективного контроля правительства над территорией своего государства².

¹ «DSB», December 2, 1945, p. 406.

² A. V. Thomas and A. J. Thomas, *op. cit.*, p. 254.

Это и понятно, так как доктрина Ларреты распахивала ворота для североамериканской интервенции во внутренние дела латиноамериканских государств под предлогом защиты «прав человека» и «охраны демократии». Поэтому США пришлось учесть, что подавляющее большинство латиноамериканских правительств выступает против нового покушения на их суверенитет и принцип невмешательства. Кроме того, США стремились сохранить себе свободу рук в вопросе признания или непризнания новых латиноамериканских правительств.

Любопытно отметить, что доктрина Ларреты была энергично раскритикована испанским юристом Треллерсом, так как речь шла о защите граждан от своего же правительства, ибо фашистский режим Франко очень опасался реальной коллективной акции против испанского правительства. Однако надо отметить, что вопрос о вмешательстве группы стран в дела государства даже по мотивам защиты демократии и принципов международного права является очень деликатным, особенно если учесть, что он ставился в обход ООН, Совета Безопасности и других организаций, призванных в строго определенных рамках и случаях совершать действия, которые не могут рассматриваться как вмешательство и являются санкциями.

Поэтому доктрина Ларреты, объективно дающая возможность использования ее американскими монополиями и милитаристами для интервенции, является опасной и реакционной. Именно так и была она расценена в нашей печати¹.

Надо подчеркнуть, что доктрина Ларреты была рассчитана на вмешательство в дела латиноамериканских государств и оставила в стороне США, а между тем

¹ Ф. И. Кожевников, Советское государство и международное право, М., 1948, стр. 133.

права человека широко нарушаются в США, о чем свидетельствует хорошо известное бесправное положение 20 млн. негров, а также загнанных в резервации мексиканцев, пуэрториканцев и др.

Однако во всех комментариях доктрины речь шла о нарушениях прав человека в латиноамериканских странах и ни разу не поднимался вопрос о правах человека в США.

Доктрина Ларреты «справедливо рассматривается как продолжение, развитие и усиление доктрины Тобара, ибо она трактует об ostracism обвиняемого правительства и умножает акцию непризнания правительства на акцию его свержения посредством вмешательства извне, о чем, в частности, свидетельствует предложение Ларреты вмешаться в гражданскую войну в Парагвае»¹.

После окончания второй мировой войны подъем национально-освободительного движения народов Латинской Америки не позволил США воспользоваться доктриной Ларреты, как это в свое время было сделано с доктриной Тобара.

§ 23. Доктрина помощника государственного секретаря США Томаса Манна об автоматическом признании и поддержке военно-диктаторских правительств Латинской Америки

Смысл своей доктрины Томас Манн передает так: «Я прагматик, а не догматик»².

¹ A. V. Thomas and A. J. Thomas, op. cit., p. 363.

² «Time», January 31, 1964, p. 9.

Новая обстановка в мире привела США к необходимости заново переоценить свою политику в вопросах признания новых правительств Латинской Америки.

На современном этапе США гораздо удобнее держиваться признания фактических правительств, независимо от способа их прихода к власти, чтобы самим при помощи широкой системы экономических, политических, дипломатических и военных мер приводить к власти удобные им правительства.

Весной 1964 года в этой связи и была выдвинута доктрина Томаса Манна, суть которой сводится к открытой и активной поддержке латиноамериканских диктаторов. Доктрина устанавливает, что отныне США не должны проводить различия между демократическими и диктаторскими правительствами в Латинской Америке.

Впоследствии содержание этой доктрины было изложено в Бюллетене государственного департамента США от 29 июня 1964 г. под громким названием: «Демократический идеал в нашей политике по отношению к Латинской Америке».

«Односторонняя интервенция,— говорит Манн,— не служит ни делу демократии, ни национальным интересам США». Она вызывала контрдоктрины латиноамериканских стран, которые, по словам Манна, «были шиты по США» и имели своей целью покопчить с американской интервенцией. Суть доктрины в том, что не надо вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран, не надо пытаться восстанавливать законные конституционные правительства, свергнутые в результате военных дворцовых переворотов, ибо, во-первых, это было бы вмешательством США во внутренние дела латиноамериканских стран, во-вторых, не всякое конституционное правительство является хорошим и не

всякое военное правительство, возникшее в результате дворцового переворота, является плохим.

Свое кредо Манн изложил в следующем виде. Признание должно предоставляться с учетом международного права (под которым имеется в виду «американское международное право») и высших национальных интересов США, что опять превращает признание в инструмент политики США.

Фактические правительства, считает Манн, могут быть «различными», и поэтому одно из них должно быть признано, другое — нет. Иными словами, Манн провозгласил отход от начавшей уже складываться политики автоматического признания фактических правительств в соответствии с резолюцией XXXV 1948 года, принятой межамериканской конференцией в Боготе.

Манн пишет, что «в каждом случае, когда правительство свергнуто силой, должно иметь место тщательное беспристрастное изучение каждой ситуации... так, чтобы решение, касающееся признания, торговли, помощи и других относящихся сюда вопросов, было принято в соответствии с нашими идеями, с международным правом и с нашими высшими национальными интересами. Делая это, особое внимание следует уделять тому факту, что не только каждая американская республика отличается от всех других, но и тому, что каждое фактическое правительство тоже отличается по своим целям, по своим мотивам, по своей политике и по тем проблемам, с которыми оно сталкивается»¹.

«Если,—пишет Манн,—в результате такой оценки принято решение не признавать режим, а это может иметь место в будущем, как это случалось в прошлом, то при этом должно делаться ясное заявление о том,

¹ «DSB», June 29, 1964, p. 1000.

что непризнание основано целиком на факте несоблюдения со стороны другого правительства установленных правил международного поведения»¹.

Иными словами, в этом пункте выступления Манна содержится указание на необходимость требовать от всякого нового правительства соблюдения его международных обязательств, т. е. прямо подчеркивается необходимость сохранения условного признания.

В случаях, «когда принимается решение признать существующий режим, должно быть ясно сказано о том, что по международному праву признание не означает одобрения США внутренней политики и практики признаваемого правительства»².

Такого рода оговорка потребовалась Манну по вполне понятным причинам, ибо в целом ряде случаев речь практически идет о признании крайне реакционных антидемократических правительств, и американская дипломатия считает целесообразным отмежеваться от упрека мирового общественного мнения в связях, помощи и поддержке этих правительств.

В заключение автор доктрины заявляет: «Мы должны продолжать нашу установившуюся практику консультаций с другими американскими республиками в тех случаях, когда возникает вопрос о признании.

Наконец, пусть не будет ошибочного мнения по поводу нашей постоянной и полной преданности принципам человеческого достоинства и свободы индивида»³.

Все это означает, что США, которые не могут не считаться с резким падением их престижа в Латинской Америке, вынуждены всячески маскировать свои дейст-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ «DSB», June 29, 1964, p. 1000.

вия и пытаются показать, что они идут на признание новых реакционных марионеточных правительств лишь только после соответствующих консультаций с правительствами латиноамериканских стран, хотя совершенно очевидно, что такая консультация является неопределенной. Обычно в заявлениях американской дипломатии не указывается, с кем консультировались США, какие точки зрения были высказаны по этому поводу. Надо иметь также в виду и то, что США консультируются с правительствами Латинской Америки, многие из которых прямо зависят от них.

Отсюда ясно, чего стоит заявление Манна об уважении прав и основных свобод человека, принципов, которые, по мысли Манна, подлежат толкованию в чисто американском плане и под которыми понимается достоинство капиталистов, монополистов, латифундистов, свобода концессий, сверхприбыли, эксплуатации и диктата североамериканских эмиссаров.

Реакционная доктрина Томаса Манна отражает новый поворот в сторону агрессивности в латиноамериканской политике США, делающих ставку на реакционную военщину как ударную силу контрреволюции. Это подтверждается заявлениями Джонсона, который, обращаясь к латиноамериканцам, заявил, что «мы (т. е. США.— М. Л.) будем продолжать объединяться с вами, для того чтобы содействовать демократии(!), до тех пор, пока мы не построим полушарие свободных государств от Огненной земли до Арктического круга»¹.

Прогрессивные силы Латинской Америки разоблачили крайне реакционный смысл доктрины Манна. Руководящие деятели коммунистических партий латиноамериканских стран отмечают, что «сегодня эта антиде-

¹ «DSB», June 29, 1964, p. 996.

мократическая политика янки приняла форму доктрины Манна, программы прямой и циничной поддержки государственных переворотов и реакционных диктатур»¹.

Столь же прямой поддержке государственных переворотов и реакционных диктатур служит резолюция палаты представителей конгресса США от 20 сентября 1965 г., одобряющая одностороннюю вооруженную интервенцию США в страны Латинской Америки под предлогом борьбы с «подрывной деятельностью коммунизма» и «внутренней агрессией»².

Как отмечает С. А. Гонионский, «доктрина Манна — это недвусмысленное и грозное предупреждение тем латиноамериканским правительствам, которые не хотят послушно следовать указаниям Вашингтона, это откровенное приглашение к реакционным переворотам»³.

Вместе с тем тот факт, что в политической и дипломатической области США отказываются от политики непризнания, объективно свидетельствует о том, что эта политика в современную эпоху в принципе является несостоятельной, терпит фиаско и должна быть отброшена. Это, однако, не означает отказа США и латиноамериканской олигархии от дворцовых переворотов, о чем свидетельствует и «доктрина Джонсона», отражающая усиление агрессивности политики американского империализма и его попытки возродить на современном этапе методы пресловутой «политики большой дубинки».

¹ «Проблемы мира и социализма» 1965 г. № 1, стр. 32.

² «Ninguna intervencion es tolerable», «Hoy» 23 de septiembre de 1965, p. 1.

³ «Литературная газета» 9 июля 1964 г.

§ 24. Доктрина президента США Линдона Джонсона о «недопущении» создания в западном полушарии еще одного коммунистического правительства

Выступая на XXIII съезде КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко дал следующую оценку многочисленным внешнеполитическим доктринам США:

«В Вашингтоне, как известно, некоторые деятели очень любят производить на свет внешнеполитические доктрины, просто выпекают их, как пироги в печке. Это, конечно, их дело, но было бы намного лучше, в том числе и для советско-американских отношений, если бы вместо множества доктрин была бы одна, да хорошая — доктрина мира, уважения прав народов, невмешательства во внутренние дела других государств»¹.

Эти слова в полной мере относятся и к доктрине, выдвинутой президентом США Линдоном Джонсоном в области признания новых правительств в странах Латинской Америки.

Сущность этой доктрины сводится к формуле, высказанной им 2 мая 1965 г. в период интервенции США в Доминиканской Республике. «Американские государства не могут допустить, не должны допустить и не допустят создания в западном полушарии еще одного коммунистического правительства», — заявил Джонсон².

Если в доктрине Манна акцент сделан на прямой поддержке реакционных дворцовых переворотов США и автоматическом признании военных диктаторских правительств, то суть доктрины Джонсона состоит в том, что она откровенно агрессивна, прямо и категорически подчеркивает «недопустимость» появления в Латинской Америке коммунистических правительств.

¹ «Правда» 30 апреля 1966 г.

² «DSB», May 17, 1965, p. 746.

Интервенционистская сущность этой доктрины очевидна¹. Перед широкими массами латиноамериканцев все более и более проявляется неоколониалистский курс правительства Джонсона.

§ 25. Признание де-факто и де-юре в практике США

Существовала целая историческая эпоха, когда считалось, что правительство должно иметь «*jure Divino*» — «божественное право».

По господствующей тогда идее существовали правительства, основанные на «божественном праве», и правительства, которые не основывались на нем. Правительство Оливера Кромвеля, пришедшее в Англии к власти в результате революции XVII века и низложенное после возвращения к власти в 1660 году королевской династии Стюартов, было отнесено ко второй категории, и именно поэтому оно рассматривалось как правительство де-факто, что позднее, на конституционном языке эпохи Наполеона являлось синонимом «нелегитимного правительства»².

Значительно позже выражение «де-факто» стало употребляться для обозначения узурпаторского правительства или такого правительства, которое пришло к власти, не обращаясь к конституционным методам, или находясь у власти вопреки действующему в стране праву.

В эпоху реставрации великие монархические державы на Венском конгрессе 1815 года установили, что правительства должны быть только «легитимными» и что

¹ О других аспектах доктрины Джонсона см. «Советское государство и право» 1965 г. № 9, стр. 64.

² C. Sepúlveda, op. cit., p. 13.

до признания их другими правительствами они не могут рассматриваться в качестве носителей суверенитета.

При помощи такого приема коронованные особы хотели пресечь революции.

В течение XIX века США, руководствуясь прогрессивным принципом Джефферсона, не делали различия между правительством «де-факто» и правительством «де-юре». Однако в эпоху империализма США фактически повторили политику «Священного Союза» в странах Латинской Америки.

В своей латиноамериканской практике Соединенные Штаты прибегали к официальному признанию новых правительств и в качестве правительства «де-юре» (т. е. «законно» существующего) и в качестве правительства «де-факто» (т. е. «фактически» существующего).

Причиной употребления Соединенными Штатами такого термина «де-факто» было стремление показать временность этого мероприятия, неполноту нормальных отношений, обеспечить возможность легкого аннулирования признания и тем самым продолжать оказывать давление на новое правительство, т. е. использовать вопрос о его признании с выгодой для США.

В специальном меморандуме помощника государственного секретаря США Ади перечислялись шесть способов предоставления официального признания:

1. Нотификация (извещение нотой) дипломатическим представителем США нового правительства о том, что он уполномочен вступить с ним в сношения.

2. Подтверждение получения президентом США письма, адресованного ему главой нового иностранного правительства с уведомлением о занятии должности.

3. Прием президентом Соединенных Штатов посла и его верительных грамот.

4. Прием президентом США старого дипломатиче-

ского агента данного государства, устно извещающего президента о смене правительства.

5. Формальная доставка послом США главе нового правительства письма президента США о признании или поздравительной резолюции конгресса.

6. Дополнение признания в качестве временного правительства формальным провозглашением признания, сделанное послом США¹.

В ряде случаев государственный департамент в переписке с дипломатическими представителями США в латиноамериканских странах требовал от них исключительной осторожности при сношениях с властями нового непризнанного правительства.

Так, 27 ноября 1920 г. поверенный в делах США в Мексике уведомил государственный департамент о том, что Министерство иностранных дел Мексики письменно пригласило глав дипломатических миссий на торжественный вечер, посвященный принятию генералом Обрегоном присяги в качестве конституционно избранного президента Мексики. Он инструктировался следующим образом: «Информируйте Министерство иностранных дел письменно, что, хотя Вы не имеете полномочий присутствовать при вступлении в должность Обрегона, Вы будете рады присутствовать в качестве частного лица»².

Даже салют военного корабля является предметом внутренней переписки государственного и военно-морского департаментов США. Соединенные Штаты опасались, как бы подача салюта с военного корабля США при входе в порт непризнанного латиноамериканского правительства не была истолкована как «подразумевающееся признание»³.

¹ G. Hackworth, op. cit., vol. 1, pp. 167-168.

² Ibid.

³ Ibid., p. 345.

Нередко вступая в фактические отношения с непризнанным правительством, США делали публичные заявления о его официальном непризнании. В октябре 1924 года, когда американские делегаты прибыли на IV панамериканский конгресс по улучшению условий жизни детей, происходивший в Сант-Яго (Чили), США не признавали чилийское правительство. В инструкции делегатам США говорилось, что «не предполагается, что их участие в указанном конгрессе может быть истолковано, как признание режима, действующего в настоящее время в Чили, в качестве чилийского правительства. Тем не менее, департамент желает, чтобы в случае, если Вы почувствуете, что будет сделана попытка такого толкования, Вы направили неофициальную ноту в министерство иностранных дел, сообщив, что участие делегации Соединенных Штатов в работе конгресса, о котором идет речь, не должно рассматриваться как признание в качестве правительства режима, ныне действующего в Чили»¹.

Когда в 1926 году США сделали оговорку о том, что подписание ими многосторонней санитарной конвенции не свидетельствует о признании непризнанных латиноамериканских правительств, они получили отпор со стороны делегации Сальвадора.

Осторожность США и боязнь «подразумевающегося признания» объясняются характером внешнеполитической обстановки, ее напряженностью в отдельные периоды взаимоотношений США и латиноамериканских государств. США опасались, как бы их фактические отношения без намерения признать не были бы истолкованы как «подразумевающееся признание». Для устранения нежелательного толкования применялись всевозможные меры предосторожности, начиная от посещения

¹ I. H a c k w o r t h, op. cit., pp. 346—347.

североамериканскими дипломатами официальных приемов в «неофициальном» качестве или воздержания от посещения этих приемов и кончая заявлениями о непризнании конкретных правительств. Выгодное в ряде случаев американским монополистам. истолкование того или иного действия как «подразумевающегося признания» могло в других случаях дезориентировать частных и должностных лиц как самих США, так и зарубежных стран. Если предоставлено «подразумевающееся признание», то за ним должен следовать полный комплекс всех политических и юридических последствий признания, чего США не хотели делать. Кроме того, если возникло основание для того, чтобы говорить о «подразумеваемомся признании», то Соединенные Штаты ставились перед необходимостью выступать с официальной публичной декларацией о том, что никакого «подразумевающегося признания» не было и что США не имели намерения предоставить признание новому правительству той или иной латиноамериканской страны. А такие заявления не всегда выгодны: они вызывают враждебную реакцию непризнаваемого правительства, возбуждают общественное мнение и т. д.

Даже буржуазные ученые отмечают, что официальное признание в качестве правительства де-факто или правительства де-юре является нелогичным, туманным и искусственным. Так, английский ученый Бати говорит, что признание де-факто — это «феномен нынешнего нелогичного XX века», «вырождающийся институт» прошлых эпох. Сепульведа отмечает, что «можно целиком приписать Соединенным Штатам установление различия между этими двумя понятиями и затемнение с этой целью указанного института»¹.

¹ С. Sepulveda, op. cit., pp. 18—19.

Неуманн тоже приходит к выводу, что термин «правительство де-юре» является очень субъективным», так как каждое правительство приходит в конечном счете к власти в нарушение какой-то конституции¹.

Юридическую несостоятельность признания правительства в качестве «законного» или «незаконного» подчеркивают и видные специалисты в вопросах признания новых правительств — аргентинец Л. П. Коста и костариканский юрист Л. Андерсон.

Коста указывает, что, касаясь внутривнутриполитических аспектов, еще можно спорить о законности того или иного правительства, но вовне, на международной арене этого делать нельзя, ибо суждение о законности или незаконности того или иного правительства является вмешательством во внутренние дела иностранного государства.

Андерсон также отмечает, что непризнание фактического правительства не может найти поддержки в международном праве, ибо нарушает суверенитет иностранного государства и является недопустимым вмешательством в его внутренние дела².

Бессмысленность деления всех правительств на «законные» и «незаконные» очевидна и потому, что если изучать родословную любого существующего правительства, то окажется, что его источником в историческом плане является или социальная революция или дворцовый переворот.

Сепульведа подчеркивает, что в 1921 году Советское правительство было признано де-факто, а в 1924 году — де-юре, хотя ничего в природе этого правительства не изменилось, что, впрочем, отмечают и другие юристы³.

¹ W. Neumann, *op. cit.*, p. 2.

² Ibid., p. 20.

³ C. Sepulveda, *op. cit.*, p. 22.

Не случайно Р. Л. Бобров говорит о хрупкости той юридической грани, которая отделяет признание *de-facto* от признания *de-jure*¹.

Теория и практика Советского государства нанесла удар по крючкотворству буржуазных дипломатов в вопросах признания с его делением на официальное признание в качестве правительств *де-юре* и в качестве правительств *де-факто*. Важнейшим является указание В. И. Ленина о том, что «есть сила бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»².

§ 26. Различные проекты межамериканских конвенций о мотивах признания правительств после второй мировой войны — отражение борьбы прогресса и реакции

Под дождем демагогических обещаний, делавшихся руководящими деятелями США во время второй мировой войны, в Латинской Америке появилось множество различных проектов международноправовых норм по вопросу о признании новых правительств.

На одной только конференции в Чапультепеке (Мехико) в 1945 году было внесено несколько таких проектов. В последующем их число превысило десяток. Большое количество проектов по вопросу о признании новых правительств объясняется рядом причин, в числе которых надо назвать рост демократических настроений в стра-

¹ Р. Л. Бобров, цит. соч., стр. 83.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 304—305.

нах Латинской Америки, недовольство американской политикой организации дворцовых переворотов, непризнания демократических латиноамериканских правительств и признания антинародных военно-полицейских диктатур.

В условиях второй мировой войны США, ведя борьбу на стороне антигитлеровской коалиции, делали многочисленные заявления, которые порождали у народов Латинской Америки надежду на достижение подлинной экономической и политической независимости.

По содержанию все проекты можно разбить на три группы: явно недемократические; безусловно демократические; могущие служить целям и демократии и реакции в зависимости от конкретных обстоятельств их применения.

На конференции в Чапультепеке те государства, которые считали, что коллективное непризнание было таким же вмешательством во внутренние дела государств, как и индивидуальное непризнание, внесли резолюцию, основанную на доктрине Эстрады. Они предложили упразднить навсегда институт признания правительства, указывая, что в тех случаях, когда в государстве устанавливается новое правительство, существовавшие до этого дипломатические отношения между данным государством и всеми другими не должны порываться¹.

На конференции в Чапультепеке делегация Эквадора внесла проект резолюции об упразднении понятия «правительство де-факто». В этом проекте она рекомендовала проводить политику признания, совместимую с принципом невмешательства². Представитель Эквадора

¹ A. V. Thomas and A. J. Thomas, op. cit., p. 252.

² C. Sepulveda, op. cit., «Appendice» № 1, pp. 81—82.

Эскудеро отметил, что признание в Латинской Америке все время используется в качестве политического средства и инструмента шантажа, и говорил о необходимости устранить процедуру признания фактических правительств.

Изменения в правительстве, по мысли авторов резолюции, не должны влиять на права государства и на его континуитет (т. е. существование в качестве неизменного субъекта). Поэтому нормальные дипломатические отношения с ним должны продолжаться.

Представитель Эквадора отметил, что его проект отличается от доктрины Эстрады и является более «передовым», так как доктрина Эстрады допускает отозвание дипломатического представителя из страны, где создано новое правительство, а его проект этого не предусматривает.

Сепульведа пишет, что эта резолюция может рассматриваться как современное толкование тезиса, впервые выдвинутого Джефферсоном¹.

На конференции была также внесена резолюция и обратного характера: она предусматривала непризнание правительств, возникших в результате дворцовых переворотов. Автором резолюции явилась делегация Гватемалы, заявившая, что вопрос о признании должен решаться индивидуально и свободно каждым государством и что диктаторские правительства, нарушающие права человека, не должны признаваться. В последующем правительство Гватемалы само не признало реакционное правительство Никарагуа, установленное силой, а также порвало дипломатические отношения с диктаторским правительством Доминиканской Республики.

¹ C. Sepulveda, op. cit., «Appendice», № 1, p. 51.

Оба проекта были переданы в Межамериканский юридический комитет, где после долгих дискуссий был принят компромиссный вариант.

Вопрос о признании был снова поднят на IX меж-американской конференции в Боготе в 1948 году, где опять проявилась оппозиция латиноамериканских государств Соединенным Штатам в вопросах признания новых правительств. На этой конференции делегация Мексики снова выступила в защиту доктрины Эстрады.

Представитель Уругвая предложил резолюцию, предусматривающую, что в случае серьезных нарушений прав человека со стороны какого-либо американского правительства другие правительства должны консультироваться между собой на предмет выяснения характера режима и вынесения решения о том, надо ли воздерживаться от признания нового правительства или нет, а если дипломатические отношения уже установлены, то не следует ли их разорвать.

Уругвайское предложение могло иметь два звучания в зависимости от того, применялось ли оно к реакционным, военно-диктаторским кликам в странах Латинской Америки или к правительствам, которые пытались ограничить интересы частных собственников, в том числе иностранных капиталистов и землевладельцев. Учитывая, что это предложение последовало вскоре после провозглашения пресловутой доктрины Ларреты, следует признать, что оно имело недемократический смысл.

IX межамериканская конференция обсудила, кроме того, еще некоторые предложения. Так, бразильская делегация предложила призвать Исполнительный совет Панамериканского союза решить вопрос о том, заслуживает ли вновь возникшее правительство установления с ним дипломатических отношений или нет. По мысли бразильской делегации, это решение должно было иметь «чисто информационный» характер. Делегация Перу

призывала к обмену мнениями между американскими государствами во всех случаях, связанных с появлением фактических режимов.

Из этих противоречивых проектов рабочая группа создала два компромиссных проекта. Один из них предлагал обмен информацией по вопросу о желательности предоставления признания фактическим правительствам при условии, что такой обмен мнениями не создает обязанности для государства действовать совместно. Второй проект предложил снова передать этот вопрос Межамериканскому совету юристов с условием, что он рассмотрит наряду с другими вопросами и вопрос о возможности коллективного признания.

Первый проект был отвергнут, а второй принял только после того, как из него выбросили предложение о коллективном признании.

В итоге конференция приняла резолюцию общего характера, состоящую из трех пунктов: 1) продолжение дипломатических отношений с новым правительством желательно; 2) признание не должно использоваться для получения выгод; 3) признание не означает одобрения внутреннего режима государства¹.

Позднее первое совещание межамериканского совета юристов в 1950 году выработало проект конвенции о признании правительств, состоящий из трех статей. Статья 1 проекта предусматривала, что фактическое правительство имеет право быть признанным, если оно осуществляет на территории государства эффективную власть, которая основана на молчаливом согласии населения, выраженном в соответствующей форме, при условии, что правительство показывает свою способность и желание выполнять международные обязательства. Статья 2 устанавливала, что признание не может быть

¹ C. Sepulveda, op. cit., «Appendice», № 2, p. 83.

использовано в качестве средства приобретения каких-либо выгод для фактических правительств. Статья 3 указывала на недопустимость использования непризнания в качестве санкции или репрессалии.

Второе совещание Межамериканского совета юристов, состоявшееся в 1952 году в Буэнос-Айресе, пришло к выводу о преждевременности принятия конвенции по вопросу о признании нового правительства.

На X межамериканской конференции в Каракасе в том же году Бразилия предложила резолюцию о признании фактических правительств, однако эта резолюция была провалена¹. Противоречия между американскими монополиями, с одной стороны, и латиноамериканскими странами — с другой, а также противоречия между демократическими и реакционными правительствами латиноамериканских стран не позволили до сих пор принять какие-либо единые нормы в данном вопросе.

Определенный тупик, в который зашла проблема признания во взаимоотношениях латиноамериканских стран и США, не удивителен. Слишком очевидно, что многие институты «своеобразного», «панамериканского» международного права, которое десятилетиями создавали и применяли Соединенные Штаты в странах Латинской Америки,— это не международное право наших дней, а его нарушение. Кроме того, латиноамериканцы все менее и менее склонны оставаться на положении полуколоний североамериканских монополий.

В новых условиях и в новой обстановке американским монополиям и милитаристам есть над чем подумать. «Времена меняются, и мы в них меняемся».

Появление Советского государства, а затем и стран мировой социалистической системы, их демократическая

¹ A. V. Thomas and A. J. Thomas, op. cit., p. 253.

политика в области признания новых государств и правительств содействовали вынужденному изменению внешней политики США и других капиталистических государств в целом, и в вопросах признания правительств в Латинской Америке в частности¹.

Раньше непризнание крупной державой правительства малого государства могло привести к его гибели. Такова была участь ряда латиноамериканских правительств, непризнанных США. Теперь, опираясь на мировую социалистическую систему, на отношения с нейтралистскими странами, вновь возникшее правительство может нормально функционировать, и, следовательно, сокращается коэффициент вредного действия политики непризнания. Советский Союз оказывает сдерживающее влияние на возможности американского империализма и при решении вопросов, связанных с признанием, в каждом конкретном случае. Так, признание Соединенными Штатами Америки правительства Боливии и урегулирование с ним спорных вопросов в 1960 году было облегчено обещанием СССР оказать помощь Боливии².

Будучи поставленным в новые исторические условия и рамки в вопросах признания новых государств и правительств фактом существования мировой социалистической системы, империализм меняет свою тактику. С одной стороны, он становится на путь автоматического признания вновь возникшего государства и правительства, а с другой стороны, создает положение, при котором форма признания не наполняется международноправовым содержанием, т. е. вслед за официальным признанием не следует фактическое признание суверенных прав государства, его физических и юридических лиц.

¹ Д. И. Фельдман, Признание правительств в международном праве, стр. 39.

² C. Ronning, *op. cit.*, p. 45.

В наши дни вместо юридического непризнания империалистические державы устанавливают дипломатические отношения, но проводят политику фактического непризнания (не торгуют, не поддерживают связи, ведут подрывную деятельность). Сейчас США формально признают ряд социалистических государств, но фактически выхолащивают свое признание. Это ярко заметно на отношении США к официально признанной ими революционной Кубе, которую они пытаются удушить всеми возможными и «целесообразными» средствами.

Однако под давлением демократических течений, мирового общественного мнения капиталистические державы все более вынуждены становиться на путь автоматического признания как новых государств (в Африке), так и новых правительств.

Об этом наглядно свидетельствует резолюция XXXV о признании правительств де-факто, принятая в 1948 году американскими государствами на конференции в Боготе и предусматривающая необходимость автоматического признания любого правительства, фактически пришедшего к власти.

Эта резолюция олицетворяла желание латиноамериканских стран положить конец практике США прерывать дипломатические отношения с новым фактическим правительством, по мотивам его «незаконного», «неконституционного», «насильственного» происхождения, для изоляции его и давления на него, для получения от него различных уступок и т. д.

Правда, по вопросу о сущности этой резолюции в конкретной ситуации, в которой она принималась, высказана другая оценка¹.

¹ Б И Гвоздарев, Организация американских государств, М., 1960, стр. 144.

В момент принятия этой резолюции в ряде стран Латинской Америки к власти пришли правительства, к легализации которых стремились США. Последующие годы показали, что США использовали эту резолюцию именно для признания без особых задержек реакционных военных хунт в Гватемале, Перу, Сальвадоре, Доминиканской Республике, Гондурасе и др. Однако теоретически возможна и практически имела место и другая ситуация, когда к власти может прийти и приходило народное правительство (в Гватемале, на Кубе, в Доминиканской Республике). Очевидно, что в этих случаях исполнение резолюции играло бы положительную роль¹.

Более того, эта резолюция явилась как бы развитием положительных моментов мексиканской доктрины Эстрады, в частности в вопросах об установлении дипломатических отношений с адресатом признания без оскорбительных деклараций о «признании» или «непризнании», без условий такого признания. Иными словами, эта резолюция содержит в себе как положительные, так и отрицательные потенции, т. е. она может быть инструментом и в руках демократии, и в руках реакции. Все зависит от того, кто, где, как и в отношении какого правительства ее применяет.

Обращает на себя внимание, что в очень многих случаях после принятия резолюции XXXV о признании правительств де-факто, США устанавливали дипломатические отношения с новыми латиноамериканскими прави-

¹ Правительство Кубы было признано США на 7 день после свержения режима Батисты — 7 января 1959 г. Правда, США здесь остались верны своей традиции — они поставили условием признания выполнение Кубой ее неравноправных международных обязательств перед США.

тельствами без каких-либо оскорбительных условий и заявлений.

В целом ряде случаев это определялось явно реакционным проамериканским характером признаваемых правительств. Так было с признанием правительства Гватемалы в июле 1954 года, правительства Гондураса — в октябре 1956 года, правительств Гаити, четырежды признанных, — в декабре 1956 года, марте и мае, а также июле 1957 года, правительства Венесуэлы — в феврале 1958 года, правительства Боливии — в ноябре 1964 года, правительства Аргентины — в июне 1966 года и др.

Однако в том случае, когда США считали необходимым как-то оправдать в глазах латиноамериканского общественного мнения свое являющее с явно ненавистными народам кликами «горилл», они прибегали к пространным заявлениям о мотивах своего быстрого признания этих правительств.

Так было с признанием реакционной военной хунты в Перу в 1962 году. После двух маскировочных заявлений государственного департамента США от 18 и 19 июля этого года о том, что правительство США сожалеет, что в Перу военная хунта свергла правительство президента Прадо, и упоминания о том, что США пристально наблюдают с «великим беспокойством» за событиями в Перу, правительство США признало военную хунту Перу меньше чем за полтора месяца. При этом государственный департамент заявлял, что: 1) он консультировался с правительствами других стран Латинской Америки; 2) пришел к выводу о необходимости признать военную хунту; 3) хунта осуществляет в Перу эффективный контроль; 4) хунта обещает соблюдать международные обязательства Перу; 5) она же обязалась гарантировать гражданские свободы населению; 6) намерена провести через год выборы; 7) хунта заяви-

ла о своем стремлении уважать и защищать результаты выборов, каковыми бы они ни были; 8) хунта установит политику открытых дверей для всех, кто пожелает непосредственно присутствовать во время избирательной кампании, о чем уведомила Организация американских государств.

В этой связи США также извещали мировое общественное мнение о том, что они возобновляют экономическую помощь признанному правительству Перу вместе с восстановлением дипломатических отношений¹.

Роннинг утверждает, что США сочли целесообразным вернуться «к американской политике» признания, под которой он понимает джефферсоновский принцип признания, предоставляемого всем фактическим правительствам. Этот возврат США к признанию фактических правительств, по его мнению, определяется боязнью со стороны правительства США, что их политика непризнания вызовет недовольство латиноамериканских стран и усилит влияние социализма.

Однако эта точка зрения не подтверждается фактами, так как во многих случаях США, несмотря на относительную автоматичность признания нового правительства, выдвигали требования или пожелания стабильности нового правительства, выполнения им своих обязательств перед США, проведения выборов, восстановления конституции, информации о событиях внутри страны Организации американских государств и т. д.

Роннинг подчеркивает «хрупкость» американской доктрины признания времен Джефферсона и перекладывает вину на латиноамериканскую «элиту», военные

¹ «DSB», September 3, 1962, p. 348—349.

круги, утверждая, что именно эти социальные силы заставляют США «пассовать» и возвращаться к «неолегитимности», т. е. требуют от нового латиноамериканского правительства законности¹.

В свое время латиноамериканским странам удалось добиться, что независимо от того, признано то или иное латиноамериканское правительство или нет Соединенными Штатами Америки, оно имеет право официально представлять свою страну в Организации американских государств.

Двигаясь под напором сил прогресса по пути автоматического признания фактических правительств, США стремятся тем не менее использовать послушную им ОАГ для оказания давления на неугодные правительства под предлогом нелегитимности, т. е. несоответствия того или иного правительства (например в моменты революционных приливов — Гватемалы, Венесуэлы, Кубы, Доминиканской Республики и других стран) «принципам американской демократии».

В августе 1960 года по инициативе США министры иностранных дел американских государств собрались на консультацию и вынесли решение порвать дипломатические отношения с правительством Трухильо в Доминиканской Республике, официально мотивируя это тем, что последний обвинялся в подготовке свержения правительства Венесуэлы и убийства его главы Бетанкура. Эта инициатива США указывала на их стремление освободиться от своей вконец скомпрометированной марионетки, тридцатилетняя кровавая диктатура которой вызвала массовое недовольство и озлобление как доминиканского населения, так и общественного мнения других латиноамериканских стран.

¹ Ronning, op. cit., p. 28.

Как известно, США удалось тогда провести через ОАГ решение о разрыве дипломатических отношений с Доминиканской республикой¹.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что дипломатия США в вопросе признания правительств находится под воздействием двух тенденций. С одной стороны, это — тенденция к автоматическому признанию новых правительств, с другой — реакционная тенденция к предоставлению признания новым правительствам с опозданием, под условием, за определенную «мзду» и т. д.

Отметим также, что провозглашенные американским империализмом доктрины «Манна и Джонсона» отражают сущность современной политики США в Латинской Америке, одно из проявлений которой — курс на прямую поддержку дворцовых переворотов и реакционный характер американской позиции в вопросе признания правительств.

Нередко руководители США говорят о том, что их вмешательство осуществляется только в порядке «контрмеры», т. е. в случае, если имеет место вмешательство или угроза вмешательства извне американского континента, и указывают, что в подобном случае должна действовать ОАГ.

Такого рода камуфляж станет ясным, если вспомнить, что не кто иной, как сам Эйзенхауэр, наградил в ноябре 1954 года известных диктаторов-президентов Одрия и Хименеса высшими американскими орденами, хотя они только за шесть месяцев до этого захватили

¹ Б. И. Гвоздарев, Антикубинские решения ОАГ противоречат основным принципам международного права, «Международное право и Латинская Америка», М., 1962, стр. 96 и сл.

власть силой, свергли конституционные гражданские, созданные в результате буржуазно-демократических выборов, правительства в Перу и Венесуэле.

Принимая беспрецедентную агрессивную резолюцию 20 сентября 1965 г. о «праве» США на вооруженную интервенцию в страны Латинской Америки, палата представителей США ссыалась на необходимость борьбы с «опасностью второй Кубы», «внутренней агрессией». Резолюция предписывает США отказ от принципа невмешательства и обращение к принципу одностороннего вмешательства¹.

Однако, как справедливо указывает кубинская газета «Ой», еще в 30-х годах, когда не существовало ни «угрозы второй Кубы», ни «внутренней агрессии», которые сейчас служат предлогом интервенции в Санто-Доминго и для того, чтобы аннулировать как формально, так и фактически принцип «невмешательства», США также официально и цинично вмешивались в дела стран Латинской Америки².

¹ Г. Г а л и н а, Д. Ф е л ь д м а н, Грубый и противоправный акт палаты представителей конгресса США, «Советское государство и право» 1965 г. № 12, стр. 124—127.

² «Ной» 23 de septiembre de 1965, p. 8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дворцовые перевороты, организуемые при прямом соучастии империализма США, являются грубым нарушением таких общепризнанных принципов международного права, как суверенитет, невмешательство, равноправие государств, нашедших свое отражение как в Уставе ООН, так и в Уставе ОАГ.

Интервенционистские действия США грубо попирают права латиноамериканских государств и вместе с тем означают полное игнорирование элементарных обязанностей США, предусмотренных Уставом Организации американских государств, где говорится, что «каждое американское государство должно уважать права других государств в соответствии с международным правом» (ст. 7) и предусматривается, что «основные права государств не могут быть ущемлены ни в какой форме».

Экономическое, политическое и военное давление США на латиноамериканские страны в целях свержения одних правительств и утверждения у власти других несовместимо с обязательствами, возлагаемыми на каждое американское государство ст. 9 Устава ОАГ. В этой статье подчеркивается, что «политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами». Даже до своего признания государство имеет право на защиту своей целостности и независимости, на обеспечение своей безопасности и процветания

и, исходя из этого, право организовываться, как сочтет необходимым, издавать законы по касающимся его вопросам и руководить различными органами, а также определять компетенцию своих судов. Осуществление этих прав не имеет никаких ограничений, кроме уважения прав других государств в соответствии с международным правом.

Народ каждой латиноамериканской страны имеет право на самоопределение, самостоятельное развитие, на установление своего собственного правительства, избрание удобного ему политического режима и той или иной социально-экономической системы. Статья 15 Устава ОАГ определяет, что «никакие государства или группа государств ни под каким предлогом не имеют права на прямое или косвенное вмешательство во внутренние или внешние дела любого государства. Вышеуказанный принцип относится не только к вооруженному вмешательству, но и к любой другой форме вмешательства или тенденции, имеющей целью посягательство на личность государства или его политические, экономические и культурные органы».

Попытки США оправдать вмешательство во внутренние дела Латинской Америки в момент происходящих там дворцовых переворотов или идущего национально-освободительного движения под предлогом защиты американских бизнесменов юридически несостоятельны, так как латиноамериканское государство, как и всякое другое государство, имеет право определять статус иностранцев и их собственности в силу своего суверенитета, а иностранцы не могут претендовать на особое по сравнению с местными гражданами положение.

В Уставе ОАГ прямо указывается, что «юрисдикция государства в пределах границ его территории распространяется в равной степени на всех жителей, будь они гражданами данной страны или иностранцами» (стр. 12).

Применяемые США на практике доктрины грубо противоречат принятой в декабре 1965 года XX сессией Генеральной Ассамблеи ООН «Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета».

В п. 1 Декларации устанавливается, что «никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела государства. Вследствие этого осуждаются не только вооруженное вмешательство, но также все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов».

В п. 2 подчеркивается, что «ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ. Все государства должны также воздерживаться от того, чтобы организовывать, помогать, создавать, финансировать, поощрять или допускать вооруженную, подрывную или террористическую деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия, а также от того, чтобы вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве».

Пункт 5 напоминает, что «каждое государство имеет неотъемлемое право выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства».

А п. 7 исключает вмешательство не только отдельных государств, но и их объединений или организаций, указывая, что «в целях настоящей декларации термин

«государство» охватывает как отдельные государства, так и группы государств»¹.

Анализ взаимоотношений США со странами Латинской Америки показывает, как США пытаются использовать международное право в своих интересах, применяя с большей выгодой для себя формально равноправные статьи межамериканских соглашений.

В интересах американских монополий осуществляются и дворцовые перевороты, а также реализуются межамериканские конвенции о так называемой «панамериканской» солидарности, «договоры о помощи» и «соглашения» об обороне.

Различные резолюции о признании фактических правительств, о невмешательстве в гражданские войны, о защите законных правительств о невывозе оружия — все это толкуется и применяется прагматически, т. е. так, как это выгодно США в каждом конкретном случае.

Многие ученые и руководящие деятели США, собственно говоря, и не оспаривают этого, а, наоборот, гордятся тем, что они руководствуются в своей деятельности и практике принципами прагматизма, являющегося одним из самых распространенных методов проведения внешней и внутренней политики капиталистического государства².

Дворцовые перевороты не являются «неизбежным злом» Латинской Америки. Народные массы Латинской Америки постоянно борются против «диктаторов» и «освободителей» как внутренних, так и внешних, борясь за свой государственный и народный суверенитет.

¹ «Международная жизнь» 1966 г. № 2, стр. 157.

² См. E. Mc Whinney, *Peaceful Coexistence and Soviet-Western International Law*, Leyden, 1964, p. 131.

В наши дни латиноамериканский континент находится в стадии бурного развития и революционных преобразований. Кубинская революция — это лишь начало общего процесса латиноамериканской революции.

Революционную ситуацию в Латинской Америке уже вынуждены без обиняков признавать и руководители США. Так, проповедуя мирную, капиталистическую революцию, президент Джонсон заметил: «Мы теперь говорим, если мирная революция невозможна, то насильственная революция неизбежна»¹.

Сотрудник американской военной разведки Юз, выступая на конференции офицеров латиноамериканских вооруженных сил 8 июня 1964 г., высказывался в том же плане. «Ситуация сама по себе является революционной. Перед нами выбор: или присоединиться к революции и направить ее на наиболее конструктивный возможный путь, или препятствовать ей и передать тем самым руководство силам, которые могут разрушить самое дорогое для нас. Большая часть того, о чем я говорю, практически приводит к мысли о необходимости «революции сверху»².

Но из правильной констатации революционной ситуации в Латинской Америке американские монополии, исходя из своих классовых интересов, делают неправильный вывод, планируя «революцию сверху», которой, разумеется, не желает ни один народ, ибо она является операцией империализма и неокOLONиализма.

Дворцовые перевороты — этот инструмент эпохи «будуарной дипломатии» и эпохи «дипломатии кононеров» — осуждены народами и современным международным правом. Они должны исчезнуть.

¹ «DSB», July 6, 1964, p. 15.

² Ibid., p. 17.

Коммунистические партии латиноамериканских стран призывают свои народы с учетом конкретной обстановки в каждой стране к созданию патриотического прогрессивного или единого народного антиимпериалистического фронта и соответствующих им демократических правительств в борьбе против внутренней и внешней реакции, за предотвращение реакционных дворцовых переворотов.

Коммунистические партии борются против существующей в некоторых странах, например в Аргентине, так называемой «параллельной власти» реакционных военных кругов, которая стоит за спиной правительств и, угрожая свержением, диктует свои условия.

Вооруженную борьбу ведут революционные антиимпериалистические силы Венесуэлы, Гватемалы, Колумбии, Бразилии, растет сопротивление трудящихся масс эксплуатации. «Зеленый гигант», как часто называют Бразилию, пробуждается от паралича, в который его погрузил дворцовый переворот 1964 года. Широко сплачиваются демократические силы Латинской Америки — рабочие, крестьяне, определенные круги национальной буржуазии, интеллигенция. В этом отношении очень показательны бурные демонстрации протеста и даже насильственные действия, которыми латиноамериканцы встречали американских президентов и вице-президентов в послевоенные годы — Трумэна, Эйзенхауэра, Никсона, Джонсона, для охраны чьих персон при поездке по странам Латинской Америки вызывались не только тысячи полицейских, но и регулярные войска, танки, вертолеты, а также американские военные корабли.

В докладе на XXIII съезде КПСС Л. И. Брежнев указывал, что «КПСС, весь советский народ гневно осуждают преступную политику заговоров и диверсий против независимых государств.

Особо следует сказать о мужественной освободительной борьбе народов Латинской Америки.

Еще сравнительно недавно США рассматривали Латинскую Америку как свой надежный тыл. Сегодня же на этом континенте нет ни одной страны, где бы не шла борьба против американского империализма и его пособников — местной военщины, феодальных кругов, буржуазии, связанной с иностранными монополиями. Во главе этой борьбы выступают рабочий класс и коммунистические партии»¹.

¹ Л. И. Брежнев, Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза, Политиздат, 1966, стр. 29.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ — ИНСТРУМЕНТ ВМЕШАТЕЛЬСТВА США ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

§ 1. Так делаются дворцовые перевороты . . .	3
§ 2. Калейдоскоп государственных переворотов в Латинской Америке и их причины	14
§ 3. Экономическое давление США на латиноамериканские правительства	24
§ 4. Политическое давление США на латиноамериканские правительства	31
§ 5. Военное давление США на латиноамериканские правительства	41
§ 6. Давление США на латиноамериканские правительства искусственной постановкой вопроса об их ответственности	52
§ 7. Свергнутые президенты и вопрос о «праве убежища» в иностранных посольствах . . .	57
§ 8. Признание правительств, возникших в результате дворцовых переворотов	67

ГЛАВА II

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

§ 9. Попытки буржуазной науки доказать необходимость «узаконения» новых правительств	74
--	----

§ 10. Фактическое признание латиноамериканских правительств США	77
§ 11. Фактическое признание латиноамериканских правительств через суды США	82
§ 12. Признание новых латиноамериканских правительств Соединенными Штатами Америки «под условием»	85
§ 13. Договоры об условиях признания новых правительств, заключенные под давлением США	92
§ 14. Межамериканская конвенция о правах и обязанностях государств о значении признания новых правительств	100
§ 15. Вопрос о признании новых латиноамериканских правительств после коллективных консультаций	103

Г Л А В А III

ДОКТРИНЫ ПРИЗНАНИЯ НОВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ ИЛИ РЕВОЛЮЦИИ

§ 16. Доктрина президента США Томаса Джефферсона об автоматическом признании правительств, «созданных волей нации» . . .	113
§ 17. Доктрина министра иностранных дел Мексики Хенаро Эстрады об отказе от заявлений о признании или непризнании новых правительств	120

Г Л А В А IV

РЕАКЦИОННЫЕ ДОКТРИНЫ ПРИЗНАНИЯ НОВЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ ИЛИ РЕВОЛЮЦИИ

§ 18. Доктрина президента США Руттерфорда Хея — требование соблюдения латиноамериканскими правительствами договоров с США	131
§ 19. Доктрина министра иностранных дел Эквадора Карлоса Тобара о непризнании латиноамериканских правительств, возникших из дворцовых переворотов или революций . .	137
§ 20. Доктрина президента США Вудро Вильсона — требование соблюдения конституционной преемственности	141
§ 21. Доктрина государственного секретаря США Генри Стимсона — требование стабильности латиноамериканских правительств и соблюдения ими договоров с США	146
§ 22. Доктрина министра иностранных дел Уругвая Эдуардо Ларреты о допустимости вмешательства в дела правительств стран Латинской Америки	151
§ 23. Доктрина помощника государственного секретаря США Томаса Манна об автоматическом признании и поддержке военно-диктаторских правительств Латинской Америки	154
§ 24. Доктрина президента США Линдона Джонсона о «недопущении» создания в западном полушарии еще одного коммунистического правительства	160

§ 25. Признание де-факто и де-юре в практике США	161
§ 26. Различные проекты межамериканских кон- венций о мотивах признания правительств после второй мировой войны — отражение борьбы прогресса и реакции	167
Заключение	181

Л а з а р е в М а р к л е н И в а н о в и ч

«ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ
В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ»

Редактор Л. А. К о м а р о в а

Переплет художника В. П. П а в л ю к а

Художественный редактор В. И. М е ш а л к и н

Технический редактор А. А. Г у с т о в с к а я

Корректор Н. С. С о т н и к о в а

Сдано в набор 3/III-1967 г. Подписано в печать, 9/VI-1967 г. Бумага типографская № 2, формат 70×90¹/₃₂.
Объем физ. печ л 6,0, усл. печ. л 7,02; учет.-изд. л. 7,64 Тираж 8000 экз. А-03177. Цена 59 коп. Заказ № 2164
Объявлено: тем. план 1967 г. № 68.

Издательство «Юридическая литература», Москва. К-64,
ул. Чкалова д. 38—40.

Областная типография Ивановского управления по печати, г. Иваново, Типографская, 6.

591000.

